

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2024

1(59)

Ψλ

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (59) 2024
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (59) 2024
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Виктор Иванович Шаховский. К 85-летию ученого	8
Волкова Я.А., Вашунина И.В. (Москва, Россия)	
Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании	10
Полякова Ю.Ю., Матвеева Г.Г. (Ростов-на-Дону, Россия)	
Эмотивность и ее проявление в речи русских и американских тревел-videоблогеров	22

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бугакова Л.О., Гуц Е.Н. (Омск, Россия)	
Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование.....	36
Казакова С.В., Бубнова И.А. (Москва, Россия)	
Влияние автора искусственной литературной вселенной на взаимосвязь типа квазиреалии с ее функцией (на материале литературных вселенных Дж.Р.Р. Толкина и Ф. Герберта)	60
Кирилина А.В. (Москва, Россия)	
Протекционистская языковая политика в Министерстве обороны Российской федерации	72
Козлова Е.А. (Киров, Россия)	
Пресуппозиции и аксиосфера лидера в профессиональном и медийном дискурсах.....	84
Торубарова И.И. (Воронеж, Россия)	
Особенности восприятия научного текста студентами медицинского университета: психолингвистический эксперимент	94

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Кравченко А.В. (Иркутск, Россия)	
О «врожденности» имени.....	108

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Теркулов В.И. (Донецк, Россия)	
Психолингвистические исследования на кафедре русского языка Донецкого государственного университета.....	122
Чугунова С.А. (Брянск, Россия)	
Психолингвистические исследования в Брянске.....	125

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Суворова Е.В. (Москва, Россия)	
Концептуальные представления о чуждости, отраженные в русской языковой картине мира, сквозь призму градуального противопоставления «ДРУГОЙ – ИНОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ»	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение на конференцию «Слово и текст: поиски смысла».....	152
--	-----

OUR ANNIVERSARIES

Viktor Ivanovich Shakhovskiy. On the 85th anniversary of the scientist.....	8
Volkova Ya.A., Vashunina I.V. (Moscow, Russia)	
Linguoaxiology of emotions: linguocultural value of ZLOST' in Russian linguistic consciousness	10
Polyakova Yu.Y., Matveeva G.G. (Rostov-on-Don, Russia)	
Emotivity and its manifestation in the speech of Russian and American travel video bloggers.....	22

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Butakova L.O., Guts E.N. (Omsk, Russia)	
The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: a trend study.....	36
Kazakova S.V., Bubnova I.A. (Moscow, Russia)	
The influence of the author of an artificial literary universe on the correlation between the type of quasi-realia with its function: based on the material of the literary universities of J.R.R. Tolkien and F. Herbert	60
Kirilina A.V. (Moscow, Russia)	
Protectionist language policy in the Ministry of defense of the Russian Federation.....	72
Kozlova E.A. (Kirov, Russia)	
Presuppositions and the leader's axiosphere in professional and media discourses.....	84
Torubarova I.I. (Voronezh, Russia)	
Scientific text perception by medical university students: psycholinguistic experiment	94

DISCUSSION

Kravchenko A.V. (Irkutsk, Russia)	
On "innateness" of names.....	108

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH IN RUSSIAN REGIONS

Terkulov V.I. (Donetsk, Russia)	
Psycholinguistic research at the Department of the Russian language at Donetsk State University.....	122
Chugunova S.A. (Bryansk, Russia)	
Psycholinguistic research in Bryansk.....	125

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Suvorova E.V. (Moscow, Russia)	
The study of conceptual content of alienness in the Russian linguistic picture of the world through the gradual opposition "OTHER – DIFFERENT – FOREIGN – ALIEN"	138

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to the conference "Word and text: search for meaning".....	152
---	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШАХОВСКИЙ
1939–2022
К 85-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО

Доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Виктору Ивановичу Шаховскому – 85 лет со Дня рождения.

И хотя его уже нет рядом с нами, имя ученого, научные идеи и труды по-прежнему живут и продолжают в научных исследованиях его учеников и последователей.

Цитирований работ ученого с годами не становится меньше, напротив, ценность его мыслей и актуальность теоретических проблем, разрабатываемых им на протяжении всей научной жизни, только возрастает.

Лингвистика эмоций прочно ассоциируется с именем профессора В.И. Шаховского, который не только создал непротиворечивую лингвистическую теорию эмоций, но собрал воедино положения, лишь наметившие или намечающие новые пути развития эмотиологии, дал детальное и логичное описание эмотивной лингвоэкологии, во многом предугадал и предвосхитил пути развития лингвистической науки XXI века и ее прикладных направлений: моделирования смешанных эмоций, эмоционально-когнитивных и эмоционально-тактильных комплексов, разработки основ для анализа автоматической эмоциональной речи, поиска эмоциональных механизмов тотальной медиатизации дискурсов и стратегий ведения информационно-психологических войн.

Почетный профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, профессиональный педагог и мудрый человек, В.И. Шаховский придавал огромное значение популяризации и передаче знаний новым поколениям исследователей: он оставил в наследство филологам учебные и методические пособия по лингвистике эмоций, лингвокультурологии, лингвоэкологии. Его учебник стилистики английского языка пережил множество переизданий и является одним из самых востребованных пособий для студентов-лингвистов, аспирантов, переводчиков; его книга воспоминаний «Отечественная лингвистика в лицах. Азбука человечности» – беспрецедентный пример заботы ученого о воспитании гуманного и честного поколения исследователей, продолжателей традиций, заложенных великими отечественными лингвистами.

Профессор В.И. Шаховский прожил активную научную жизнь, в конце которой признавался, что был поистине счастлив, потому что вся его активная деятельность была связана с научными исследованиями, университетом, успехами его многочисленных учеников, пониманием и признанием его коллег и даже с острыми дискуссиями и спорами, и все это – во благо бесконечно почитаемой им науки лингвистики.

Вспоминая ученого, все, кто его знал, отмечают, что он был настоящим тружеником, посвятившим себя науке, желающим донести свои мысли, идеи до всех, кто был открыт новому знанию, искренне восхищался достижениями своих коллег. Виктор Иванович был неравнодушным человеком, защитником справедливости, всегда вставал на защиту обиженных и оказывал помощь тем, кто в ней нуждался. Он был настоящим другом и сумел пронести дружбу со многими учеными и просто интересными ему людьми на протяжении всей жизни. Можно с уверенностью сказать, что он был самым преданным представителем своего направления в науке, ученым-патриотом, болеющим за судьбу родного языка, знатоком языков и культур разных народов.

Его научный фанатизм, уникальная логика мышления, великолепные организаторские способности, человеческое обаяние и блестящее чувство юмора всегда привлекали к нему людей. В этот знаменательный юбилейный для В.И. Шаховского год и дальнейшие годы пусть его имя продолжает звучать на научных конференциях, в академических дискуссиях, в аудиториях университетов на лекциях и семинарах. Пусть появляются новые публикации, продолжающие и развивающие научную теорию и перспективные идеи выдающегося ученого.

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗЛОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Волкова Яна Александровна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Вашункина Ирина Владимировна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокультурной ценности эмоции ЗЛОСТЬ в русском языковом сознании. В основе исследования лежит представление о том, что ценностное содержание эмоции культурно специфично, не полностью доступно прямому наблюдению, при этом может быть обнаружено и измерено с помощью психолингвистических методик. С целью выявления лингвокультурной ценности эмоции ЗЛОСТЬ в русском языковом сознании был проведен эксперимент с применением метода шкалирования: на первом этапе на основе полученных от респондентов характеристик эмоции ЗЛОСТЬ были составлены семибалльные биполярные шкалы. На втором этапе испытуемые оценивали эмоцию ЗЛОСТЬ по этим шкалам, результаты и получили интерпретацию. Установлено, что чаще всего (по этим шкалам получено наименьшее число нулевых оценок) ЗЛОСТЬ оценивается как *эмоциональная* и *тревожная*, а также как *сильная*, *злая*, *волнующая* и *разрушительная*. Наиболее однозначно в массовом сознании сформирован образ ЗЛОСТИ как тревожной, злой, разрушительной и быстрой (по этим шкалам обнаружен наименьший разброс оценок). Характеристики эмоции ЗЛОСТЬ были расположены в порядке убывания интенсивности качества (которую характеризует абсолютная величина оценки), причем цифровые показатели интерпретированы вербально: ЗЛОСТЬ *очень эмоциональная, очень злая, очень разрушительная, очень тревожная, опасная, ужасная, яркая, грустная, импульсивная, плохая, довольно искренняя, довольно волнующая, довольно быстрая, довольно поглощающая, довольно большая, довольно сильная, довольно неосознанная, довольно горячая, довольно громкая*. Полученные результаты свидетельствуют о возможности применения использованной в исследовании методики для изучения лингвокультурной ценности эмоций в русском языковом сознании, а также в сопоставительных исследованиях.

Ключевые слова: лингвоаксиология, лингвокультурная ценность, эмоция ЗЛОСТЬ, экспериментальное исследование, шкалирование.

Введение

В современном мире понимание эмоций и их роли в жизни человека становится предметом все более глубокого анализа: эмоции проявляются через разные каналы, включая физиологические и вербальные реакции, и являются важнейшей частью межличностного взаимодействия. В контексте лингвистической теории В.И. Шаховского эмоции приобретают особую значимость, становясь предметом исследования в коммуникативной, когнитивной, текстовой, прагматической, культурологической и других парадигмах языкознания [Шаховский 2008: 21–24]. Значимость эмоций в лингвистике проявляется, прежде всего, в том влиянии, которое эмоциональное состояние говорящего оказывает на выбор лексических единиц, синтаксических конструкций, формирование оценочных высказываний. Каждая эмоция соотносится с определенными вербальными и невербальными знаками, их каталог формирует семиотику эмоций, которая отражает знания, культуру и общественные нормы [Шаховский 2008: 384].

В своей первой монографии, посвященной проблемам категоризации эмоций в языковой системе, В.И. Шаховский писал, что эмоциональный опыт человека не только индивидуален, но и социально обусловлен [Шаховский 1987]. В языке сосуществуют эмоциональный и рациональный компоненты, и стилистика речи определяется эмоциональным выбором говорящего. В свою очередь, вербальная идентификация эмоций, под которой понимается процесс обозначения и описания испытываемых человеком эмоций с помощью вербальных средств, по большей части, субъективна и зависит от контекста и эмоционального состояния коммуникантов. Несмотря на то, что нормы выражения эмоций изменчивы и зависят от таких факторов, как возраст, социальный статус и культурная принадлежность, в различных культурных контекстах существуют свои специфические нормы выражения эмоций, что приводит к формированию особых языковых и культурных моделей эмоционального поведения, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с понятиями оценки и ценности.

Общеизвестно, что характеристики ценностей и их оценка являются фундаментальными аспектами человеческого существования и общественной жизни, но в то же время остаются сравнительно малоизученными и даже загадочными объектами. Эмотивная лингвистика, как и ранее социальная лингвистика, столкнулась с необходимостью раскрыть закономерности и особенности изменений ценностных парадигм в обществе. Мы являемся свидетелями глобальных общественных трансформаций, разрушения вековых ценностных устоев: цифровые технологии, растущее влияние социальных сетей воздействуют не только на экономические и политические реалии нашего времени, но и на индивидуальное и коллективное сознание. В основе любых трансформационных процессов лежат эмоции, т.к. именно они являются основным компонентом как ценностей, так и оценок.

Соотношение оценки и ценности. Эмоции как ценность

Оценка – это процесс оценивания или суждения о чем-то на основе определенных критериев или стандартов. Она обычно связана с нашими убеждениями, представлениями или ожиданиями о том, что является «хорошим» или «плохим», «правильным» или «неправильным». Оценка может быть субъективной или объективной и зависит от ряда факторов, включая личные пристрастия; ее цель заключается в том, чтобы оцениваемые объекты соответствовали нашим представлениям или ожиданиям. Таким образом, оценка направлена на то, чтобы привести объект в соответствие с нашими

словами или представлениями о нем [Арутюнова 1985; Вольф 1985; Галкина-Федорук 1958].

Ценность отражает важность или значимость чего-то для нас, т.е. она может быть обусловлена не столько свойствами самого предмета, сколько нашим отношением к этому предмету. Можно сказать, что связь между ценностью и оценкой основана на взаимодействии убеждений, представлений и ожиданий личности о мире с процессом оценивания объектов и событий в этом мире. С одной стороны, ценности являются основой оценки, представляя собой основные убеждения и приоритеты, которые определяют, что для индивида важно и значимо. Когда мы оцениваем что-то, мы задаемся вопросом о том, насколько это соответствует или не соответствует нашим ценностям. С другой стороны, оценка может рассматриваться как реакция на соответствие ценностям, т.е. индивид использует свои представления о том, что «правильно» или «хорошо» с точки зрения своих ценностей, чтобы выносить суждения и принимать решения. Эмоции традиционно рассматриваются как ключевой компонент в оценке, поскольку служат своеобразным фильтром, через который человек воспринимает информацию, и могут усиливать или ослаблять оценку наших убеждений и ценностей [Вольф 1985; Шаховский 2008]. Однако эмоции не только помогают определять важность и значимость различных явлений, но и сами по себе обладают ценностным содержанием. В этом смысле эмоции можно рассматривать как нечто большее, чем просто реакцию организма на внешние стимулы – они представляют собой своего рода «язык» внутреннего мира личности, который отражает ее убеждения, мораль и внутренние потребности: «Ценность эмоций может быть как опосредованной убеждениями человека моральной ценностью, так и непосредственной ценностью, уходящей своими корнями в природную потребность организма в эмоциональном насыщении» [Додонов 1987: 48–52].

Каждая культура имеет свои уникальные способы выражения и интерпретации эмоций, в которых, как в зеркале, отражены ее ценности. И если исследованию лингвокультурных ценностей посвящено огромное количество научных работ [Карасик 2015; Коурова 2011; Лингвокультурные ценности... 2015; Лингвокультурные ценности... 2018; Миньяр-Белоручева, Сергиенко 2023, и др.], то лингвокультурная ценность самих эмоций по-прежнему остается вне зоны внимания лингвистов. В данной работе обосновывается гипотеза о том, что ценностное содержание эмоции в определенной культуре можно выявить и измерить с помощью психолингвистических методик.

Материал и методы исследования

Несмотря на то, что базовая человеческая эмоция, соотносящаяся с агрессивным поведением, традиционно обозначается словом «гнев» (см., например, [Ekman 1984; Изард 2008]), в качестве объекта эксперимента предлагается рассмотреть слово «злость» как вербальный идентификатор агрессивного эмоционального состояния. Ю.В. Крылов отмечает, что лексема «гнев» имеет более ограниченное использование и обычно связана с более высоким социальным или возрастным статусом субъекта, в то время как «злость» описывается как эмоция с более низкокогнитивной, непосредственной оценкой ситуации. Семантическое поле лексемы «гнев» предполагает большое количество ограничений для включения в него эмоций, которые могут соотноситься с описываемым состоянием, в то время как лексема «злость» позволяет включить в себя более широкий диапазон эмотивов [Крылов 2006].

С учетом этого ЗЛОСТЬ может быть представлена как эмоция, которая переживается как человеком, так и животным, и не зависит от социального статуса субъекта и объекта эмоции. ЗЛОСТЬ более «биологична», чем гнев, проявляется непосредственно в момент осознания причины и не требует обязательного вербального выражения [Крылов 2006].

С целью выявления лингвокультурной ценности эмоции ЗЛОСТЬ в русском языковом сознании был проведен эксперимент.

В качестве экспериментального использовался метод шкалирования. Для конструирования шкал, релевантных для оценки исследуемых эмоций, на первом этапе эксперимента респондентам было предложено описать прилагательными / причастиями эмоцию ЗЛОСТЬ. Испытуемые – студенты 2-4 курса Института иностранных языков РУДН (20 человек), каждого из которых просили дать 5 характеристик эмоции (но не настаивали на этом количестве). В Таблице 1 представлены результаты.

Таблица №1

Распределение ответов по характеристикам эмоции ЗЛОСТЬ

ЗЛОСТЬ	
характеристика	количество ответов на каждую характеристику
яростная	5
гневная, красная, сильная, негативная/ отрицательная/ плохая	3
непримиримая, черная, импульсивная, резкая, агрессивная, прямолинейная, бездумная/ необдуманная	2
неистовая, бешеная, рьяная, беспощадная, громкая, вспыльчивая, волнуемая, сдержанная, большая, лютая, грубая, разрушительная, опустошающая, защитная, искренняя, бесконтрольная, беспристрастная, коварная, мстительная, яркая, экспрессивная, эксплицитная, пугающая, ужасная, хмурая, угрюмая, всепоглощающая, поглощающая, ослепляющая, неосознанная, поражающая, ранящая, критикующая, стремительная, бурлящая, алчная, эгоистичная	1

Для создания шкал, по которым на втором этапе эксперимента оценивалась эмоция ЗЛОСТЬ, необходимо было сгруппировать синонимы и квазисинонимы. С этой целью использовались словари синонимов [Александрова 2001; Словарь синонимов... 2005; Словарь-тезаурус... 2023]. Так как планировалась работа с биполярными шкалами, необходимо было подобрать антонимы к отобранным номинациям. Для отбора антонимов были использованы словари антонимов [Михайлова 2005; Словарь синонимов... 2005]. В Таблице 2 приведены шкалы, созданные в результате группировки характеристики и подбора антонимов.

Шкалы для оценки эмоции ЗЛОСТЬ

Характеристики	Качество, на основе которого названа шкала	Название шкалы
яростный гневный непримиримый неистовый бешеный рьяный беспощадный	яростный	тревожный – спокойный
агрессивная защитная	злой	злой – добрый
сильный черный громкий	сильный громкий	слабый – сильный тихий – громкий
импульсивный резкая вспыльчивая волнующая сдержанная	импульсивный волнующий	сдержанный – импульсивный успокаивающий – волнующий
разрушительная опустошающая всепоглощающая поглощающая ослепляющая поражающая ранящая критикующая	опасный разрушительный поглощающий	опасный – безопасный разрушительный – созидающий поглощающий – излучающий
негативная отрицательная плохая грубая	плохой	плохой – хороший
лютая яркая экспрессивная эксплицитная	эмоциональный яркий	эмоциональный – рациональный бледный – яркий
большая	большой	маленький – большой
прямолинейная искренняя бесконтрольная беспристрастная коварная мстительная	искренний	лживый – искренний

пугающая ужасная	ужасный	ужасный – прекрасный
хмурая угрюмая	грустный	грустный – веселый
бездумная необдуманная неосознанная	сознательный	неосознанный – сознательный
красный	холодный	холодный – горячий
стремительная бурлящая	быстрый	медленный – быстрый

Всего было создано 19 шкал, основная из которых (созданная на базе наибольшего числа ответов респондентов) получила название *тревожный – спокойный*. Шкала создана на базе качества «яростный». В качестве антонима к нему в словарях приводится прилагательное «спокойный». Однако со шкалой *яростный-спокойный* не проводилось известных нам экспериментов. Поэтому мы сочли возможным заменить ее на более привычную и стандартную шкалу *тревожный – спокойный*. Использование употребительных шкал имеет огромное преимущество в том, что оно позволяет сопоставлять результаты различных исследований, проведенных в разное время на разном материале, и это исключает использование уникальных шкал. Поэтому и при отборе основной номинации качества мы также руководствовались критерием общепотребительности.

На втором этапе был проведен эксперимент по оцениванию эмоции ЗЛОСТЬ по 19 шкалам. Все шкалы были семибалльными: от -3 до +3, где один из антонимов имен шкалы имел максимальную оценку -3, а другой +3. Испытуемым предлагалось оценить, насколько определенная характеристика присуща эмоции ЗЛОСТЬ. Всего данную эмоцию оценили 75 респондентов.

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке и представлены в Таблице 3. Преобладающие по количеству ответы расположены в соответствующей графе по принципу убывания частотности.

Таблица №3

Оценка эмоции ЗЛОСТЬ респондентами по биполярным шкалам

Шкала	Средняя оценка	Преобладающие оценки (в процентах)	Количество оценок 0 (в процентах)
Тревожный – спокойный	-1.53	-2 и -3 (69)	9
Слабый – сильный	0,79	2 и 3 (48)	11
Тихий – громкий	0.55	2 и 3 (43)	17
Сдержанный – импульсивный	1	3 и 2 (57)	13

Успокаивающий – волнующий	0,95	3 и 2 (48)	12
Плохой – хороший	-1	-3 и -2 (43)	27
Маленький – большой	0.8	2 и 1 (45)	23
Разрушительный – созидающий	-1.55	-3 и -2 (61)	12
Злой – добрый	-1.57	-3 и -2 (64)	11
Холодный – горячий	0.7	2 и 3 (45)	17
Опасный – безопасный	-1.37	-3 и -2 (52)	19
Лживый – искренний	0.95	3-27	28
Бледный – яркий	1.23	3 и 2 (56)	20
Ужасный – прекрасный	-1.35	-2 и -3 (56)	19
Грустный – веселый	-1.19	-2 и -3 (48)	25
Поглощающий – излучающий	-0.88	-2 и -3 (47)	15
Неосознанный – сознательный	-0.71	-1 и -2 (43)	27
Медленный – быстрый	0.89	2, 1, 3 (60)	21
Эмоциональный – рациональный	-1.76	-3 - 52	7

Дискуссия

При интерпретации результатов эксперимента следует отметить, что все числовые данные не должны восприниматься как абсолютные. Полученные в результате обработки данных числовые характеристики дают возможность сопоставления как в рамках проведенного эксперимента, так и с данными других экспериментов (планируется проведение исследований разных эмоций в таком же формате), а также возможность вербального описания ценности эмоции.

Одним из числовых результатов эксперимента является количество оценок «0». Мы интерпретируем такие случаи как отказ от оценки по соответствующей шкале. Если шкалы подобраны правильно, то респонденты должны соотносить свое понимание эмоции ЗЛОСТЬ с семантикой имени шкалы. Шкалы подбирались на основе предварительно проведенного эксперимента, поэтому они должны быть релевантны для оценки эмоции ЗЛОСТЬ. Однако так как не все участники предварительного эксперимента давали одинаковые характеристики изучаемой эмоции, вполне обоснован вопрос, все ли испытуемые видят связь эмоции с каждой характеристикой. Количество нулевых ответов может рассматриваться как способ определения релевантности конкретной характеристики для оценки исследуемого объекта.

Меньше всего отказов от оценки по шкале *эмоциональный – рациональный* (7%). Это объясняется тем, что ЗЛОСТЬ – эмоция, и это связывает ее с характеристикой «эмоциональный». Мало нулевых оценок и по шкале *тревожный – спокойный* (9%), которая, как говорилось выше, создана на базе нескольких характеристик, являвшихся наиболее частотными в ответах респондентов. По 11% отказов от оценки обнаружено по шкалам *слабый – сильный* (характеристики, сведенные к номинации *сильный*, являлись частотными в предварительном эксперименте) и *злой – добрый* (по сути тавтология «злая злость»). По 12% – по шкалам *успокаивающий – волнующий* и *разрушительный – созидающий*.

Больше всего в ходе исследования было отказов испытуемых от оценки по шкалам *лживый – искренний*, *неосознанный – сознательный*, *плохой – хороший*. Более четверти

респондентов (27–28%) не связывают эмоцию ЗЛОСТЬ с этими характеристиками. Этот вывод наиболее интересен применительно к рациональной оценке изучаемой эмоции как *хорошей* или *плохой*: довольно значительная часть представителей нашей культуры не рассматривают ЗЛОСТЬ рационально оценочно.

В числе прочих критериев подсчитывались преобладающие ответы. Обычно это два смежных цифровых показателя, число ответов по которым выше, чем по всем остальным показателям. Высокий процент таких ответов характеризует низкую степень разброса полученных цифровых данных. В нашем эксперименте по 8 шкалам число преобладающих ответов выше 50 процентов. Наименьший разброс оценок обнаружен по шкалам *тревожный – спокойный* (69% приходится на оценки -3 и -2) и *злой – добрый* (64% оценок -3 и -2). За ними следуют шкалы *разрушительный – созидающий* и *медленный – быстрый*. Минимальный показатель составляет 27% по шкале *лживый – искренний*, по которой также самый высокий процент нулевых оценок. Довольно низкие показатели (43%) по шкалам *тихий – громкий*, *плохой – хороший*, *неосознанный – сознательный*, по двум последним из которых также высокий процент отказов от ответа. Такие данные, вероятно, свидетельствуют о том, что эти шкалы слабее других коррелируют с эмоцией ЗЛОСТЬ.

На основании оценок респондентов представляется возможным дать описание эмоции ЗЛОСТЬ, в котором характеристики расположены по степени убывания интенсивности оценки. Для удобства представления переведем числовые значения в вербальные характеристики, которые позволят сопоставительно представить, в какой степени качество присуще эмоции ЗЛОСТЬ: абсолютное значение больше 1,5 обозначим как «очень», диапазон 1–1,5 оставим без дополнительного обозначения, и диапазон 0,5–1 обозначим как «довольно». Так можно получить тройную градацию, показывающую, в какой степени определенное качество присуще исследуемому объекту. Это распределение по степени представленности качества условно, и изменение контингента испытуемых может сдвинуть границы. Однако оно позволяет составить общее представление.

ЗЛОСТЬ *очень эмоциональная, очень злая, очень разрушительная, очень тревожная, опасная, ужасная, яркая, грустная, импульсивная, плохая, довольно искренняя, довольно волнующая, довольно быстрая, довольно поглощающая, довольно большая, довольно сильная, довольно неосознанная, довольно горячая, довольно громкая*. Таким образом, основное качество эмоции ЗЛОСТЬ – *эмоциональная*. На втором месте характеристика *злая*. Будучи синтаксическими синонимами стимула «эмоция злость», эти два прилагательных являются ее основными характеристиками. Также в качестве основных могут рассматриваться такие качества ЗЛОСТИ, как *разрушительная, тревожная*, имеющие значительный отрыв по частотности от других характеристик. Наименее выраженным качеством (из нашего списка) является определение *громкая*.

Выводы

Полученные в результате интерпретации материалов эксперимента характеристики эмоции ЗЛОСТЬ позволяют выявить ее лингвокультурную ценность в сознании представителей русской культуры. Чаще всего ЗЛОСТЬ оценивается как эмоциональная и тревожная, затем как сильная, злая, волнующая и разрушительная. Наиболее сформирован в массовом сознании образ ЗЛОСТИ как эмоции тревожной, злой, разрушительной и быстрой.

В ходе эксперимента была обнаружена взаимосвязь большого процента отказов от ответов и высокой степени разброса оценок: по тем шкалам, по которым много нулевых оценок, также наблюдается низкий процент преобладающих ответов. В нашей интерпретации это свидетельствует о слабой корреляции качества, называемого шкалой, с эмоцией ЗЛОСТЬ, то есть об отсутствии в сознании представителей русской лингвокультуры устойчивой связи между эмоцией и номинируемым качеством. Можно высказать предположение, что таким формальным образом можно выявлять характеристики, в разной степени связанные с исследуемым объектом.

Цифровые характеристики изучаемой эмоции можно расположить в порядке убывания или возрастания, и таким образом можно получить наглядное представление о том, какие качества присущи эмоции в нашей лингвокультуре в большей или меньшей степени. Такой подход открывает широкие перспективы сопоставительных исследований ценности эмоций в разных лингвокультурах, так как он позволяет выявить не только сами характеристики изучаемой эмоции, но и обнаружить степень их интенсивности, что создает базу для сравнения.

Таким образом, лингвоаксиологию эмоций можно обозначить как новый раздел в лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского, изучающий языковые средства, которые называют, отражают и выражают эмоциональные состояния человека, а также их связь с общечеловеческими и культурными нормами и ценностями. Подобный подход позволяет не только изучать языковые выражения эмоций, но и анализировать их значимость и влияние на формирование лингвокультурных ценностей в различных общностях. Рассматривая эмоции как объект и ключевой компонент оценки, лингвоаксиология эмоций открывает новые перспективы для понимания взаимосвязи между языком, эмоциями и культурой.

© Волкова Я.А., Вашунина И.В., 2024

Литература

- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 564 с.
- Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию / под общ. ред. А.К. Ефимова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 103–124.
- Додонов Б.И.* В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины, 1987. 140 с.
- Изард К.* Эмоции человека. Москва – Директ-Медиа, 2008. 954 с.
- Карасик В.И.* Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1(32). С. 25–35.
- Коурова О.И.* Концепция лингвокультурной ценности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-lingvokulturnoy-tsennosti>. Дата обращения: 26.02.2024.
- Крылов Ю.В.* Статус слов «Гнев»/«Злость» в семантическом поле эмоций // Сибирский филологический журнал. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-slov-gnev-zlost-v-semanticheskom-pole-emotsiy>. Дата обращения: 26.02.2024.

Лингвокультурные ценности в полиэтническом обществе: коллектив. моногр. / [отв. ред. В.И. Карасик, Е.А. Журавлева]; Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, Астана, Респ. Казахстан; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград: Парадигма, 2015. 388 с.

Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте: коллектив. моногр. / [научн. ред. В.И. Карасик, Н.А. Красавский]. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2018. 186 с.

Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Лингвокультурные ценности PR-коммуникации в эпоху новой этики // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-tsennosti-pr-kommunikatsii-v-epohu-novoy-etiki>. Дата обращения: 26.02.2024.

Михайлова О.А. Словарь антонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005. 475 с.

Словарь синонимов русского языка; Словарь антонимов русского языка / сост. М. Е. Шемшуренко. СПб.: Виктория, 2005. 476 с.

Словарь-тезаурус синонимов русского языка / авторы-составители: Л.Г. Бабенко [и др.]. М.: Грамота: АСТ-Пресс Школа, 2023. 572 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. 192 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Ekman P. Expression and the Nature of Emotion // Approaches to Emotion. K. Scherer and P. Ekman (Eds.). New York, 1984. P. 319–340.

Сведения об авторах:

Волкова Яна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Контактная информация:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7

ORCID: 0000-0003-1456-5881

e-mail: y.a.v@list.ru

Вашунина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы / профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Контактная информация:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7

ORCID: 0000-0002-3482-8215

e-mail: vashunina@yandex.ru

Для цитирования:

Волкова Я.А., Вашунина И.В. Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 10–21. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21

UDC 81.23
LBC III 100.3
DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21

Research article

LINGUOAXIOLOGY OF EMOTIONS: LINGUOCULTURAL VALUE
OF *ZLOST'* IN RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Yana A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

Irina V. Vashunina

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow State
Linguistic University,
Moscow, Russia

Abstract

The article explores the linguocultural value of *ZLOST'* in the Russian linguistic consciousness. It is based on the notion that the value of an emotion is culturally specific, not fully accessible to direct observation, yet can be discovered and measured using psycholinguistic methods. An experiment was conducted to identify the linguocultural value of the emotion *ZLOST'* in the Russian linguistic consciousness. The scaling method was used for the experiment: in the first phase, seven-point bipolar scales were compiled based on the characteristics of the emotion *ZLOST'* provided by the respondents. In the second phase, the participants rated the emotion *ZLOST'* on these scales, and the results were processed and interpreted. It was found that *ZLOST'* is most often rated as emotional and anxious, as well as strong, angry, stirring, and destructive (these scales showed the fewest zero ratings). The image of *ZLOST'* as anxious, angry, destructive, and fast is almost unambiguously formed in the collective consciousness (these scales showed the least variance in ratings). The characteristics of the emotion *ZLOST'* were arranged in descending order of the intensity of quality (characterized by the absolute value of the rating), and the numerical indicators were verbally interpreted: *ZLOST'* is very emotional, very angry, very destructive, very anxious, dangerous, terrible, vivid, sad, impulsive, bad, quite sincere, quite stirring, quite fast, quite absorbing, quite large, quite strong, quite unconscious, quite hot, quite loud. The obtained results demonstrate the feasibility of using the applied methodology for studying the linguocultural value of emotions in the Russian linguistic consciousness, as well as in comparative studies.

Keywords: linguoaxiology, linguocultural value, emotion *ZLOST'*, experimental study, scaling

©Volkova Ya.A., Vashunina I.V., 2024

Bionotes:

Yana A. Volkova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Foreign Languages of Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Contact information:

7, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

ORCID: 0000-0003-1456-5881

e-mail: y.a.v@list.ru

Irina V. Vashunina – Doctor of Philology, Professor at the Department of Foreign Languages of Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba / Professor of the Department of Grammar and History of the German Language, Moscow State Linguistic University

Contact information:

7, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

ORCID: 0000-0002-3482-8215

e-mail: vashunina@yandex.ru

For citation:

Volkova Ya.A., Vashunina I.V. Linguoaxiology of emotions: linguocultural value of ZLOST' in Russian linguistic consciousness // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 10–21. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21 (In Russian)

УДК 81-115

ББК 81'2

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-22-35

Научная статья

ЭМОТИВНОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В РЕЧИ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТРЕВЕЛ-ВИДЕОБЛОГЕРОВ

Полякова Юлия Юрьевна

Донской государственной технической университет
Ростов-на-Дону, Россия

Матвеева Галина Григорьевна

Донской государственной технической университет
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Актуальность работы обусловлена интересом научного лингвистического сообщества к проблеме проявления эмотивности у представителей разных национальностей во время создания тревел-видеоблогов. Основной целью работы является диагностирование эмоциональных особенностей и сравнительный анализ речевого проявления эмоций у русских и американских тревел-видеоблогеров. В статье проводится эксперимент, который осуществляется в рамках метода модифицированного контент-анализа в аспекте скрытой прагмалингвистики. В ходе эксперимента были выделены отдельные категории эмоций тревел-видеоблогеров, которые были выявлены на основании частоты актуализации в их текстах некоторых планов речевых стратегий скрытого воздействия. У русских тревел-видеоблогеров были обнаружены положительные и отрицательные эмоции, такие как радость, восторженность, энтузиазм, возмущение, обида, тревога. Американские тревел-видеоблогеры в своих видео выразили положительные и нейтральные эмоции, такие как: удовлетворение, воодушевление, восторг. В то же время отмечалось проявление уверенности. На основании полученных данных был проведен сравнительный анализ, в ходе которого выяснилось, что у русских видеоблогеров наблюдается гендерное разделение эмотивных особенностей, которое проявляется в том, что мужчины склонны к негативной эмотивности, тогда как женщины – к позитивной. У американских тревел-видеоблогеров негативных проявлений эмоций не обнаружилось.

Ключевые слова: речь, эмотивность, тревел-видеоблогинг, эксперимент, метод модифицированного контент-анализа, скрытая прагмалингвистика, диагностирование эмотивных качеств.

Введение

Эмоции являются неотъемлемой частью жизни каждого человека. Они присутствуют во всех сферах человеческой жизни: социальной, экономической, политической, духовной. Без них не обходятся и науки, в том числе лингвистика. Бесспорно, что эмоции проявляются через использование слов и высказываний и становятся понятны людям, говорящим на одном языке. Эмоции одной языковой общности являются социологизированными и психологизированными, они составляют часть общей картины мира народа [Шаховский 2008]. С помощью особых единиц языка и речи,

которые называются эмотивами, человек выражает свои эмоциональные состояния и переживания [Шаховский 1983].

Эмотивы выполняют функцию не только выражения эмоций говорящего, но и функцию воздействия адресанта на адресата [Ульянова 2011]. В этом имманентном свойстве языковой единицы обнаруживается связь науки этиологии с прагмалингвистикой. Прагмалингвистика занимается изучением воздействующих свойств языка говорящего на слушающего [Матвеева 2022]. Говорящий, актуализируя эмоции, отражает свое отношение к окружающему миру и тем самым воздействует на слушающих. Отсюда возникает гипотеза: если актуализацию эмоций можно обнаружить при анализе речевых стратегий скрытого воздействия по частотности появления в спонтанных текстах планов таких стратегий, выражаемых грамматическими формами, то в процессе прагмалингвистического анализа можно выявить во фрагментах речевых портретов говорящих их некоторые эмоциональные характеристики.

В статье предлагается пилотажный вариант доказательства гипотезы на примере анализа речевого поведения четырех русских и четырех американских тревел-видеоблогеров.

Для проверки сформулированной гипотезы был поставлен ряд задач:

1. Поиск в синхронных текстах тревел-видеоблогеров речевых сигналов, которые свидетельствуют об эмотивных проявлениях;
2. Работа с полученными данными в прагмалингвистическом эксперименте при использовании метода модифицированного контент-анализа;
3. Диагностическое соотнесение эмотивных проявлений с личностными характеристиками тревел-видеоблогеров;
4. Сравнительный анализ личностных характеристик русских и американских тревел-видеоблогеров по критерию проявления эмоций в спонтанных текстах.

Теоретическое исследование эмоций в лингвистике

На протяжении долгого времени эмоциональный аспект языка являлся предметом исследования отечественных и зарубежных исследователей. Среди них можно выделить такие имена, как Ш. Балли, К. Бюлер, А. Вежицкая, В.Г. Гак, В.А. Звегинцев, Э. Сепир, В.И. Шаховский и др. Некоторые из них подвергали сомнению наличие эмоционального компонента в языке, другие, напротив, подчеркивали необходимость изучения эмоций в связи с языковыми процессами. Лишь в конце XX века связь эмоций и языка стала неоспоримой. В научной работе чешского лингвиста, представителя Пражского лингвистического кружка Ф. Данеша прозвучали идеи об эмоциональных компонентах языка, проявляющихся на всех уровнях [Шаховский 2008]. В сборнике тезисов Пражского лингвистического кружка прозвучала также и идея об аффективной речевой деятельности. Как правило, она нацелена на вызов определенных эмоций у слушателя. Здесь обнаруживается понятие эмоциональной речевой деятельности, которая стремится к эмоциональному воздействию на своего слушателя. Эти положения сподвигли ученых разных стран к ряду исследовательских работ.

Отечественные лингвисты, наряду с западноевропейскими и американскими, установили ряд свойств, характерных для эмоций и их отражения в языке: все эмоции являются частью мышления и связаны с когнитивными образованиями; когниция порождает эмоции, а эмоции оказывают непосредственное влияние на когницию; существует отдельная наука когнитология, изучающая категории эмотивности [Шаховский 2008]; эмоции связаны со знаниями человека, и в процессе

ментального роста человека они меняются; эмоциональные переживания могут быть специфическими для различных культур; разные народы по-разному трактуют эмоциональные проявления и отражают их системой средств национальных языков [Экман 2021]. Например, смех может быть проявлением гнева в Китае, тогда как в Японии он считается признаком почтительности. Эмоции также носят временный характер еще и в связи с возрастом человека, они меняются по мере возрастных изменений. Так, эмоциональная сфера подростков характеризуется нестабильностью, вспыльчивостью, подобное эмоциональное проявление связано с гормональными изменениями [Воронова 2022]. В пожилом возрасте люди склонны испытывать негативные эмоции в связи с биологическим старением, чувством одиночества и беспомощности [Шагидаева 2014].

Независимо от возраста, культуры и знаний, эмоции представляют две семиотические системы – Body language (язык тела) и Verbal language (вербальный язык). Язык тела имеет доминирующее значение в выражении эмоций, поскольку эмоции не всегда могут проявляться вербально, с помощью слов [Diller 1992]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что эмоции не всегда связаны со словами.

Эмоциональная коммуникация двух собеседников может иметь разные проявления. Она может заканчиваться успешно, в случае, когда и говорящий, и слушающий воспринимают эмоциональный ментальный стиль друг друга, а также эмоциональный дейксис собеседника [Шаховский 2002]. Эмоциональный дейксис связан с субъективной позицией говорящего: в случае если и эмоциональный дейксис, и ментальный стиль воспринимаются обоими собеседниками успешно, то происходит эмоциональный консонанс, и устанавливается взаимопонимание. Ситуации эмоционального диссонанса одновременно порождают неудачи в общем протекании общения. Известны ситуации, когда краткое высказывание вызывало смерть человека, которая происходила из-за резкого подъема аффективной и чувственной температуры адресата [Канке 2008], нарушения эмоциональной организации коммуникации между собеседниками в целом. Неоспоримо, что каждый человек оценивает речь другого говорящего с позиции своего эмоционального дейксиса, эти знания проникают в сознание и либо трансформируются в активный опыт, либо отвергаются им.

Эмоции – это неотъемлемая часть воздействия на сознание человека. Понятие эмотивной фасцинации включает в себя воздействие говорящего на поведение слушающего с разными целями: формирования доверия, повышение эффективности взаимодействия информацией [Стрельцова, Вербина 2019], возбуждение запланированной эмоции.

Эмотивность проникает в речевую деятельность «Я»-говорящего, отсюда необходимость привлечения антропоцентрического подхода в изучении всей науки об эмоциях – эмотиологии. Антропоцентризм ставит человека в центр мироздания, а все процессы изучаются в непосредственной связи с ним. Подобная трактовка применяется в науке прагмалингвистике на том основании, что при лингвистическом исследовании необходимо учитывать человеческий фактор как основной воздействующий элемент речевого акта [Матвеева 1984].

Методы исследования

В работе исследуются эмоциональные проявления в речи русских и американских тревел-видеоблогеров. Для этого проводится эксперимент с учетом метода модифицированного контент-анализа. Под экспериментом понимается научный

способ, с помощью которого происходит исследование фактов языка в контролируемых исследователем условиях [Ярцева 2002].

Данный эксперимент проводится с позиции скрытой прагмалингвистики, так как предмет исследования составляют эмоции и попытка их выявления в речи блогеров, которая является спонтанной и неподготовленной. В связи с этим был выбран метод модифицированного контент-анализа, который включает в себя обнаружение в устном неподготовленном высказывании речевых сигналов речевого поведения авторов и последующую их обработку, а также интерпретацию эмоций авторов [Матвеева 2022].

Для начала был подготовлен список речевых стратегий коммуникантов, в который вошли эмотивно-ориентированная и конативно-направленная стратегии [Матвеева 2022]. С их помощью определяются речевые сигналы говорящих, которые впоследствии подвергаются счету и анализу. В качестве материала используются тексты на русском языке и американском варианте английского языка.

На следующем этапе происходит отбор текстов и их деление на малые синтаксические группы (МСГ). МСГ – это минимальная актуализированная предикативно-модальная единица [Матвеева 2022]. Предикативность относится к высказыванию и актуализации мысли говорящего [Ломтев 1972]. Рассматривая МСГ с позиции синтаксиса, можно отметить, что это простое нераспространенное предложение. Для эксперимента в данной статье были отобраны тексты каждого автора длиной в 500 МСГ. Поскольку мы анализируем каждую МСГ по двум речевым стратегиям скрытого воздействия и по пяти планам, то будет проанализировано 20000 МСГ.

После деления текстов на МСГ составляется табличная матрица для подсчета речевых сигналов. Затем происходит подсчет частоты встречаемости каждого плана стратегии, и составляются таблицы фрагментов речевых портретов видеоблогеров. На основе интерпретации полученных данных выявляются эмотивные особенности для русских и американских авторов и проводится их сравнительный анализ.

Результаты и их обсуждение

Видеоблогеры – люди, которые занимаются творческим созданием видео-материала разной тематики [Филипова, Ардальянова 2017]: о кулинарии, образовании, новостях, обзорах кино и т.д. Материалом эксперимента в данном исследовании являются тексты русских и американских тревел-видеоблогеров, которые создают видеоролики о путешествиях в разные страны и континенты [Филипова, Ардальянова 2017]. Данный вид блогов считается относительно новым явлением в медиaprостранстве, возникшим в начале XXI века в США. В связи с тем, что путешествия – динамичное явление, блогеры стараются выбирать платформы, на которых они могут выкладывать свои видеопродукты, а не тексты. К таким платформам, например, относится видеохостинг YouTube [Головина 2021]. С помощью этой площадки были отобраны речевые фрагменты видеоматериалов русских и американских блогеров для эксперимента в данной статье.

Рассмотрим примеры речевого поведения русских тревел-видеоблогеров, а также диагностируем эмотивные аспекты их речевых проявлений.

На первом этапе исследования была проанализирована эмотивно-ориентированная стратегия «уверенного / неуверенного речевого поведения автора в речевом событии». Данная стратегия актуализируется в одном из двух речевых планов: категорическом или некатегорическом утверждении. Обратимся к табл. №1.

Проанализировав фрагменты речи видеоблогера С. Посного, мы пришли к выводу о его решительном настрое и уверенном речевом поведении, что отразилось на результате исследования. Автор актуализировал план категоричности чаще (96%), чем план некатегоричности (4%). Это выразилось в употреблении таких речевых сигналов, как наличие решительного отрицания и включение в лексические актуализаторы смысла «настойчивости». Например: (1) «<...> этот ресторан **не надо посещать**<...>»; (2) «<...> **посадите меня хоть куда-нибудь** <...>».

Другой тревел-блогер П. Савенков испытывает чувство тревожности, когда не обнаруживает в своем гостиничном номере всех необходимых удобств. Это выражается в категоричности его утверждений (84,6%) по сравнению с некатегоричностью (15,4%). В его речи наблюдаются решительные и неоднократные отрицания. Например: (3) «<...> **Не нужны нам никакие подарки** <...>». Кроме того, актуализируются семы, указывающие на превосходную степень качества: (4) «<...> **самая непремиальная зона**<...>».

Таблица №1

Фрагменты речевых портретов русских тревел-видеоблогеров (в %)

Стратегии	Эмотивно-ориентированные		Конативно-направленная		
	Стратегия уверенного / неуверенного речевого поведения автора в речевом событии		Стратегия формирования у получателя отношения к речевому событию путем оценивания		
Планы	Категорическое утверждение	Некатегорическое утверждение	Положительное	Нейтральное	Негативное
О. Воронцова	86,2	13,8	62,4	20,8	16,8
А. Коновалова	87	13	89,2	10,8	0
С. Посный	96	4	50,8	20,8	28,4
П. Савенков	84,6	15,4	74	9,2	16,8
Средняя речевая величина, %	88,5	11,6	69,1	15,4	12

Из вышесказанного можно сделать вывод об эмоциональном состоянии двух видеоблогеров-мужчин С. Посного и П. Савенкова. Они оба недовольны теми ситуациями, в которых оказались. Авторы испытывают чувства разочарования, обиды и тревоги, так как их картины ожидания не оправдались в реальности. У С. Посного это

связано с плохим обслуживанием в ресторане, а у П. Савенкова – неподготовленностью персонала и отсутствием комфортных условий в номере отеля.

Анализируя речевые фрагменты блогеров О. Воронцовой и А. Коноваловой, можно заметить, что для их речи характерен высокий процент категорических утверждений (86,2%) и (87%). Это актуализируется в сочетаниях категорий глагола настоящего времени, действительного залога и несовершенного вида с нулевой формой глагола *быть*. Например: (5) «<...> **отель занимает** зеленую территорию <...>»; (6) «<...> **в этом отеле приветливые сотрудники** <...>». Кроме того, наблюдается использование сочетания в глаголе категорий будущего времени совершенного вида: (7) «<...> **здесь вы забудете** о городской суете <...>»; (8) «<...> **по-настоящему расслабитесь** <...>».

Отмеченные выше речевые сигналы свидетельствуют о том, что речь женщин тревел-видеоблогеров является уверенной, и в этом проявляется их позитивный эмоциональный настрой. При этом они испытывают дружелюбие, радость и удовольствие в момент записи видеороликов. Они позитивно оценивают происходящие события, что отражается в выборе соответствующих речевых сигналов в плане эмотивно-ориентированной стратегии.

Рассмотрим конативно-направленную стратегию «Формирование у получателя отношения к речевому событию путем оценивания». Она делится на три плана: планы положительного, нейтрального и негативного оценивания. В качестве актуализаторов можно выделить высказывания, которые говорящие привычно актуализируют здесь и сейчас, потому что они именно в данный момент конкретно оценивают ситуации. И эти конкретные ситуативные оценивания можно соотнести с пятью базовыми эмоциями и их вариантами. Проследим их использование во фрагментах речи блогеров.

Исходя из полученных данных (см. табл. №1) можно сделать несколько заключений. Прежде всего обращает на себя внимание видеоблогер А. Коновалова, у которой отмечается частотное использование (89,2%) высказываний с положительной оценкой, превышающее среднюю речежанровую величину (69,1%). Это подтверждается также тем, что в речи автора постоянно актуализируются положительные эмотивные средства. Помимо положительной оценки у видеоблогера наблюдается отсутствие негативного отношения (0%) к объектам речи. Это подчеркивает ее концентрацию исключительно на положительных моментах своего путешествия. Например: (9) «<...> **Персонал тут улыбочивый и вежливый** <...>»; (10) «<...> **мне тут очень понравилось!** <...>».

А. Коновалова прониклась атмосферой отеля, она не сдерживает своих эмоций, дает подробный обзор данного места в городе Хуахин в Тайланде. Одной из заключительных ее фраз является следующая: (11) «<...> **это такое чудесное место** <...>», что подчеркивает ее внутренний восторг и радость от пребывания там. Автор испытывает эмоцию удовольствия, что привычно для большинства ситуаций путешествия.

Анализируя речевые фрагменты других авторов, использующих эту стратегию, можно отметить их положительное отношение к речевым событиям: О. Воронцова (62,4%), С. Посный (50,8%) и П. Савенков (74%). В устной речи О. Воронцовой обнаруживается следующий пример: (12) «<...> **конечно, удивительное строение** <...>». При заселении в отель видеоблогер П. Савенков так описывает свои впечатления: (13) «<...> **такой симпатичный вид с окна** <...>»¹. Несмотря на то,

---

¹ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация.

что у блогера С. Посного положительное отношение является доминирующим (50,8%) по сравнению с нейтральным (20,8%) и негативным (28,4%), можно отметить некоторые особенности его эмоционального отношения к предметам речи. Выясняется, что при выражении негативного отношения средняя речевая величина составляет 12%, в то время как у видеоблогера С. Посного негативное отношение значительно превышает этот показатель. Это свидетельствует о его сильном отрицательном эмоциональном проявлении, что отражается в используемых им речевых сигналах. Например: (14) «<...> меня **выгоняют** куда-то <...>»; (15) «<...> ну **анилаг**, а не отдых <...>». Подобные негативные эмоциональные состояния были нами отмечены в примерах 1 и 2.

Выделяется несколько эмотивных особенностей в применении упомянутых выше речевых стратегий в речи русских тревел-видеоблогеров. У всех четырех видеоблогеров наблюдается превышение положительного отношения к предмету речи над нейтральным и негативным, что свидетельствует о наличии у авторов преимущественно позитивного настроения, хотя у одного из них отмечается высокий уровень негативного отношения, превышающий средний показатель по речевому жанру. Можно отметить, что он испытывает чувство разочарования в связи с открывшимися обстоятельствами, а также эмоции беспокойства и раздражительности в момент записи видеоролика.

Вторая часть эксперимента в рамках исследования скрытой прагмалингвистики видеоблогеров была связана с диагностированием эмотивных особенностей американских тревел-видеоблогеров. Результаты представлены в табл. №2.

В эмотивно-ориентированной стратегии «уверенного / неуверенного речевого поведения автора в речевом событии» были выявлены некоторые особенности эмоциональных проявлений у американских тревел-видеоблогеров.

Особый интерес представляет блогер Morgan Venn (см. Табл. №2). Для него характерна актуализация категорического утверждения чаще (92,4%), чем некатегорического (7,6%), при этом его категорические утверждения превышают среднюю речевую величину (73,6%). Обратимся к примерам и попытаемся сформулировать основные выводы, вытекающие из утверждений выше.

Категоризация происходит в связи с частым использованием глаголов настоящего времени: (16) «<...> *the shower is beautiful* <...>»; (17) «<...> *the beaches are superior* <...>». Отметим эмоциональную составляющую автора, а именно, внутреннее удовлетворение по поводу прилета на остров Бали. Это подтверждается частотным использованием настоящего совершенного времени Present Perfect в предложениях: (18) «<...> *I've been to Bali twice every year* <...>». Использование этого грамматического времени указывает на опыт пребывания автора на острове Бали, что может говорить о его внутренней уверенности. В примерах 16, 17 выражается восторг блогера при описании интерьера отельного номера и пляжей острова.

Таблица №2

Фрагменты речевых портретов американских тревел-видеоблогеров (в %)

Стратегии	Эмотивно-ориентированные		Конативно-направленная		
	Стратегия уверенного/неуверенного речевого поведения автора в речевом событии		Стратегия формирования у получателя отношения к речевому событию путём оценивания		
Планы	Категорическое утверждение	Некатегорическое утверждение	Положительное	Нейтральное	Негативное
Allison Anderson	63,6	36,4	31,6	59,4	9
Brett Conti	77,4	22,6	80,2	19,8	0
Jason	60,8	39,2	79,6	20,4	0
Morgan Venn	92,4	7,6	59	34,4	6,6
Средняя речежанровая величина, %	73,6	26,5	62,6	33,5	3,9

У других видеоблогеров наблюдается превышение использования категорических утверждений (63,6%), (77,4%), (60,8%) над некатегорическими (36,4%), (22,6%), (39,2%). Это выражается в использовании модальных глаголов с семантикой обязательности и настойчивости. Например, Allison Anderson настоятельно рекомендует посетить Антарктику: (19) «<...> You **must** visit this place <...>». А Jason указывает на осторожность во время путешествий по Вьетнаму: (20) «<...> we **have to** be careful <...>». В обеих фразах ощущается настойчивость авторов, в первом случае модальный глагол «must» выражает значение обязательности выполнения (в данном случае посещения места), а во втором – глагол «have to» выражает требовательность быть осторожными, пребывая в чужой стране.

Проанализировав фрагменты речи американских тревел-видеоблогеров в эмотивно-ориентированной стратегии, можно прийти к заключению о том, что все они отличаются профессиональной подготовленностью ведения блогов. Они с уверенностью рассказывают о местах, которые рекомендуют посетить, положительно отзываясь об отелях, в определенных контекстах ощущается их настойчивость. В эмоциональном плане можно отметить внутреннее удовлетворение и спокойствие пишущих. Некоторые испытывают радость в связи с неоднократным посещением одного и того же места.

Перейдем к конативно-направленной стратегии «Формирование у получателя отношения к речевому событию путем оценивания». Данная стратегия важна тем, что в ней раскрываются три аспекта, формирующих отношение автора к внешнему

событию, а следовательно, говорящий во время процесса формирования всегда испытывает некоторую гамму эмоций – позитивную или негативную. Обратимся к эмотивному анализу применения этой стратегии американскими блогерами во время их путешествий.

Отметим тот факт, что двое из америанских авторов не актуализируют негативного отношения к описываемому событию. Анализ фрагментов их речи показал, что у Brett Conti и Jason положительное отношение ((80,2%) и (79,6%)) значительно превышает нейтральное ((19,8%) и (20,4%)), негативное отношение к предметам речи отсутствует (0%).

Jason так отзывается о вьетнамском завтраке: (21) «<...> *a delicious Vietnamese breakfast* <...>»; (22) «<...> *breakfast is fantastic* <...>». Нельзя не обратить внимания на такие экспрессивные прилагательные, как *delicious* (восхитительный), *fantastic* (фантастический). Он также использует в своей речи ряд междометий: (23) «<...> *oh my gosh* <...>»; (24) «<...> *yeah hey* <...>».

При выражении сильных эмоций, по В.И. Шаховскому, автор использует междометия, бранные слова, вулгаризмы и другие эмоционально-оценочные единицы [Шаховский 2008]. Вся вышеперечисленная лексика определяется термином «аффективы», под которыми понимаются лексические единицы, характеризующиеся высокой степенью эмоциональности и психической нестабильности [Леонтьев 1971].

Блогер Brett Conti положительно говорит о бассейне в отеле, используя превосходную степень прилагательного *nice* и наречие *definitely*, обозначающего уверенность: (25) «<...> *it's definitely the nicest pool* <...>»; для описания вида вокруг использует прилагательные *incredible* (невероятный), *beautiful* (красивый). Например: (26) «<...> *with this incredible view* <...>»; (27) «<...> *we have this beautiful view* <...>».

Полное отсутствие у данных видеоблогеров негативного отношения к предмету речи подтверждает факт наличия интенсивного положительного эмоционального состояния: они находятся в восторге от мест вокруг и открыто выражают свое состояние в используемых ими экспрессивно-оценочных средствах языка.

Американская тревел-видеоблогер Morgan Venn также испытывает положительные эмоции во время своих путешествий, так как ее положительный план конативно-направленной стратегии актуализирован чаще (59%), чем нейтральный (34,4%) и негативный планы (6,6%). При описании номера в отеле она использует его положительную характеристику. В то же время можно выделить материал одного видеоблогера, у которого нейтральный план актуализирован чаще (59,4%), чем положительный (31,6%) и негативный (9%). Allison Anderson отличалась особой объективностью подбора материала во время своего видеобзора путешествия в Антарктику. В ее речевых действиях встречалось незначительное количество экспрессивных или оценочных средств, частотно используются энциклопедические факты об описываемой местности. Например: (30) «<...> *The Drake passage is the body of water between the southernmost tip of South America* <...>»; (31) «<...> *it's known as the gateway to Antarctica* <...>».

Несмотря на старания блогера выглядеть беспристрастной, все же можно проследить отношение автора и выделить некоторые эмотивные особенности ее проявлений, например, при описании горизонта: (32) «<...> *on the horizon was so exciting and fascinating* <...>». В данном случае употребление в речи отглагольных прилагательных *exciting* (захватывающий), *fascinating* (очаровательный) и эмоционального наречия *so* свидетельствуют о впечатлительности автора, а также ее эмоциональном состоянии.

В эмотивно-ориентированной и конативно-направленной стратегии можно выделить несколько особенностей американских тревел-видеоблогеров: у всех авторов наблюдаются эмоции удовлетворения и упоения окружающей обстановкой; у отдельных авторов полностью отсутствует негативное отношение к речевым событиям, а у одного из них наблюдается превышение нейтрального отношения над положительным и негативным.

Дискуссия

Подведем итоги анализа проявления эмотивных особенностей видеоблогеров в эмотивно-ориентированной и конативно-направленной стратегиях в рамках модифицированного контент-анализа, а также проведем сравнительный анализ эмотивных проявлений представителей двух культур – русской и американской.

Русские видеоблогеры склонны испытывать как положительные, так и отрицательные эмоции во время своих путешествий. Эмотивно-ориентированная стратегия подтвердила наличие отрицательной эмотивности у мужчин видеоблогеров, их склонность к более детализированным обзорам, фактам, касающимся путешествий. Некоторые из них испытывают чувство разочарования, обиды и тревоги, так как их картины ожидания не оправдались в реальности. Однако конативно-направленная стратегия выявила и положительное отношение мужчин видеоблогеров к речевым событиям. Один из них испытывал чувство эмоционального подъема. У другого все же обнаружился высокий уровень негативного проявления эмоциональности.

В то же время женщины тревел-видеоблогеры более позитивно настроены. Они дают общую положительную характеристику мест, не обращая внимания на выявленные недостатки. Можно выделить актуализацию следующих эмотивных особенностей эмоционального состояния женщин: радость, восторженность, энтузиазм. Отмечается их повышенная эмоциональность, как в эмотивно-ориентированной, так и в конативно-направленной стратегиях.

Американские тревел-видеоблогеры имеют склонность к проявлению только положительных и нейтральных эмоций. Эмотивно-ориентированная стратегия выявила такие эмоциональные проявления, как внутреннее удовлетворение и даже упоение увиденным, при этом отмечается чувство бодрого оптимизма и настойчивости. В конативно-направленной стратегии обнаружилось, что мужчины видеоблогеры не испытывают негативного отношения к речевым событиям, проявляют исключительно положительное эмоциональное отношение к ним, а также эмоции восторга.

У одной из американской видеоблогеров отмечалось стремление к объективному видеообзору, что отразилось в нейтральном отношении к предмету обсуждения. Однако у нее же наблюдается используемые ею языковые средства, свидетельствующие о наличии в ее состоянии эмоционального подъема, признаков восторженности.

Сравнительный анализ русских и американских тревел-видеоблогеров показал, что у русских авторов имеется разделение признаков эмотивных проявлений у мужчин и женщин, тогда как у американских блогеров явных гендерных различий в их видеоматериалах не обнаружилось. Русские мужчины больше склонны к проявлению отрицательных эмоций недовольства, разочарования, обиды, в то время как у мужчин американцев более отчетливо проявляются такие эмоции, как интерес, радость, настойчивость.

Женщины (независимо от этнической принадлежности) положительно настроены, восторженны и испытывают воодушевление при виде внешних красот, которые они демонстрируют в своих обзорах. Беспристрастность одной из американских

видеоблогеров в изложении материала все же имеет косвенные признаки ее небезразличного, положительного отношения к предмету обзора.

Резюме

В данной статье был проведен пилотажный вариант эксперимента в рамках метода модифицированного контент-анализа в аспекте скрытой прагмалингвистики, в ходе которого были составлены и проанализированы фрагменты речевых портретов четырех русских и четырех американских тревел-видеоблогеров. На основании полученных данных были выявлены некоторые эмотивные особенности представителей блогеров двух национальностей: у русских видеоблогеров наблюдались как положительные, так и отрицательные эмоции во время их путешествий, тогда как американские блогеры имеют явную тенденцию к проявлению позитивной эмотивности.

В результате проведенного эксперимента была доказана гипотеза о том, что с помощью прагмалингвистического анализа можно выявить эмотивные особенности речевого поведения авторов текстов и диагностировать их общие эмотивные характеристики.

© Полякова Ю.Ю., Матвеева Г.Г., 2024

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. 409 с.

Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Либроком, 2009. 398 с.

Воронова И.О. Особенности эмоциональной сферы подростков // Молодой ученый. 2022. №44. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96541/> (дата обращения: 10.02.2024).

Головина О.Г. Travel-блог: причины феноменальной популярности и тенденции развития // Вестник магистратуры. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travel-blog-prichiny-fenomenalnoy-populyarnosti-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 15.02.2024).

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Москва: АСТ, 2018. 107 с.

Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб: Питер, 2001. 365 с.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб: Питер, 2006. 983 с.

Канке В.А. Философия. Москва: Омега-Л, 2008. 411 с.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. Москва: Московский университет, 1971. 178 с.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории // Науч.-метод. центр. рус. яз. при МГУ. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 198 с.

Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. 130 с.

Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022. 205 с.

Стрельцова М.А., Вербина Г.Г. Фасцинация как метод преодоления коммуникативных барьеров // Образование и право. 2019. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fastsinatsiya-kak-metod-preodoleniya-kommunikativnyh-barierov> (дата обращения: 20.02.2024).

Ульянова М.А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы филологии и лингвистики. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-emotivnosti-kak-lingvisticheskoe-ponyatie-i-osnovnye-podhody-k-ee-izucheniyu/viewer> (дата обращения: 13.02.2024).

Филипова А.Г., Ардальянова А.Ю. Videоблогинг и современные подростки: опасности интернет-пространства // Теория и практика общественного развития. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-i-sovremennye-podrostki-opasnosti-internet-prostranstva> (дата обращения: 05.02.2024).

Шагидаева А.Б. Эмоциональная сфера в старости: возрастные и региональные различия // Психолого-педагогические исследования. 2014. №2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2014_n2/psyedu_2014_n2_70285.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебное пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. Волгоград: М-во просвещения РСФСР, 1983. 91 с.

Шаховский В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносазнания. Волгоград, 2002. С. 3–10.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. М.: URSS, 2009. 204 с.

Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб: Питер СПб, 2021. 336 с.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2002. 507 с.

Diller H.J. Emotions and the Linguistics of English // Proceedings Tubungen: Niemeier. 1992. P. 123–124, <https://doi.org/10.1075/cilt.113.23dil>

Johnson-Laird P.N., Oatley K. The Language of Emotions: An Analysis of a Semantic Field // Cognition and Emotion, 1989. P. 78–79, <https://doi.org/10.1080/02699938908408075>

Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. New York: Harper Perennial, 1994. P. 278–300, <https://doi.org/10.2307/416234>

Сведения об авторах:

Полякова Юлия Юрьевна – аспирант кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственной технической университет.

Контактная информация:

344018, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1.

ORCID: 0009-0001-2964-2635

e-mail: poulia123@yandex.ru

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственной технической университет.

Контактная информация:

344018, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1.

ORCID: 0000-0002-6407-4274

e-mail: gegemat2337633@rambler.ru

Для цитирования:

Полякова Ю.Ю., Матвеева Г.Г. Эмотивность и ее проявление в речи русских и американских тревел-видеоблогеров // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 22–35. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-22-35

UDC 81-115

LBC 81.2

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-22-35

Research article

**EMOTIVITY AND ITS MANIFESTATION IN THE SPEECH OF RUSSIAN
AND AMERICAN TRAVEL VIDEO BLOGGERS**

Yuliya Y. Polyakova

Don State Technical University (DSTU)

Rostov-on-Don, Russia

Galina G. Matveeva

Don State Technical University (DSTU)

Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The relevance of the work is due to the interest of the scientific linguistic community in the problem of the manifestation of emotivity among representatives of different nationalities during the creation of travel video blogs. The main purpose of this work is to diagnose emotional characteristics and to make a comparative analysis of the speech manifestation of emotions in Russian and American travel video bloggers. This article presents an experiment that is carried out within the framework of the modified content analysis method in the aspect of hidden pragmalinguistics. During the experiment, some categories of emotions of travel video bloggers were discovered, which were identified based on the frequency of actualization in their texts of some plans of speech strategies of hidden influence. Positive and negative emotions were found among the emotions of Russian travel video bloggers, such as joy, enthusiasm, indignation, resentment, anxiety. American travel video bloggers expressed positive and neutral emotions in their videos. The following emotions were revealed: satisfaction, inspiration, delight. At the same time, there was a manifestation of confidence. Based on the data obtained, a comparative analysis was conducted, during which it turned out that Russian video bloggers had a gender division in the process of analyzing emotive features, which manifested itself in the fact that men are prone to negative emotivity, whereas women are usually positive. American travel video bloggers did not show any negative manifestations of emotions.

Keywords: speech, emotivity, travel video blogging, experiment, method of modified content analysis, hidden pragmalinguistics, diagnosis of emotive qualities

©Polyakova Yu.Y., Matveeva G.G., 2024

Bionotes:

Yuliya Y. Polyakova – Postgraduate student of the Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

Contact information:

344018, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1.

ORCID: 0009-0001-2964-2635

e-mail: poulia123@yandex.ru

Galina G. Matveeva – Professor of the Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

Contact information:

344018, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1.

ORCID: 0000-0002-6407-4274

e-mail: gegemat2337633@rambler.ru

For citation:

Polyakova Yu.Y., Matveeva G.G. Emotivity and its manifestation in the speech of Russian and American travel video bloggers // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 22–35. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-22-35 (In Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59

Научная статья

ОБРАЗ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ: ТРЕНДОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Бутакова Лариса Олеговна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

Гуц Елена Николаевна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

Аннотация

Статья посвящена описанию субъективной семантики ассоциативных полей двух аксиологических стимулов и их роли в формировании образа мира носителей русского языка разного возраста. Исследуются ассоциативные поля «хороший», «плохой» в аспекте социокультурных изменений аксиологической части образа мира студентов четырех поколений. В качестве материала исследования использованы соответствующие ассоциативные поля словарей САНРЯ, ПАС, СИБАС, а также результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных авторами в 2023 г. Цель статьи – проанализировать ассоциативные поля стимулов хороший и плохой в указанных словарях и свободном ассоциативном эксперименте (2023 г.); выявить общее и различное в восприятии носителями русского языка данных стимулов с точки зрения времени (линия поколенческих изменений); определить особенности субъективной семантики исследуемой лексики с учетом стабильных / динамических составляющих и специфики отражения изменений образа мира (общая линия трендового исследования семантики). Применение трендового подхода для установления зон константного реагирования и возможных причин изменений субъективной семантики стимулов позволило рассматривать «специфичный» для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания (Н.В. Уфимцева); выявить социокультурные различия респондентов, повлиявшие на их образ мира, связать с изменениями жизни и исторической ситуации в России, с расширением гражданских свобод и свободы слова, с трансформацией интересов, ценностных ориентиров, отношения к труду и образованию; с активным внедрением инокультурных ценностных установок, распространением заимствованной и жаргонной лексики. Было установлено, что некоторые из указанных различий прослеживаются в динамике от поколения к поколению и показывают, в каком направлении меняется аксиологическая часть образа мира.

Ключевые слова: образ мира, аксиологический фрагмент образа мира, оценочная лексика, ассоциативный эксперимент, субъективная семантика слова, трендовое исследование

Введение

Проблемы описания образа мира не перестают волновать лингвистов и психолингвистов. Значительная часть этого целостного феномена, психологическую концепцию которого предложил А.Н. Леонтьев, связана с системой восприятия, ценностными, аксиологическими образованиями, семантикой. Выработка представлений о мире и его феноменах – сложный процесс, связанный с отношением человека к объекту восприятия, одновременной работой разных перцептивных систем (см. рассуждения А.Н. Леонтьева о «целокупности» системы ощущения и восприятия при формировании образа мира [Леонтьев 2005: 143], построении образа мира («Мы действительно строим, но не Мир, а Образ, активно “вычерпывая” его, как я обычно говорю, из объективной реальности» [Леонтьев 1983: 251–261]), значении как пятом квазиизмерении («У человека мир приобретает в образе пятое квазиизмерение. Оно ни в коем случае не есть субъективно приписываемое миру! Это переход через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру. Предметный мир выступает в значении, т.е. картина мира наполняется значениями» [цит. раб.: 251–261])). Говоря об образе мира, А.Н. Леонтьев подчеркивал устойчивость и объективность феномена, деятельностную природу восприятия: «В образе мира сохраняется устойчивость, объективность существования мира, и мы не помещаем наш образ в мир, не строим мир по подобию наших ощущений, а, наоборот, сближаем наши ощущения с тем миром, не перед которым мы просто стоим, а в котором мы рождаемся, развиваемся, действуем, находимся» [Леонтьев 2005: 149]. (См. рефлексию по поводу концепции образа мира в [Залевская 2005: 114–115; Казакова и др. 2015; Чернышова 2014: 206–209; Бубнова, Казаченко 2018: 29–30] и особенно идею об изменчивости образа мира как процесса изменения смыслового содержания слов, изменчивости индивидуального образа, через него – национального мировидения: «... изменение этого образа возможно, прежде всего, через изменение смыслового содержания слов, прежде всего тех, которые представляют собой культурные константы, цементируют этнос, обеспечивают непрерывность связи поколений» [Бубнова, Казаченко 2018: 30].)

Указанные положения в полной мере относятся к семантике оппозитивных слов *хороший*, *плохой*, называющих ценностные и аксиологические феномены, входящие в культурные константы (см. обоснование психолингвистической модели, отражающей «динамику содержания оценочных ассоциативных доминант (ОАД) русского языкового сознания», динамическое описание параметризации оценочных ассоциативных единиц «хорошо» / «плохо» в [Чернышова 2018: 128–134], а также позицию Е.Ф. Тарасова по поводу функционального назначения ценностных образований для сознания этноса: «Как показывают наблюдения, ценностный каркас, хотя и подвержен медленной эволюции, обладает экзистенциальной устойчивостью и обеспечивает существование этноса в период слома или трансформации его социальной организации» [Базовые ценности... 2019].

Выбор направления исследования определяется значительными изменениями, произошедшими в обществе за последние десятилетия, влияющими на аксиологические составляющие образа мира носителя русского языка. Применение разностороннего трендового подхода, сравнительно-сопоставительного анализа аксиологических фрагментов образа мира носителей русского языка трех поколений в границах одной возрастной и социальной группы позволило установить возможные причины изменений, определить зоны константного реагирования.

Обсуждение

Категории «образ мира», «языковое сознание», «ценностные концепты / доминанты» и пр. активно разрабатываются психолингвистами, лингвистами, лингвокультурологами и представителями смежных наук. Категории «языковое сознание» посвящено значительное число работ психолингвистов, имеющих как общую методологическую направленность, так и нацеленных на решение категориальных, концептуальных, возрастных и т.п. проблем ([Горошко 2001, 2003; Гуц 2005; Гришук 2005, Дзюба 2015, Киселева 2009; Привалова 2006; Тарасов 2013; Уфимцева 2000, 2002, 2003, 2004, 2011 и др.]; см. обзор разных подходов к изучению языкового сознания в [Российская психолингвистика... 2021; Чернышова 2018: 127–128]). Категория «образ мира» в силу большей глобальности описана в аспектах сопоставления с понятием «картина мира» [Тарасов 2008; Казакова и др. 2015; Чернышова 2014; Бубнова, Казаченко 2018; Казаченко 2021 и др.]. В данной статье мы придерживаемся подхода к понятию «образ мира», разработанного А.Н. Леонтьевым (см. выше); полагаем, что данное понятие можно описать с помощью фрагментов социально обусловленной «целостности» с опорой на категории «психологический смысл» и «психологическое значение» (см. рассуждения об этом в [Тарасов 2008: 10]). Проблема ценностных составляющих языкового сознания (картины мира, образа мира) решается в психолингвистическом аспекте и комплексно, и фрагментарно (см. разносторонне подходы к описанию ценностных составляющих в [Базовые ценности... 2019; Казаченко 2021]).

Результаты исследования

Методы исследования: количественно-качественный анализ ассоциативных полей (АП) стимулов хороший, плохой, извлеченных из СЯНРЯ, РАС, СИБАС; свободный ассоциативный эксперимент, проведенный авторами статьи при участии студентки ФФПиМК Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Е.С. Степаненко; моделирование АП на основе результатов эксперимента, их качественного-количественный анализ; построение семантического гештальта всех АП по методике Ю.Н. Караулова; сопоставление состава и частотности реакций в ядре / периферии всех АП; выявление с последующим сопоставлением частотных реакций АП; установление линии тренда ассоциативной семантики стимулов.

В ассоциативном эксперименте 2023 г. в качестве испытуемых выступили студенты Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (100 человек в возрасте от 17 до 24 лет). Методика проведения эксперимента стандартная: использована письменная форма выполнения экспериментального задания, анкеты генерировались методом случайных чисел, чтобы исключить возможность списывания, на каждый стимул испытуемый должен был ответить первым пришедшим на ум словом. Стимульный список состоял из 10 слов: *хорошо, грустно, приятный, плохой, счастливый, ужасно, ужасный, горячо, хороший, плохо*. В данной статье представлены результаты анализа только ассоциативных полей «хороший» и «плохой». Сравнительно-сопоставительный анализ АП стимулов хороший, плохой по данным САНРЯ, РАС, СИБАС и СЭА был направлен на решение двух задач: 1) по данным ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента (2023 г.) определить «константы сознания» носителей русского языка – студентов трех поколений, выявить то общее, неизменное, что, по данным ассоциативных экспериментов, можно наблюдать в аксиологическом фрагменте образа мира их участников; 2) выявить различия в субъективной семантике стимулов в аспекте изменений исследуемого фрагмента образа мира.

Для решения этих задач были построены модели семантических гештальтов ассоциативных полей стимулов хороший и плохой. Полученные результаты сведены в таблицы, показывающие состав семантических гештальтов ассоциативных полей стимулов хороший и плохой (см. табл. 1–4).

Таблица №1

**Состав семантических гештальтов
ассоциативных полей стимулов по данным САНРЯ**

ХОРОШИЙ 239	ПЛОХОЙ 609
КТО	
Наименования человека	
<p>По возрасту и полу (47 реакций 19,6%): человек (38); парень (6); мальчик (2), ребенок.</p> <p>По социальным отношениям (23 реакции 9,6%): друг (13), товарищ (3); дядя (20).</p> <p>По занятию и профессии (1 реакция 0,4%): ученик.</p> <p>Оценочные наименования (1 реакция 0,4): негодяй.</p>	<p>По возрасту и полу (177 реакций 29%): человек (137), мальчик (33), парень (2), ребенок (2), мальчишка, он, ты.</p> <p>По социальным отношениям (22 реакции 3,6%): товарищ (10), друг (7), враг; папа, мама, муж, сын</p> <p>По занятию и профессии (30 реакций 4,9%): ученик (23), студент (3), преподаватель (2), работник, хозяин (1).</p> <p>Оценочные наименования (10 реакций 1,64%): драчен, дрянь, лгун, неприятный человек, неряха, подхалим, слюнтяй, плохой ученик, труженик (1).</p>
Наименования животного и пр.	
<p>Наименования животного и пр. (1 реакция 0,4%): пес.</p>	<p>Наименование моллюска (1 реакция 0,16%): осьминог</p>
ЧТО	
Наименования объектов	
<p>Временные объекты и феномены, привязанные ко времени (17 реакций 7,1%): урок (6); день (4); погода (2); ветер, сон, спектакль, начинание, ответ.</p> <p>Пространственные объекты (5 реакций 2%): дом (2); домик, кабинет, стул (1).</p> <p>Материальные предметы (13 реакций 5,4%): костюм (3); учебник (2); фильм (2), автомобиль, пай, платье, портфель, троллейбус, фрукт (1).</p>	<p>Временные объекты, феномены, привязанное ко времени (28 реакций 4,6%): день (10), фильм (6), урок (4), утро (2), болезнь, вечер, драма, жизнь, месяц, погода (1).</p> <p>Пространственные объекты (12 реакций 2%): дом (2), парта (2), плакат (2), радуга (2), стол (2), двор, диван (1).</p> <p>Материальные предметы (13 реакций 5,4%): предмет (5), письмо (2), автомобиль, арбуз, велосипед, вода, доска, карандаш, текст, тряпка, цветок (1).</p>

<p>Речевые, чувственные, поведенческие объекты - перцептивные, ментальные, поведенческие объекты -</p> <p>Оценочные наименования: чудо что надо, что именно (2 реакции 0,8%).</p>	<p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (46 реакций 8%): характер (8), голос (4), слух (3), аппетит (2), звук (2), неправда (2), ответ (2), свет (2), сила (2), совет (2), ужас (2), анекдот, болезнь, вкус, выбор, настроение, неприятность, опыт, память, порядок, поступок, признак, пример, речь, состояние, состояние человека (1).</p> <p>Оценочные наименования (3 реакции 0,5%): гадость, грязь, нечестный номер.</p>
КАКОЙ	
Качественные наименования	
<p>Оценочная квалификация (81 реакция 34%): плохой (72); отличный (5); замечательный, неплохой, прекрасный, средний (1).</p> <p>Качества человека / объекта (23 реакции 9,6%): добрый (6); красивый (3); милый (3); чудесный (3), деятельный, ласковый, светлый, симпатичный, прекрасный, средний, точный, умный (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (10 реакций 4,1%): большой (3); приятный (2), вкусный, громадный, настоящий, полный, сладкий (1).</p>	<p>Оценочная квалификация (226 реакций 36%): хороший (217). нехороший (6), лучший, отличный, ужасный.</p> <p>Качества человека / объекта (17 реакций 3%): добрый (6), гадкий (2), грубый (2), вечный, невоспитанный, противный, симпатичный, страшный, сумасшедший, хошоенький (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (10 реакций 2%): грязный (3), горький (2), черный (2), дряблый, невкусный, серый (1).</p>
<p>(как?) (13 реакций 5,4%): очень (5); хорошо (4) не очень (2), плохо, правильно (1).</p>	<p>(как?) (4 реакции 0,7%) очень (2), нет, слишком (1).</p>

Таблица №2

**Состав семантических гештальтов
ассоциативных полей стимулов по данным РАС**

ХОРОШИЙ 646	ПЛОХОЙ 543
КТО	
Наименования человека	
<p>Пространственные объекты (12 реакций 2%): дом (2), парта (2), плакат (2), радуга (2), стол (2), двор, диван (1).</p> <p>Материальные предметы (13 реакций 5,4%): предмет (5), письмо (2), автомобиль, арбуз, велосипед, вода, доска, карандаш, текст, тряпка, цветок (1).</p>	<p>По возрасту (108 реакций 20%): человек (81), мальчик (17), ребенок (2), то, Лигачев, мужчина, парень, растреланный человек, тот, кто отстал, ты, человек в сером (1).</p> <p>По социальному статусу (63 реакции 11,6%): товарищ (23), друг (22), муж (10), дядя (2), враг, недруг, партнер, дядька (1).</p>

<p>По занятию и профессии (27 реакций 4,2%): ученик (6); врач (2); спортсмен (2); учитель (2); актер, бизнесмен, водитель, воин, вор, гость, плебей, начальник, писатель, преподаватель, приятель, профессионал, работник, рабочий, специалист (1).</p> <p>Оценочные наименования (9 реакций 1,4%): дурак (2); козел (2); кока, молодец, плут, подлец, чудака (1).</p>	<p>По возрасту (108 реакций 20%): человек (81), мальчик (17), ребенок (2), то, Лигачев, мужчина, парень, растрепанный человек, тот, кто отстал, ты, человек в сером (1).</p> <p>По социальному статусу (63 реакции 11,6%): товарищ (23), друг (22), муж (10), дядя (2), враг, недруг, партнер, дядька (1).</p> <p>По занятию и профессии (41 реакция 7,5%): ученик (8), студент (5), преподаватель (4), работник (4), учитель (3), помощник (2), собеседник (2), воин, врач, мастер, милиционер, писатель, сержант, советчик, специалист, стажер, танцор, токарь, ухажер, хулиган</p> <p>Оценочные наименования (12 реакций 2,2%): редиска (3), балбес, бяка, гад, дурак, идиот, негодяй, плохишка, подлец, самодур (1).</p>
<p>Наименования животного и пр.</p>	
<p>Наименования животного и птицы (7 реакций 1,09%): пес (3); конь (3); воробей (1).</p>	<p>Наименования животного, птицы и артефакта (2 реакции 0,4%): птица, робот (1).</p>
<p>ЧТО</p>	
<p>Наименования объектов</p>	
<p>Временные объекты и феномены, привязанные ко времени (70 реакций 11%): день (36); фильм (6); поступок (5); концерт (3); сон (3); урок (3); вечер, год, голод, завтрак, каникулы, миг, момент, насморк, праздник, снег, солнечный день, спектакль, ужин, утро (1).</p> <p>Пространственные объекты (8 реакций 1,2%): дом (5); класс, лес, магазин, мир, стул (1).</p> <p>Материальные предметы (50 реакций 8%): хлеб (3); костюм (2); магнитофон (20); подарок (2); солнце (2), автомобиль, билет, ботинок, журнал, знак, инструмент, кекс, коньяк, кофта, кровать, кусок, пенал, песня, портфель, предмет, прибор, пример, сок, суп, торт, урожай (1).</p>	<p>Временные объекты и феномены, привязанные ко времени (65 реакций 12%): день (28), сон (8), урок (8), обед (3), конец (2), брак, вход, выход, год, детектив, детство, завтрак, климат, мороз, обычай, погода, случай, спектакль, ужин, утро, фильм (1).</p> <p>Пространственные объекты (16 реакций 3%): дом (5), город, душ, мотоцикл, квартира, мост, общество, рок-н-ролл, словарь, стул, Ханой, шар с</p> <p>Материальные предметы (46 реакций 8,4%): пример (3), товар (3), билет (2), костюм (2), продукт (2), сорт (2), урожай (2), байт, камень, карандаш, картошка, коньяк, ложка, мед, отметка, оценка, пирог, подарок, портвейн, почерк, предмет, рецепт, ритм, ручка, слог, суп, хлеб, чемодан, член (1).</p>

<p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (31 реакция 5%): вкус (11); аппетит (3); результат (2); голос, запах, заработок, качество, ответ, показатель, покой, разговор, свет, слух, смех, улыбка, ум, характер, цвет (1).</p> <p>Оценочные наименования (2 реакции 0,3%): товар-редкость, шик (1).</p>	<p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (45 реакций 8,2%): характер (6), настроение (5), поступок (4), совет (4), вид (3), вкус (3), вопрос (2), конец (2), рассказ (2), слух (2), аппетит, грубость, заработок, злость, настрой, подход, разговор, расставание, результат, свет, слог, юмор (1).</p> <p>Оценочные наименования -</p>
КАКОЙ	
Качественные наименования	
<p>Оценочная квалификация (98 реакций 15,3%): плохой (79); отличный (5); лучший (4); замечательный, классный, неплохой, нормальный, отличный, прекрасный, такой, худший, нет таких, но иногда довольно плох (1).</p> <p>Качества человека / объекта (42 реакции 6,5%): добрый (15); приятный (6); милый (2); надежный (2); не злой (2), дорогой, замечательный, злой, любимый, пригожий, примерный, пьяный, родной, скромный, удачный, умелый, умный, уравновешенный, человеческий (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (12 реакций 2%): мягкий (3); благоприятный, близкий, большой, доброкачественный, добротный, желтый, круглый, отечественный, розовый (1).</p>	<p>Оценочная квалификация (72 реакции 13%): хороший (56), некачественный (2), плохой (2), скверный (2), ужасный (2), не лучший, не обязательно нехороший, не хороший, нехороший, очень плохой, отвратительный, противный, худший (1).</p> <p>Качества человека / объекта (29 реакций 5,3%): злой (3), ненужный (3), больной (2), грязный (2), хреновый (2), бездарный, вредный, гадкий, глупый, гнилой, ленивый, испорченный, неопрятный, неподходящий, несчастный, нечестный, никчемный, послушный, противный, рваный, скрытный, старый (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (12 реакций 2,2%): черный (4), грязный (2), желанный, зримый, красивое, любимый, мокрый, неважный, неинтересный, некрасивый, сухой (1).</p>
<p>4.Чей? (3 реакции 0,5%): мой (3)</p>	<p>4.Чей? -</p>
<p>5.Как? когда? (7 реакций 1,09%): всегда, да, мало, плохо, очень, очень приятно, разве? (1).</p>	<p>5.Как? когда? (2 реакции 0,4%) вовремя, до жути (1).</p>
<p>6.Индивидуальные ассоциации (7 реакций 1,09%): не знаю (2), брось, обманывать, отдохнуть, показалось, это с какой стороны посмотреть (1).</p>	<p>6. Индивидуальные ассоциации (2 реакции 0,4%): был, что такое хорошо и что такое плохо? (1).</p>

Таблица №3

**Состав семантических гешталтов
ассоциативных полей стимулов по данным СИБАС**

ХОРОШИЙ 505	ПЛОХОЙ 500
КТО	
Наименования человека	
<p>По возрасту и полу (84 реакции 16,6%): человек (69); мальчик (6); я (4); парень (2); девушка, ребенок, человек (1).</p> <p>По социальному статусу (97 реакции 19,2%): друг (89); отец (2); враг, друг, семья, мать, партнер, немец (1).</p> <p>По занятию и профессии (17 реакций 3,3%): учитель (5); адвокат (2); преподаватель (2); декан, начальник, педагог, режиссер, писатель, политик, поэт, ученик (1).</p> <p>Оценочные наименования (8 реакций 1,6%): умничка (2), умница, гад, Зай, душка, молодец, перец (1).</p>	<p>По возрасту и полу (130 реакций 26%): человек (77), парень (17), мальчик (15), ребенок (6), мужик (2), Санта (2), и это я, мальчиш, мальчишка, парень, Рома, Джон, Клин, Иствуд, Плохиш, чел, я (1).</p> <p>По социальному статусу (19 реакций 3,8%): друг (5), товарищ (4), муж (2), недруг (2), враг, дед, зять, папа, сосед, сотрудник (1).</p> <p>По занятию и профессии (42 реакции 8,4%): ученик (5), преподаватель (3), специалист (3), студент (3), врач (2), игрок (2), работник (2), убийца (2), учитель (2), актер, бандит, водитель, доктор, капитан, командир, коп, любовник, мафия, нигер, персонаж, препод, проводник, танцор, террорист, ученый, футболист, художник (1).</p> <p>Оценочные наименования (21 реакция 4,2%): редиска (5), дурак (2), негодяй (2), безумец, бяка, гад, дятел, злодей, подлец, предатель, урод, чел, черт, чмо, чувак (1).</p>
Наименования животного и пр.	
<p>Наименования животного (4 реакции 0,8%): пес (2); кот, мишка (1).</p>	<p>Наименования животного и пр. (4 реакции 0,8%): кот, краб, крыса, пес (1).</p>
ЧТО	
Наименования объектов	
<p>Временные объекты и феномены, привязанное ко времени (65 реакций 13%): день (26); фильм (4); сон (3); время (2); слух (2); урок (2), доклад, дружба, завтрак, месяц, момент, ночь, поведение, повод, погода, праздник, ремонт, сделка, секс, труд, ужин, ход (1).</p>	<p>Временные объекты и феномены, привязанное ко времени (46 реакций 9,2%): день (29), сон (4), вечер (2), случай (2), фильм (2), возраст, инцидент момент, обед, день, сюжет, урок, конец (1).</p>

<p>Пространственные объекты (4 реакции 0,8%): класс (2); ларек, стул (1).</p> <p>Материальные предметы (18 реакций 3,6%): телефон (3); велосипед (2); балл, бублик, галстук, жест, конфета, оценка, почерк, пояс, солнце, телевизор, товар, урожай, цветы (1).</p> <p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (43 реакции 8,5%): поступок (10); вкус (5); добро (4); вид (3); ответ (3); слух (2); совет (2); улыбка (2); доброта, улыбка, доклад, качество, качество, метод, мысль, норма, понимание, пример, свет, сюрприз, текст, уважение, удар, удел, успокоенность, уют, характер, вопрос, шаблонная фраза, язык (1).</p> <p>Оценочные наименования (3 реакции 0,6%): даос, позитив, редкость (1).</p>	<p>Пространственные объекты (9 реакций 2%): болото, город, государство, дом, интерьер, корабль, магазин, маршрут, факультет (1).</p> <p>Материальные предметы (13 реакций 2,6%): ботинок, вирус, гроб, йогурт, коньяк, мел, плащ, помидор, сок, сыр, товар, фрукт, выстрел (1).</p> <p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (63 реакции 12,6%): поступок (19), зло (7), вкус (4), характер (3), вид (2), выбор (2), злоба (2), знак (2), нрав (2), слух (2), возраст, вред, глупость, гнев, грязь, жалость, запах, злость, коварство, настрой, отвращение, отношение, пример, разум, результат, совет, тост, удар (1).</p> <p>Оценочные наименования: негатив, Ужас, черный цвет (3 реакции 0,6%).</p>
КАКОЙ	
Качественные наименования	
<p>Оценочная квалификация (66 реакций 13,3%): плохой (48); качественный (3); лучший (3); неплохой (2); нормальный (2); good (2), классный, лучшее, обычный, позитивный, прекрасный, дорого (1).</p> <p>Качества человека / объекта (63 реакции 12,4%): добрый (31); милый (5); положительный (4); приятный (4); злой (3); прилежный (3); веселый, добрый, единственный, знакомый, любимый, открытый, правдивый, радостный, разумный, родной, славный, счастливый, хитрый (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (11 реакций 2%): светлый (2); белый, годный, долговечный, круглый, мягкий, нужный, прочный, теплый, удачный (1).</p>	<p>Оценочная квалификация (59 реакций 12%): хороший (35), нехороший (10), ужасный (4), некачественный (2), bad, еще хуже, необычный, отвратительный, плохой, недоделанный, безобразный, неудовлетворительный (1).</p> <p>Качества человека / объекта (45 реакций 9%): злой (25), испорченный (3), вредный (2), добрый (2), гадкий, гнусный, курящий, лицемерный, моральный, невоспитанный, недобрый, недостойный, ненадежный, нервный, обиженный, угловатый, чужой (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (15 реакций 3%): черный (4), некрасивый (2), безобразный, грязно-серый, жесткий, ледяной, необычный, неправильный, неприятный, обратный, скучный (1).</p>

4. (как?) (4 реакции 0,8%): очень ((2). не всегда, нет. (1).	4. (как?) (6 реакций 1,2%) не очень (3), очень (2), опять? (1)
5. (делать) -	5. (делать) (3 реакции 0,6%) сосать, убить, уничтожить (1).

Таблица №4

**Состав семантических гештальтов
ассоциативных полей стимулов по данным САЭ**

ХОРОШИЙ 100	ПЛОХОЙ 100
КТО	
Наименования человека	
<p>По возрасту и полу (23 реакции 23%): человек (11); мальчик (10); парень, я (1).</p> <p>По социальному статусу (12 реакций 12%): друг (10); враг, папа (1).</p> <p>По занятию и профессии (3 реакции 3%): доктор, писатель, препод (1).</p> <p>Оценочные наименования -</p>	<p>По возрасту и полу (20 реакций 20%): человек (13), мальчик (3); мужик, парень Макар, Санта (1),</p> <p>По социальному статусу (5 реакций 5%): друг (3); враг, дед (1),</p> <p>По занятию и профессии (5 реакции 5%): актер, персонаж, полицейский, преподаватель, ученик (1).</p> <p>Оценочные наименования (3 реакции 3%): мудак, предатель, эгоист (1).</p>
Наименования животного	
<p>Наименования животного (3 реакции 3%): пес (2); щенок (1).</p>	<p>Наименования животного (1 реакция 1%): волк (1).</p>
ЧТО	
Наименования объектов	
<p>Временные объекты и феномены, привязанные ко времени (11 реакций 11%): вечер, выходной, конец, обед, ремиссия, секс, сон, урок, утро, фильм, финал (1).</p> <p>Пространственные объекты -</p> <p>Материальные предметы (27 реакций 27%): алкоголь (10); аттестат (10); вкусная еда, деньги, знак, золото, игрушка, снег, трава (1).</p> <p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (11 реакций 11 %): поступок (4); вкус (2); безопасность, безопасность, нейтральность, пример, улыбка (1).</p> <p>Оценочные наименования -</p>	<p>Временные объекты и феномены, привязанные ко времени (23 реакции 23%): день (11), погода (3), сон (3), сюжет (2); год, вечер, год, неудачный день (1),</p> <p>Пространственные объекты (2 реакции 2%) принтер, туча (1)</p> <p>Материальные предметы (3 реакции 3%): клей, оценка, признак (1)</p> <p>Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты (9 реакций 9%): вкус (2), действие исподтишка, запах, контроль, работа, роман, случай, чувства (1).</p> <p>Оценочные наименования: смайлик с рожками (1) (1 реакция 1%).</p>

КАКОЙ	
Качественные наименования	
<p>Оценочная квалификация (4 реакции 4%): плохой (2); неплохой, позитивный (1).</p> <p>Качества человека / объекта (11 реакций 11%): добрый (3); злой, красивый, любимый, милый, редкий, спокойный, толстый верный (1).</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (7 реакций 7%): приятный (3); выходной, желтый, мягкий, удобный (1).</p>	<p>Оценочная квалификация (4 реакции 4%): хороший (2), негативное, смешанный (1).</p> <p>Качества человека / объекта (16 реакций 16%): злой (8); безнравственный, болезненный, вредный, гнилой, грубый, жалкий, злобный, мерзкий (1)</p> <p>Перцептивно воспринимаемые качества (5 реакций 5%): колючий, красный, невкусный, пасмурный, сложный (1).</p>
<p>4. Как? (1 реакция 1%) замечательно (1).</p>	<p>4. Как? -</p>

Анализ состава гештальтов ассоциативных полей

Ассоциативное поле стимула хороший

Анализ полученного ассоциативного материала (временной промежуток около сорока лет) позволяет определить реакции-«константы», отмеченные во всех анализируемых ассоциативных полях (см. табл. 5).

Таблица №5

Реакции, зафиксированные во всех ассоциативных полях стимула ХОРОШИЙ и в ассоциативном поле САЭ

СЛОВО	СЛОВАРИ: реакции на стимул ХОРОШИЙ			
	САНРЯ (239 – 100%)	РАС (642) –100%)	СИБАС (505 – 100%)	САЭ (100 – 100%)
Человек	38 (15,9%)	95 (14,7%)	69 (13,6%)	11 (11%)
Друг	13 (5,4%)	90 (14%)	89 (17,6%)	10 (10%)
Парень	6 (2,5%)	15 (02,3%)	2 (0,3%)	1 (1%)
Мальчик	2 (0,8%)	20 (3,1%)	6 (1,1%)	4 (4%)
Урок	6 (2,5%)	3 (0,46)	2 (0,3%)	1 (1%)
Сон	1 (0,4%)	3 (0,46)	3 (0,5%)	1 (1%)
Фильм	2 (0,84)	6 (0,93)	4 (0,79)	1 (1%)
Плохой	72 (30,1%)	79 (12,3)	48 (9,5%)	2 (2%)
Добрый	6 (2,5%)	15 (12,33%)	31 (6,13%)	3 (3%)
Милый	3 (1,25%)	2 (0,3%)	5 (0,99%)	1 (1%)
Приятный	2 (0,83)	6 (0,93)	4 (0,79)	3 (3%)

Таблица 5 показывает стабильные отношения стимула хороший и вызываемых им ассоциаций. Реакции *человек* и *друг*, входящие в ядро языкового сознания русских [Уфимцева 2002: 159], частотны и в анализируемом нами ассоциативном

поле. К ним примыкают менее частотные, но повторяющиеся во всех АП, близкие по семантике реакции *парень* и *мальчик*. В зоне неодушевленных существительных повторяющимися являются малочастотные реакции *урок*, *сон* и *фильм*, обозначающие близкие, повседневные для информантов реалии. В зоне оценочных реакций лидирует (исключение – САЭ) антоним *плохой*. Ассоциации, выраженные антонимами и оппозициями, характерны для любых стимулов, особенно – для имен прилагательных. Слово *хороший*, собственно оценочное, выражающее абсолютную оценку [Вольф 2002: 29; 15], вызывало у информантов желание уточнить, конкретизировать, выразить возможную оценку подразумеваемого ими объекта. Несмотря на многообразие реакций-оценок, только три слова (*добрый*, *милый* и *приятный*) стали общими для всех АП реакциями-константами.

Для решения второй задачи – определения различия в субъективной семантике стимулов в аспекте изменений исследуемого фрагмента образа мира – был проведен сравнительно-сопоставительный анализ состава фрагментов семантических гештальтов (см. табл. 6).

Таблица №6

Сопоставительная таблица состава семантического гештальта АП стимула хороший

АП стимула хороший	САНРЯ (239)	РАС (646)	СИБАС (505)	САЭ (100)
Семантическая область гештальта	Количество реакций /%			
КТО Наименования человека	86 г 36%	316 г 49%	210 г 41,6%	41 г 41%
По возрасту и полу	47 г 19,6%	130 г 20%	84 г 16,6%	23 г 23%
По социальному статусу	23 г 9,6%	144 г 22,3%	97 г 19,2%	12 г 12%
По занятию и профессии	1 г 0,4%	27 г 4,2%	17 г 3,3%	3 г 3%
Оценочные наименования	1 г 0,4%	9 г 1,4%	8 г 1,6%	-
Наименования животного	1 г 0,4%	7 г 1,09%	4 г 0,8%	3 г 3%
ЧТО Наименования объектов	38 г 16%	161 г 25%	132 г 26%	49 г 49%
Временные объекты и феномены, привязанные ко времени	17 г 7,1%	65 г 10%	55 г 11%	15 г 15%
Пространственные объекты	5 г 2%	8 г 1,2%	4 г 0,8%	-
Материальные предметы	13 г 5,4%	50 г 8%	18 г 3,6%	27 г 27%
Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты	-	36 г 6%	53 г 10,5%	7 г 7%
Оценочные наименования	2 г 0,8%	31 г 5%	3 г 0,5%	-

КАКОЙ				
Качественные наименования	114 г 48%	152 г 24%	140 г 27,7%	22 г 22%
Оценочная квалификация	81 г 34%	98 г 15,3%	66 г 13,3%	4 г 4%
Качества человека / объекта	23 г 9,6%	42 г 6,5%	63 г 12,4%	11 г 11%
Перцептивно воспринимаемые качества	10 г 4,1%	12 г 2%	11 г 2%	7 г 7%
ЧЕЙ	-	3 г 0,5%	-	-
КАК / КОГДА	13 г 5,4%	7 г 1,09%	4 г 0,8%	1 г 1%
ИНД. АССОЦИАЦИИ	-	7 г 1,09%	-	-

Анализ АП показал, что участники ассоциативных экспериментов реагируют на стимул хороший, акцентируя наиболее часто семантическую область субъектов (фрагмент семантического гештальта КТО самый большой по численности – см. табл. 1–5). Необходимо отметить преобладание в этой части гештальта номинаций лиц по параметру возраста и пола, что указывает на значимость именно такой связи со стимулом. Ассоциации *человек, друг, парень, мальчик* (см. табл. 1–5), являясь реакциями-константами, сохраняют свою актуальность для реципиентов вне зависимости от поколенческих и иных процессов. Причем, если реакция *человек* примерно одинаково частотна во всех АП проанализированных словарей и САЭ 2023 г., то реакция *друг* отличается неуклонным повышением своей значимости для респондентов разных поколений, кроме студентов г. Омска (см. табл. 1–6). Реакция *мальчик* была наиболее актуальна для поколения информантов РАС (см. табл. 2), следующее поколение реже обращалось к этой реакции, однако в образе мира студентов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского это слово достаточно прочно связано со стимулом хороший.

При выборе в качестве реакций наименований из области субъектов, названных по социальным параметрам, наблюдается «скачкообразная» тенденция, связанная с поколенческими процессами: для информантов периода РАС эта область была наиболее значимой, затем происходит некоторое снижение актуальности (см. табл. 2). В группе реакций «лица по профессии и занятию» заметно первоначальное устойчивое повышение частотности, затем – незначительное снижение и стабилизация.

Зона оценочных наименований лица немногочисленна (см. табл. 1–5). Общее количество реакций (с учетом повторяющихся) – 18, из них с положительной оценкой – 5 (*душка, умничка, молодец 2, умница*), с отрицательной – 6 (*гад, дурак, козел, негодяй, подлец, плут*).

Реакции – номинации животных также малочисленны (15): *пес* (8) и единичные *воробей, кот, мишка, щенок*.

Следующая зона семантического гештальта – наименования объектов. Самой многочисленной и разнообразной по семантике является зона, охватывающая реакции, связанные со временем: *время, утро, день, вечер, ночь, миг, момент, обед, ужин, выходной*. Реакции, представленные в остальных зонах (пространственные объекты, материальные предметы и оценочные наименования), составляют менее 10% от общего числа реакций в каждом ассоциативном поле. Исключение: зона «материальные объекты» (САЭ – 27%).

Все реакции, относящиеся к зонам «Наименования человека и животного», «Наименования объектов», – реакции развертывания, а коммуникативная тактика испытуемых, использующих данные ассоциации – тактика номинации. Такие ассоциативные отношения характерны для пар S прил. – R сущ. Реакция, выраженная именем существительным, «достраивает» стимул до словосочетания (например, *хороший день, человек, вечер*) или до «синтаксического примитива» (Ю.Н. Караулов): *хороший умница, погода, платье*.

Зона «Качественные наименования» включает реакции пояснения [Гуц 2005: 74]. Испытуемые, выбравшие данную коммуникативную тактику, стремятся объяснить, пояснить, конкретизировать стимул, выражающий общую оценку: *хороший (это какой?) – добрый, милый, интересный, приятный, прекрасный, симпатичный, умный, вкусный, большой, полный* и др.

Ассоциативное поле стимула плохой

На первом этапе анализа ассоциативных полей стимула плохой были выделены повторяющиеся реакции во всех АП. Результаты анализа представлены в табл. 7.

Таблица №7

Реакции, зафиксированные в ассоциативных полях стимула плохой во всех анализируемых словарях и САЭ

СЛОВО	СЛОВАРЬ СТИМУЛ ПЛОХОЙ			
	САНРЯ (609 – 100%)	РАС (642)–100%)	СИБАС (505 – 100%)	САЭ (100 – 100%)
Человек	137 (22,5%)	81 (12,6%)	77 (15,2%)	13 (13%)
Друг	7 (1,14%)	22 (3,4%)	5 (0,9%)	3 (3%)
Преподаватель	2 (0,32%)	4 (0,6%)	3 (0,5%)	1 (1%)
Мальчик	23 (3,8%)	17 (2,6%)	15 (2,9%)	3 (3%)
День	10 (1,64%)	28 (4,3%)	29 (5,7%)	11(11%)
Сон	1 (0,16%)	8 (1,25%)	4 (0,8%)	3 (3%)
Хороший	217 (35,6%)	56 (8,7%)	35 (6,9%)	2 (2%)
Товарищ	10 (1,64%)	23 (3,6%)	4 (0,8%	-
Студент	3 (0,49%)	5 (0,8%)	3 (0,6%)	-
Ребенок	2 (0,32%)	2 (0,3%)	6 (1,2%)	-
Слух	3 (0,49%)	2 (0,3%)	2 (0,4%)	-
Поступок	1 (0,16%)	4 (0,6%)	19 (3,8%)	-
Характер	1 (0,16%)	6 (0,9%)	3 (0,6%)	-
Нехороший	6 (1%)	1 (0,16%)	10 (2%)	-
Ужасный	1(0,16%)	1 (0,16%)	4 (0,8%)	-
Черный	2 (0,32%)	4 (0,6%)	4 (0,8%)	-

Сравним повторяющиеся реакции в АП стимулов плохой и хороший. В зоне «Наименования человека» представлены следующие общие реакции: *человек, друг, мальчик*. В АП стимула плохой отсутствует реакция *парень* и добавляется реакция *преподаватель*; ассоциации *товарищ, ребенок и студент* не представлены в САЭ. В зоне «Наименования объектов» только одна общая реакция – *сон*, отсутствуют *фильм и урок*, добавлены *слух, поступок и характер*. Такое частичное совпадение реакций-констант в анализируемых полях объясняется и семантикой, и частотностью функционирования в речи. Например, лексемы *слух, поступок и характер*, сочетаясь

с прилагательным *плохой*, «обладают высокой степенью стандартности, а значит воспроизводимости, и представляют собой следы текстов, которые в разное время проходили через АВС носителя языка» [Караулов 1999:109]. Зона «Качественные наименования», вследствие антонимического характера стимулов, не имеют совпадений и повторяющихся реакций.

Сравнительно-сопоставительный анализ состава фрагментов семантических гешталтов АП стимула *плохой* (решение второй задачи исследования) выявил тенденции, аналогичные установленным в ходе описания семантических гешталтов антонимичного стимула (см. табл. 8).

Таблица №8

Сопоставительная таблица состава семантического гешталта АП «Плохой»

АП стимула <i>плохой</i>	САНРЯ (609)	РАС (543)	СИБАС (500)	САЭ (100)
Семантическая область гешталта	Количество реакций / %			
КТО Наименования человека	240 г 39,4%	226 г 41,6%	216 г 43,2%	34 г 34%
По возрасту и полу	177 г 29%	108 г 20%	130 г 26%	20 г 20%
По социальным отношениям	22 г 3,6%	63 г 11,6%	19 г 3,8%	5 г 5%
По занятию и профессии	30 г 4,9%	41 г 7,5%	42 г 8,4%	5 г 5%
Оценочные наименования	10 г 1,64%	12 г 2,2%	21 г 4,2%	3 г 3%
Наименования животного	1 г 0,16%	2 г 0,4%	4 г 0,8%	1 г 1%
ЧТО Наименования объектов	102 г 17%	172 г 32%	134 г 27%	38 г 38%
Временные объекты и феномены, привязанные ко времени	28 г 4,6%	65 г 12%	46 г 9,2%	23 г 23%
Пространственные объекты	12 г 2%	16 г 3%	9 г 2%	2 г 2%
Материальные предметы	13 г 2,1%	46 г 8,4%	13 г 2,6%	3 г 3%
Речевые, перцептивные, чувственные, ментальные, поведенческие объекты	46 г 8%	45 г 8,2%	63 г 12,6%	9 г 9%
Оценочные наименования	3 г 0,5%	-	3 г 0,6%	1 г 1%
КАКОЙ Качественные наименования	253 г 41,5%	113 г 21%	119 г 24%	25 г 25%
Оценочная квалификация	226 г 36%	72 г 13%	59 г 12%	4 г 4%
Качества человека / объекта	17 г 3%	29 г 5,3%	45 г 9%	16 г 16%
Перцептивно воспринимаемые качества	10 г 2%	12 г 2,2%	15 г 3%	5 г 5%
КАК	4 г 0,7%	2 г 0,4%	6 г 1,2%	-
ИНД. АССОЦИАЦИИ	-	2 г 0,4%	-	-
ДЕЛАТЬ	-	-	3 г 0,6%	-

Наиболее объемным и разнообразным по составу является сектор, связанный с субъектом, в первую очередь – *человеком* (сектор КТО). В границах сектора преобладают реакции – наименования людей по возрасту и полу. Причем данная группа реакций достаточно значима для информантов САНРЯ и СИБАС (можно говорить о значительной актуализации данной семантической области для носителей русского языка «через поколение» см. табл. 1,3). Для информантов РАС и САЭ актуальность подобного типа реагирования несколько ниже. Среди наиболее частотных реакций данного сектора во всех АП всех поколений носителей языка преобладает реакция *человек* (см. табл. 1–4, 7). Максимальная частотность данной реакции была зафиксирована в 70-е годы XX в. (у информантов САНРЯ – 57,3%), затем частотность понизилась в 4,5 раза у респондентов РАС и осталась приблизительно на одном уровне (разница между частотностью 15,2% в СИБАС и 13% в САЭ нерепрезентативна). Соотношение стимула с лексемой *друг* (сектор наименований человека по социальным связям) у информантов РАС несколько выше, чем у респондентов САНРЯ – представителей предыдущего поколения. У представителей следующего поколения (СИБАС) частотность связи указанной реакции со стимулом уменьшилась в 3,7 раза, затем опять выросла в 3,3 раза у студентов Омска. Связь слова-стимула *плохой* с реакцией *преподаватель* остается стабильной в ассоциативных полях всех анализируемых словарей, а значит, и в образе мира их информантов, не выходя за рамки частотности 4, 2, 1 (см. табл. 1–4, 7). Связь стимула с реакцией *мальчик* актуальна, как и связь этой лексемы со стимулом *хороший*. При этом относительная сила связи *плохой* → *мальчик* выше, чем аналогичная величина связи *хороший* → *мальчик* (см. табл. 1–4,7). Для информантов САНРЯ эта величина оказалась наиболее проявленной (9,6%), затем для представителей последующих поколений она уменьшилась в 3,6 раза и осталась в границах указанного показателя (2,6% РАС, 2,9% СИБАС, 3% САЭ). Что касается выбора данной реакции для стимула *хороший*, то изначально прочность связи была достаточно низкой (0,8% САНРЯ), затем она стала выше в 3,7 раза (РАС), затем опять понизилась в 2,8 раза (1,1% СИБАС) и опять увеличилась в 3,6 раза (4% САЭ).

Стимул *плохой* достаточно часто вызывает реакции из области «лица по занятиям и профессии» (см. таблицы 1–4,8). При этом данный сектор менее наполнен в семантических гештальтах ассоциативных полей САНРЯ (4,9%) и САЭ (5%), однако объемен и разнообразен по составу реакций в ассоциативных материалах РАС (7,5%) и СИБАС (8,4%) – у информантов, представителей двух следующих поколений. Разнообразие состава реакций связано с расширением наименований традиционного круга участников педагогического процесса в школе и вузе (*ученик, учитель, преподаватель, студент* и т.п.) за счет единичных наименований субъектов действий в РАС (*собеседник, советчик*) и представителей других профессий (*воин, врач, писатель, мастер, милиционер, сержант, специалист* и пр.) в РАС. Последние переходят в группу малочастотных реакций с индексами 2, 3 в СИБАС, для которого характерно еще большее расширение единичных реакций (*актер, бандит, водитель, капитан, командир, коп, проводник, танцор, террорист, ученый, футболист* и пр.). Такая особенность указывает на нарастание у носителей языка прочности связи стимула с реакциями – названиями лиц по профессиям и занятиям. В данном секторе наиболее частотной реакцией для представителей трех поколений является лексема *ученик* (23 реакции в САНРЯ, 8 реакций в РАС, 5 реакций в СИБАС). Но она единична для студентов-участников САЭ (см. табл. 4).

Слово-стимул плохой в образе мира всех исследуемых поколений студентов связан с лексемами – наименованиями человека по социальному статусу. Наибольший процент подобных реакций был зафиксирован у информантов РАС (11,6%), в остальных группах респондентов частотность подобного типа соотношения ниже и колеблется от 3,6% (САНРЯ), 3,8% (СИБАС) до 5% (САЭ). Среди реакций указанного сектора преобладают лексемы *друг* (см. ее описание выше), *товарищ*, *муж*. Если первая лексема часто появляется как реакция у представителей всех поколений, то лексем *товарищ* и *муж* в анкетах участников САЭ в 2023 г. не отмечены. Указанные реакции для поколения студентов – участников АЭ для базы РАС (23 и 10 реакций) значимы в 5,75 и 5 раз больше, чем для студентов – участников АЭ для базы СИБАС (4 и 2 реакции). Лексема *враг* во всех проанализированных полях стабильно сохраняет статус единичной, как и термины родства (*дед*, *папа*, *зять*).

Сектор гештальта, содержащий наименования объектов (ЧТО) имеет разный объем у разных поколений информантов, что свидетельствует о разной значимости данной семантической области как области реагирования на стимул в разные временные периоды. В большей степени такой тип реагирования характерен для участников САЭ 2023 (38%), достаточно актуален он у респондентов – участников экспериментов для баз РАС (32%) и СИБАС (27%). Значительно реже подобным образом реагировали представители поколения САНРЯ (17%). Если признать разницу процентных соотношений не столь значимой, то можно говорить о нарастании связи стимула с предметной областью реагирования. Состав областей реагирования внутри сектора отличается разными поколенческими тенденциями. Обращение при ассоциировании к наименованиям временных объектов и феноменов, привязанных ко времени, реже всего происходило у респондентов САНРЯ (4,6%), у информантов РАС оно увеличилось в 2,6 раза (12%), затем несколько снизилось в следующем поколении участников АЭ (9,2% СИБАС) и опять резко повысилось у современных студентов в САЭ 2023 (23%) (см. табл. 1–4,7). Среди реакций данной области преобладает реакция *день*, значимость которой от поколения к поколению нарастает (от 1,64% в САНРЯ до 11% в САЭ) (см. табл. 1–4,7). Повышает свою актуальность лексема *сон*, которая была единичной реакцией у поколения информантов САНРЯ и достигла 3% у поколения современных студентов (см. табл. 1–4,7). В целом такой способ реагирования связан с выбором лексем *год*, *фильм*, *урок*, *спектакль*, *ужин*, *обед* и пр. Расширение круга реакций наблюдается у респондентов РАС. Некоторые лексем (*вечер*, *фильм*) у информантов СИБАС перешли из единичных в малочастотные. Группа реакций – наименований пространственных объектов стабильна как в количественном, так и качественном отношении (2–3%), связана с выбором лексем *дом*, *город*, *двор* и пр. Наименования материальных объектов выбирались приблизительно с равной активностью респондентами САНРЯ (2,1%), СИБАС (2,6%), САЭ (3%). Скачок частотности такого реагирования был зафиксирован у информантов РАС (8,4%). Именно у данных респондентов наблюдается большое разнообразие единичных реакций и реакций малочастотных (*пример* (3), *товар* (3), *билет* (2), *костюм* (2), *продукт* (2) и пр.). Наименования речевых, перцептивных, чувственных, ментальных, поведенческих объектов стабильно актуальны как реакции на стимул. Выбор слов этого семантического класса примерно одинаков у носителей языка периода САНРЯ, РАС, САЭ (8,5%, 8,2%, 9%), несколько чаще осуществлялся респондентами СИБАС (12,6%). Данный способ реагирования охватывает самые разнообразные абстрактные

лексемы: *характер, поступок, слух, вкус, состояние* и пр. Часть из них, например, *слух*, одинаково часто выбирались в качестве реакций представителями трех поколений (см. табл. 1–4,7) и не использовались участниками САЭ 2023. Лексема *поступок* оказалась наиболее актуальной для респондентов СИБАС, лексема *характер* – для информантов РАС.

В секторе гештальта, содержащего качественную характеристику стимула КАКОЙ представлены реакции трех семантических групп – оценочная квалификация стимула, наименования качеств человека или объекта, наименования качеств, воспринимаемых перцептивно. Первая группа реакций самая большая у респондентов трех поколений, кроме участников САЭ 2023. Количество реакций такого типа уменьшается от поколения к поколению, достигает наименьшей величины у современных студентов ОмГУ. Зато частотность выбора способа реагирования из группы качеств человека / объекта возрастает по такому же типу. Реакции первой семантической группы – прилагательные с аксиологическими значениями, симулятивными / или оппозитивными по отношению к семантике стимула. В САНРЯ симулятивные и оппозитивные реакции примерно равны. В РАС и СИБАС симуляры разнообразны качественно, образуют шкалу нарастания негативного признака. Устойчивостью отличается оппозиит *хороший*. Его актуальность проявляется в высокой частотности у всех поколений информантов, при этом наблюдается постепенное снижение частоты реагирования от 36% в САНРЯ, что проявилось в изменении рангов в ядре, а также переходе в околядерную часть (первый ранг в ядре АП РАС и СИБАС, второй ранг в ядре АП при разном количестве словоупотреблений – 8,7% и 6,9% соответственно, переход в малочастотные реакции – 2 % в САЭ) (см. табл. 1–4,7).

Те респонденты, которые соотносили стимул с областью качеств человека / объекта, выбрали реакции – прилагательные с семантикой «внутреннего» и «внешнего» человека, внешних свойств предмета (*грубый, противный, симпатичный, невоспитанный, ненадежный* и пр.). Их анализ в АП информантов разных поколений обнаружил тенденцию нарастания актуализации негативных качеств: в САНРЯ зафиксированы 9 негативных и 8 позитивных реакций. В РАС и САЭ позитивных реакций нет, в СИБАС существует значительный перевес негативных реакций (42 негативные / 3 позитивные реакции).

При выборе перцептивно воспринимаемых качеств обнаружилась определенная стабильность, проявившаяся в приблизительно равной актуализации такого соотношения со стимулом у студентов разных поколений (небольшое увеличение частотности наблюдается у респондентов СИБАС и САЭ) (см. табл. 7, 8). Основная часть реакций данной группы – прилагательные, описывающие цветовые, вкусовые, тактильные ощущения: *грязный, мокрый, сухой, горький, черный, дряблый* и пр.

Выводы

Изучение ассоциативных реакций позволяет рассматривать «специфичный» для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания [Уфимцева 2002: 160]. Так, в ходе проведения анализа были выявлены социокультурные различия респондентов, основывающиеся на изменении общественно-политической обстановки, расширении гражданских свобод и свободы слова, изменении отношения респондентов к труду и образованию, их интересов и ценностных ориентаций, а также на активном внедрении заимствованной лексики и распространении молодежного жаргона (этим объясняется частое присутствие подобных реакций у респондентов РАС). Некоторые

из данных различий можно проследить в динамике от поколения к поколению, что является ценным материалом для диахронического языкознания.

Для представления слов-констант ассоциативных полей были смоделированы сопоставительные таблицы, наглядно демонстрирующие точки соприкосновения языковых картин носителей русского языка анализируемых поколений и частотность употребления данных реакций респондентами ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента.

Наш анализ показал, что ассоциативные поля стимулов оценочной лексики отражают особенности образа мира поколений, а также условия жизни и историческую ситуацию, в которой находились респонденты.

Исследование субъективной семантики оценочной лексики потребовало рассмотрения ряда теоретических вопросов. В число задач входило определение возможности ассоциативного эксперимента как инструмента анализа фрагмента образа мира носителей русского языка разных поколений и выявления роли оценочной лексики в языковой-картине мира студенческой молодежи.

Обозначим также практические задачи исследования, которые заключались в проведении свободного ассоциативного эксперимента, разработке классификации типов реакций, проведении анализа ассоциативных полей стимулов плохой и хороший на материале лексикографических и экспериментальных данных и выполнении сравнительно-сопоставительного анализа данных ассоциативных полей. По результатам проделанной работы мы можем сделать вывод, что оценочная лексика занимает значимое место в сознании человека и что по лексикографическим и экспериментальным данным мы можем воссоздать фрагменты образа мира человека того или иного поколения, определить его субъективное понимание «хорошего» и «плохого».

Ассоциативные поля стимулов хороший, плохой подчиняются общей закономерности, сложившейся в последние десятилетия: снижению уровня стереотипности реакций (ср. частотные ядерные реакции в САНРЯ, РАС, СИБАС, САЭ) и увеличению малочастотных и единичных реакций. Малое количество семантических зон в гештальтах (табл. 4–5) объясняется частеречной принадлежностью стимула: для имен прилагательных характерны семантические и синтаксические связи с именами существительными, отвечающими на вопросы «кто это?» и «что это?», а также с прилагательными, находящимися в зонах оппозиции и симиляртов.

Проанализировав семантические гештальты исследуемых ассоциативных полей с опорой на предполагаемые поколенческие и социокультурные различия, мы пришли к определенным выводам, которые отображают динамику восприятия «хорошего» и «плохого» в образе мира носителей языка в соответствии с ценностями своего времени и исторической обстановкой.

В области «стабильности» находится соотнесение стимулов с зонами субъекта (КТО), качества (КАКОЙ), объекта (ЧТО). Реагирование, направленное на актуализацию иных семантических областей, не столь регулярно (реакции зоны КАК, ДЕЛАТЬ и т.п. малочастотны, их численность от поколения к поколению не увеличивается).

Зона КТО отличается разной качественно-количественной динамикой на стимул хороший (значительно возрастает у поколения X и Y) и стимул плохой (подвержена незначительным количественным колебаниям). В зоне субъекта при реагировании на оба стимула самой актуальной реакцией оказывается *человек* (что не вызывает удивления,

не случайно эта реакция имеет первый ранг в ядре ЯС русских). Но на стимул хороший данная реакция не меняет своей частотности у разных поколений носителей русского языка, а на стимул плохой она значительно уменьшила частотность у поколения X, затем несколько увеличила у поколения Y.

Зона КАКОЙ связана с симилиативным и оппозитивным представлением обоих стимулов как частей обширного признакового фрагмента образа мира носителей русского языка. Наиболее объемна она у поколения бэби-бумеров в связи со стимулом хороший, особенно в части оценочной квалификации. У этих респондентов стимул плохой также вызывает высокочастотное реагирование из области качественной квалификации (но при реагировании на этот стимул области КТО и КАКОЙ незначительно отличаются по объему). Для поколений X и Y заметна следующая тенденция: уменьшение зоны КАКОЙ связано с увеличением зоны КТО и / или ЧТО.

Поставив одной из задач данного трендового исследования обоснование перспективности анализа лексикографических и экспериментальных данных на базе понятия *субъективная семантика*, применяемого в динамике, мы предполагали, что психолингвистический и социолингвистический подходы дадут возможность решить главную задачу, поставленную в данной работе: выявить общие и различные тенденции восприятия носителями русского языка стимулов хороший и плохой с точки зрения времени (поколенческие изменения) и определить место и функции собственно оценочных слов в языковой картине мира носителей русского языка – студентов трех поколений.

Было установлено, что оценочная лексика играет важную роль в языковой картине мира носителей языка, может влиять на формирование стереотипов, а также оказывать эмоциональное воздействие на человека, формируя линии оценочной квалификации субъективной семантики. Эти линии, как и субъективная семантика проанализированных лексем в целом, различаются у разных поколений носителей языка. Отмеченные тенденции доказывают важность изучения субъективной семантики оценочной лексики для понимания образа мира представителей поколений и социальных групп. Материал ассоциативных словарей и результаты ассоциативного эксперимента помогают воссоздать указанные фрагменты образа мира и проследить динамику субъективной семантики ценностных стимулов в трендовом режиме.

© Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., 2024

Литература

Базовые ценности носителей русской культуры. Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М., 2019. 550 с. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/values_russian_culture/index.html (дата обращения: 02.09.2023).

Бубнова И.А., Казаченко О.В. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества // Вопросы психолингвистики, 2018. № 2 (36). С. 27–41. DOI: 10.30982/2077-5911-2-28-41

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УПСС, 2002. 280 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: Ассоциативная парадигма: дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 287 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.-Харьков: Институт языкознания РАН и ИД ИНЖЭК, 2003. 450 с.

Гришук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании: Экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 248 с.

Гуз Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: дис. ... докт. филол. наук. Омск, 2005. 486 с.

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. 286 с.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Казакова Т.В., Басалаева Н.В., Захарова Т.В., Лукин Ю.Л., Луговская Т.В., Соколова Е.В., Семенова Н.И. Теоретический анализ исследований образа мира в отечественной психологии // Современные проблемы науки и образования, 2015. № 2–2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22768> (дата обращения: 02.09.2023).

Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дисс. докт. филол. наук, М., МГПИ, 2021. 399 с. URL: https://www.mgpi.ru/wp-content/uploads/2021/11/O.V.-Kazachenko_DD.pdf (дата обращения: 02.09.2023).

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Киселёва М.П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 166 с.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. II. С. 251–261.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2005. 511 с.

Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 486 с.

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания-ММА, 2021. 626 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. В 3-х частях, 6-ти книгах / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994, 1996, 1998. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 03.09.2023).

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2023): СИБАС 1 (2008–2013); СИБАС 2 (2014–2021). Авторы-составители: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adict.ru/nsu.ru> (дата обращения: 03.09.2023).

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6–11.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: онтология и гносеология // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: материалы X Международного конгресса международного общества по прикладной психолингвистике. М.: РУДН, ИЯ РАН, 2013. С. 35–38.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян. Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207–220.

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 152–170.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: психолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул: ИЯ РАН; Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 162–174.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента // Русское слово в русском мире. М.: МГЛУ Калуга: «Эйдос», 2004. С. 40–45.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Чернышова Е.Б. Понятие образа мира в теоретическом аппарате отечественной психолингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1(31): в 2-х ч. Ч. II. С. 206–209. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/ (дата обращения: 02.09.2023).

Чернышова Е.Б. Оценочные ассоциативные доминанты русского языкового сознания: динамический аспект // Вопросы психолингвистики 2018. № 2 (36). С. 127–144. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-36-2-127-144.

Сведения об авторах:

Бутакова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Контактная информация:

63043, Россия, г. Омск, Проспект Мира 55
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>
e-mail: larisabut@rambler.ru

Гуц Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Контактная информация:

63043, Россия, г. Омск, Проспект Мира 55
e-mail: egoots@yandex.ru

Для цитирования:

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 36–59. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59

UDC 811.161.1

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59

Research article

**THE IMAGE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM
OF EVALUATIVE VOCABULARY: A TREND STUDY**

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University,
Omsk, Russia

Elena N. Guts

Omsk Dostoevsky State University,
Omsk, Russia

Abstract

The article describes the subjective semantics of the associative fields of two axiological stimuli and their role in the formation of the image of the world of Russian speakers of different ages in the trend mode. The associative fields “good” and “bad” are explored in the aspect of sociocultural changes in the axiological part of the image of the world among students of four generations. The research material was taken from the corresponding associative fields of the Dictionary of Associative Norms of the Russian Language ed. by A.A. Leontyev 1977), Russian Associative Dictionary ed. by Yu.N. Karaulov (2002), Russian regional associative base (Siberia and the Far East) ed. by I.V. Shaposhnikova 2008–2023), as well as the results of free associative experiments conducted by the authors in 2023. The purpose of the article is to analyze the associative fields of the stimuli GOOD and BAD in the indicated dictionaries and in the free associative experiment (2023); to identify common and different perceptions of these stimuli by native speakers of the Russian language from the point of view of time (the line of generational changes); determine the features of the subjective semantics of the vocabulary under study taking into account stable / dynamic components and the specifics of reflecting changes in the image of the world (the general line of trend research in semantics). The use of a trend approach to establish zones of constant response and possible reasons for changes in the subjective semantics of stimuli made it possible to consider the “associative profile” of images of consciousness that is “specific” to a given culture and language (N.V. Ufimtseva), to identify the sociocultural differences of respondents that influenced their image of the world, connect with changes in life and the historical situation in Russia, the expansion of civil liberties and freedom of speech, the transformation of interests, value guidelines, attitudes towards work and education, the active introduction of foreign cultural values, the spread of borrowed and slang vocabulary. It was found that some of these differences can be traced in dynamics from generation to generation and show in which direction the axiological part of the image of the world is changing.

Keywords: image of the world, axiological fragment of the image of the world, evaluative lexemes, associative experiment, subjective semantics of the word, trend research

© Butakova L.O., Guts E.N., 2024

Bionotes:

Larisa O. Butakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Documentary Communications, Omsk Dostoevsky State University

Contact information:

55, Prospect Mira, Omsk, Russia, 644043

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

e-mail: larisabut@rambler.ru

Elena N. Guts – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Documentary Communications, Omsk Dostoevsky State University

Contact information:

55, Prospect Mira, Omsk, Russia, 644043

e-mail: egoots@yandex.ru

For citation:

Butakova L.O., Guts E.N. The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: a trend study // Journal of Psycholinguistics. 1 (59), 2024. P. 36–59. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-36-59 (In Russian)

**ВЛИЯНИЕ АВТОРА ИСКУССТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВСЕЛЕННОЙ
НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА КВАЗИРЕАЛИИ С ЕЕ ФУНКЦИЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВСЕЛЕННЫХ
ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА И Ф. ГЕРБЕРТА)**

Казакова София Владимировна

НИУ МИЭТ,

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Бубнова Ирина Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Аннотация

В связи с ростом популярности искусственных вселенных (киновселенных, литературных вселенных, игровых вселенных и пр.), которые часто становятся для представителей молодого поколения неким альтернативным «миром», оказывающим воздействие на их восприятие реальности, значительный интерес с точки зрения психолингвистики представляет анализ тех реалий, которые автор создает для своего искусственного мира – квазиреалий. Цель исследования – рассмотреть взаимосвязь между типом и функцией квазиреалий, а также влияние, которое на эту взаимосвязь оказывает автор произведения. В качестве материала исследования выступили две наиболее известные и масштабные литературные вселенные – роман-эпопея «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина и «Дюна» Ф. Герберта. В данном исследовании рассматриваются функции и типы квазиреалий обеих литературных вселенных, а также выявляется зависимость между концепцией литературной вселенной, ее автором и парой тип-функция квазиреалии.

Ключевые слова: квазиреалии, реалии, искусственные литературные вселенные, Толкин, Герберт

Введение

На сегодняшний день в современной культуре набирают популярность искусственные вселенные: литературные, игровые, кинувселенные и т.д. Эти вселенные, представляющие собой некий «альтернативный мир», симулирующий реальность, играют значительную роль в формировании восприятия окружающей действительности современных молодых людей, выступая в качестве одного из механизмов продвижения определенных норм и жизненных ценностей, что вызывает закономерный интерес науки, в частности, психолингвистики, к изучению данного феномена.

Ярким примером конструирования таких грандиозных искусственных литературных вселенных (далее – ИЛВ) являются романы Дж.Р.Р. Толкина, создавшего определенный поджанр фэнтези, особенностью которых является расширение рамок

одного произведения, включение в этот процесс сразу несколько своих книг, постоянное дополнение созданной изначально картины, что делает ее еще более масштабной.

Наполнение таких миров невозможно без создания квазиреалий, которые, выходя в литературных вселенных на первое место, объединяют в себе два вида замысла:

- 1) создать воображаемый мир;
- 2) смоделировать его по образцу мира мифологического и человеческого.

Именно данные квазиреалии, рассматриваемые в фэнтези и научной фантастике как их особая стилиобразующая черта, выступают **объектом** нашего исследования.

Следует отметить, что исследование квазиреалий ИЛВ позволяет как проанализировать влияние культурных и исторических контекстов на создание определенной литературной вселенной, так и выявить влияние личностных характеристик автора на их формирование. Иными словами, для того, чтобы дать характеристику каждой конкретной квазиреалии, необходимо ответить на два вопроса: что обозначает эта квазиреалия и для чего она введена автором в текст ИЛВ, то есть определить ее тип и функцию. Однако есть ли взаимосвязь между этими двумя характеристиками и влияет ли на эту связь автор ИЛВ – это тот вопрос, ответ на который является **целью** нашего исследования.

Предметом исследования являются типы создаваемых авторами искусственных вселенных и их функции.

Поскольку чаще всего искусственные литературные вселенные создаются в жанре фэнтези или научной фантастики, **материалом** для изучения послужили роман-эпопея Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» и роман Ф. Герберта «Дюна», которые являются наиболее детально проработанными и обширными литературными вселенными. Всего было проанализировано 639 примеров из этих произведений: 200 квазиреалий в романе-эпопее «Властелин колец» и 439 в романе «Дюна».

Полученные результаты и их анализ

Будучи частным случаем понятия *реалия*, **квазиреалии** представляют собой *слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, элементы культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические факты или процессы, а также национально-специфические особенности жизни и быта, не существующие в реальном мире* [Нелюбин 2009: 14]. В данной работе мы рассматриваем квазиреалии как частный случай реалий и в этой связи применяем к квазиреалиям те же классификации, что и к реалиям.

Существует множество классификаций как реалий в общем, так и квазиреалий; в частности, выбор классификации зависит от исследуемого материала.

Проведенный анализ общих классификаций реалий с учетом конкретных примеров позволил нам прийти к заключению, что классификация, предложенная В.С. Виноградовым, предоставляет наиболее точное представление о составе и характере квазиреалий, принадлежащих к изучаемому материалу. В соответствии с его определением, реалии, включая квазиреалии, могут быть разделены на следующие категории [Виноградов 2001]:

- бытовые;
- этнографические и мифологические;
- реалии природного мира;
- реалии государственного строя и общественной жизни;

- ономастические реалии;
- ассоциативные.

Помимо квазиреалий, выделенных В.С. Виноградовым, в ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина нами было выявлено также 25 квазиреалий, которые не попадают ни под одну из приведенных категорий. Они представляют собой *слова, отображающие магические артефакты или феномены, присущие исключительно данной ИЛВ*. Эта категория также включена в классификацию.

Авторы литературных вселенных используют квазиреалии для разных целей. Это определяет их **функцию**. Согласно С.И. Маниной, выделяются следующие функции реалий [Манина 2010: 95–98]:

- функция **маркера чужой культуры** (когда квазиреалия выступает репрезентатором чужой культуры);
- создание **темпорального колорита** (когда квазиреалия является отсылкой к определенному временному интервалу или эпохе);
- создание **национального (культурного) колорита** (когда квазиреалия показывает особенности культуры и быта определенного народа);
- **локализирующая** функция (когда квазиреалия позволяет читателю отнести произведение или некоторый его отрывок к определенной местности литературной или реальной вселенной и нигде больше не встречается);
- **дескриптивная** функция (когда квазиреалия описывает номинативное содержание, посредством которого высказывание называет или описывает некую референтную ситуацию);
- **эмотивная** функция (когда квазиреалия выражает эмоции говорящего к происходящему);
- **символьная** функция (когда в литературной вселенной культурный предмет превращается в культурный концепт);
- **ассоциативная** функция (когда автор создает аллюзию с помощью квазиреалии).

Все проанализированные квазиреалии были сгруппированы в соответствии с видом функций, которые они выполняют. В ходе исследования выяснилось, что квазиреалии могут одновременно выполнять **несколько функций**: так, наименования городов эльфов в ИЛВ Толкина выполняют две функции – локализирующую и функцию маркера чужой культуры. Такая же ситуация складывается относительно топонимов ИЛВ Герберта.

При подсчете частотности функций квазиреалий в таких случаях все функции были разделены на **первичные** и **вторичные**. Для статистической обработки у каждой квазиреалии была выделена только одна основная функция, которая, по нашему мнению, преобладает над другими функциями этой же квазиреалии.

Рассмотрим, какие функции чаще всего выполняли квазиреалии каждого типа в обоих рассматриваемых произведениях.

- **Этнографические и мифологические квазиреалии**

Наиболее распространенной функцией квазиреалий этого типа в ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина стала функция создания **национального (культурного) колорита** (41%). В число этих квазиреалий вошли наименования этнографических и социальных сообществ и их представителей, божеств, сказочных существ, легендарные места и пр. Все они создают культурный колорит, на фоне которого развиваются события произведения.

На втором месте по количеству обнаруженных примеров находится **символьная** функция (19%). В это число вошли квазиреалии, обозначающие названия ключевых групп и рас – они отражают ключевые характеристики и роль этих групп и рас в истории этой литературной вселенной.

Для того чтобы связать квазиреалии и объекты реального мира, преимущественно Великобритании, автор использовал **ассоциативную** функцию (13%). Чаще всего Толкин делал отсылки к названиям племен, пантеону богов и мифологических героев, а также других этнографических и мифологических явлений и объектов, типичных для англосаксонской культуры (например, *Shire-folk* – жители деревни под названием *Shire*, отсылка к традиционной административно-территориальной единице в Великобритании).

Следующие по количеству случаев использования – **дескриптивная** функция (9%) и функция **маркера чужой культуры** (9%). К последней относится квазиреалия *Dúnedain* – квазитопоним, обозначающий локацию в чуждой главному герою стране. На долю **эмотивной** функции пришлось 6% данного типа, а функция создания **темпорального колорита** была обнаружена всего в 3% случаев. В это число вошло следующее выражение: *the kings of Men that came over the Sea*. Оно показывает отнесенность события к определенной эпохе истории созданной Толкином ИЛВ.

В случае с ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина этнографические и мифологические квазиреалии являются аллюзиями на культурные особенности Европы в целом и Великобритании в частности [Колберт 2003]. Для автора, жившего в Великобритании и писавшего в первую очередь для англоязычного читателя, это служит дополнительным средством усиления связи между читателем и персонажами произведения.

Ф. Герберт стремился явно разграничить те два типа условий, в которых существует главный герой ИЛВ во время проживания на планете Каладан и на планете Арракис. На первой из них образ жизни населения был наиболее схож с образом жизни типичного европейца, тогда как обитатели планеты-дюны жили по абсолютно другим принципам, которые намного ближе восточной культуре [Никитина 2019].

В ИЛВ «Дюны» этнографические и мифологические квазиреалии наиболее часто выполняют **ассоциативную** функцию (48%). Для их создания автор использовал лексемы из арабского языка, например, как в случае с квазиреалией *би-ла кайфа* – это выражение, которое в переводе с арабского значит «более сего объяснить не нужно», в ИЛВ является аналогом слова «аминь». Таким образом, проводится параллель между культурой фрименов и культурой народов Востока и их религиями [Simkins 2016].

При этом те квазиреалии, которые не относятся к восточной культуре, выполняют функцию **маркера чужой культуры** (36%).

Поскольку автор старается разграничить культуру народа главного героя и культуру фрименов, некоторые квазиреалии одновременно выполняют как ассоциативную функцию, так и функцию маркера чужой культуры.

Помимо вышеупомянутых, встречаются также этнографические и мифологические квазиреалии, относящиеся к **дескриптивной** (14%) и **символьной** (2%) функции.

· **Названия компаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов**

В ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина были обнаружены всего две квазиреалии данного типа, они выполняют дескриптивную функцию. Одна из этих квазиреалий – название трактира «*Ivy bush*» («*Ветвь плюща*»), которое описывает одну из отличительных черт повседневной жизни хоббитов: второе значение названия – «*укромное место*». Это

аспект дополняет образ жизни описываемого народа и помогает автору более глубоко раскрыть характеры описываемых персонажей.

Квазиреалий такого типа в ИЛВ Ф. Герберта не встретилось.

· Квазиреалии государственного строя и общественной жизни

Преимущественное число квазиреалий данного типа в ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина служило для создания **темпорального колорита** (50%). В тексте изучаемого материала такие квазиреалии в основном обозначают названия исторических эпох, существовавших в данной ИЛВ: «*the Elder Days*», «*the Third Age of Middle-earth*», «*Wandering Days*». Некоторые квазиреалии, как, например, «*North Kingdom*», вызывают ассоциации с реальным миром, что обусловлено **ассоциативной функцией** (25%). По одной квазиреалии выполняли **дескриптивную** и **эмотивную** функцию.

В ИЛВ Ф. Герберта квазиреалии государственного строя и общественной жизни в основном обозначают должности, военные звания, политические термины и социальные группы. Часть из этих названий созданы без опоры на реалии, они просто описывают различные явления или события, как, например, квазиреалия «*имперская обработка*», обозначающая особую процедуру, проводимую относительно приближенных к правителю людей. **Дескриптивных** квазиреалий оказалось 56%.

Ассоциативную функцию выполняют 23% обнаруженных в ИЛВ «Дюны» примеров. В основном они являются аллюзиями на реалии Востока (например, *ассасин*, *баша*, *фидайны* и пр.) [Todd 2009]. Квазиреалии, выполняющие данную функцию, обозначали военные звания или социальные статусы.

Еще 15% квазиреалий государственного строя и общественной жизни выполняют функцию **маркера чужой культуры**, а 6% показывают **культурный колорит** местного населения – **фременов**.

· Бытовые квазиреалии

Это один из типов квазиреалий, где превалирующая функция совпала в обеих ИЛВ. Суть бытовых квазиреалий заключается в описании предметов обихода и явлений, связанных с ними. Поскольку в основном это фоновая информация, большинство бытовых квазиреалий в ИЛВ Толкина выполняют **дескриптивную** функцию (53%). Второй по количеству примеров стала **ассоциативная** функция – 27%. Сюда относятся квазиреалии-аллюзии на *бытовые реалии культуры Великобритании*: способ написания адреса и названия улиц и пр. («*Number 3 Bagshot Row just below Bag End*»), принятые в обществе Британии обращения («*gentlehobbit*») и прочие. Данные квазиреалии позволяют «приблизить» быт описываемого мира к миру читателя.

13% бытовых квазиреалий создают **национальный (культурный) колорит**. Они показывают особенности быта одного народа и его отличие от быта других культур. По 7% квазиреалий пришлось на **символьную** функцию и функцию **маркера чужой культуры**.

Так же, как и в ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина, у Ф. Герберта бытовые квазиреалии чаще всего выполняют **дескриптивную функцию** (48% примеров). В «Дюне» такими квазиреалиями стали названия приборов (*гравикресло*, *гравипловок* и пр.), единицы исчисления (*стандартный день*) и названия материалов (*фильтрстекло*).

Как и в случае с квазиреалиями других типов, на втором и третьем месте по количеству находятся квазиреалии, выполняющие функции **маркера чужой культуры** (23%) и **создания культурного колорита** (21%).

Ассоциативные квазиреалии встречались в 7% случаев, также было выявлено два случая **эмотивных** квазиреалий (1%).

· **Топонимы**

Среди топонимов литературной вселенной Толкина самой распространенной стала функция **создания национального (культурного) колорита** (45%). Это соотношение обусловлено тем, что большинство географических названий в романе выступают в качестве контекста для описания событий, происходящих в определенных местах вымышленной вселенной. Для указания принадлежности этих мест к тем или иным народам автор прибегает к использованию искусственно созданных им языков, которые помогают отличать культурную принадлежность квазиреалий даже на слух.

Символьная функция (24%) чаще всего применяется для именованья ключевых локаций, где разворачиваются основные события сюжета. Это обусловлено тем, что в данном литературном произведении автор вводит значительное количество «говорящих» названий с целью демонстрации отношения персонажей к конкретным местам или особенностям культуры народов, населяющих эти местности [Беренкова 2017].

Например, такова квазиреалия «*Mirkwood*» – *Лихолесье*», «*Сумеречье*», «*Черная пуща*», «*Чернолесье*». Благодаря таким названиям читателю понятно, что данная местность является опасной для героев романа. Поскольку Дж.Р.Р. Толкин основывал свой литературный мир на материале, полученном во время изучения литературы раннего Средневековья, он создавал топонимы в соответствии с принципами, характерными для этой эпохи [Беренкова 2007]. Тогда названия местностей и имена людей нередко обладали символическим или описательным значением.

Ассоциативная функция встретила всего в 15% примеров. Такие квазиреалии-топонимы позволяли автору создавать отсылки к географическому ландшафту Великобритании, притом это были аллюзии на реально существующие топонимы. Так, квазиреалия *Middle-earth*, обозначающая основное место действия персонажей в ИЛВ Толкина, является калькой с древнеанглийского слова *middangeard*, которое в германской мифологии обозначало реальный, обитаемый людьми мир, находящийся между небесами и преисподней.

Функция **маркера чужой культуры** (14%) помогает разграничивать описываемые квазиреалии по принадлежности к тому или иному народу искусственно созданной литературной вселенной.

Например, топонимы, называющие земли эльфов (*Beleriand*) или гномов (*Khazad-dûm*), значительно различаются между собой. Такой подход к звучанию квазиреалий помогает читателю определить место действия и связать его с конкретным народом. Ввиду большого количества топонимов в произведении применение такой функции способствует улучшению понимания текста и легкости в ориентации в локациях литературного мира.

По 1% пришлось на квазиреалии **дескриптивной** функции и функции **создания темпорального колорита**.

Топонимы в ИЛВ Ф. Герберта встречаются намного реже, чем в ИЛВ Дж.Р.Р. Толкина (всего 8% квазиреалий против 37% в ИЛВ «Властелина колец»). Чаще всего они обозначают названия других планет (*Гайеди Прайм*, *Икс*, *Кайтайн* и пр.), реже – названия земель или городов (*Карфаг*, *Арракин*, *Арсунта*).

58% топонимов в этой литературной вселенной выполняют функцию **маркера чужой культуры**. Чаще всего это связано с тем, что названия планет должны показывать, что культуры на планетах значительно различаются – так для англоязычного читателя воспринимается, к примеру, квазиреалия-топоним *Салуза Секундус*. Квазиреалии, выполняющие функцию **создания культурного колорита** (27%), представляют собой в основном названия земель, в которых проживают фремены – коренное население планеты Арракис (например, квазитопоним *аль-Уруба*).

Квазиреалии, выполняющие **дескриптивную** и **ассоциативную** функции, составляют всего 9% и 6% соответственно.

· Антропонимы

В ИЛВ Толкина антропонимы в основном выполняют **символьную** функцию (54%). Поскольку большая часть антропонимов представляет собой имена главных персонажей, автор часто применял «говорящие» имена, которые отражают их характер (как, к примеру, имя главного героя *Mr. Bilbo Baggins* или персонажа *Bandobras Took-Bullroarer*) [Охштат 1973].

Далее следует функция **создания национального (культурного) колорита** (22%). Аналогично топонимам, указанные антропонимы фонетически ассоциируются с конкретными народами, проживающими в данной литературной вселенной, и способствуют ориентации читателя в произведении [Миньяр-Белоручева 2007]. Так, читатель может легко определить, что персонажи по имени *Наугладур* или *Дурин* относятся к расе гномов, тогда как имена *Галадриэль* или *Идриль* принадлежат эльфам.

На третьем месте по частоте использования – **ассоциативная** функция (12%). Она относится к антропонимам-аллюзиям на имена королей Великобритании или на типичные британские имена в целом (*Master Hamfast, Buckland*) [Tolkien 1980].

На 5% меньше было выявлено квазиреалий, которые выполняют функцию **создания темпорального колорита** (7%). К ним относятся антропонимы *Aragorn son of Arathorn, the Firstborn*.

Дескриптивная функция и функция маркера чужой культуры встретились по одному разу.

В противовес литературной вселенной Толкина, в ИЛВ Ф. Герберта наибольшее количество квазиреалий-антропонимов выполняют **дескриптивную** функцию (34%). Эти антропонимы похожи на стандартные имена людей западной культуры – *Гарни Холлик, Пол Атрейдес, Леди Джессика*. Ими названы персонажи планет, наиболее похожих на Землю по природным и социальным характеристикам. По сюжету события в романе «Дюна» происходят через несколько тысячелетий от момента написания произведения Ф. Гербертом [DiTommaso 1992].

Далее по количеству использований следуют квазиреалии, выполняющие **ассоциативную** функцию (29%) и функцию **маркера чужой культуры** (28%). Такие имена собственные либо проводят ассоциацию с именами ключевых религиозных персоналий христианства и мусульманства (например, *Усул* – от арабск. «основа», «доктрина» – аллюзия на пророка), либо созданы для разграничения с помощью имен людей с разных планет (*Умман Куду, Доктор Веллингтон Юэ, Ванна Маркус*).

Меньше всего встречалось антропонимов, выполняющих функцию **создания культурного колорита** (8%) и **эмотивную** функцию (1%). Последняя выражена в квазиреалии *«Тварь Раббан»* – это имя наиболее жестокого правителя.

· **Ассоциативные квазиреалии**

Ассоциативная квазиреалия была обнаружена лишь в **одном** случае. Она выполняла **дескриптивную** функцию и выражена приветствием одного из основных персонажей – дети кричат волшебнику: «*G for Grand!*». Подобные игры слов, основанные на алфавите, характерны для английского языка, но не находят отклика у русскоязычного читателя. Тем не менее, такие локальные выражения являются частью культурного контекста и помогают лучше понять менталитет описываемого народа. В данном случае имеется в виду связь между жителями Средиземья и жителями Великобритании.

Квазиреалий данного типа в ИЛВ Ф. Герберта не было обнаружено.

· **Магические квазиреалии**

Этот тип квазиреалий выделен нами отдельно для искусственно созданной литературной вселенной Дж.Р.Р. Толкина. Поскольку в описываемом мире существует магия, есть и квазиреалии, отражающие этот факт. Большинство из них наделены **дескриптивной** функцией (48%) – это связано с тем, что волшебство для этого мира – часть быта, соответственно, магические предметы сосуществуют с обычными предметами обихода (как, например, квазиреалии *the Seen* и *the Unseen* – обозначения для видимого и невидимого мира).

На втором месте – **символьная** функция (32%), т.к. названия таких артефактов могут быть «говорящими», или квазиреалия может являться определенным символом в произведении, делая отсылку к древнегерманской мифологии (например, *Rings of Power* – это отсылка к германо-скандинавскому мифе о кольце Андваранаут, а также «Песни о Нибелунгах»).

По 8% квазиреалий были отнесены к функциям создания **национального (культурного)** и **темпорального колорита**, как, к примеру, *Andúril* или *Narsil*, созданные писателем на основе сконструированных им искусственных языков. Всего 4% пришлось на долю функции маркера чужой культуры.

· **Квазиреалии природного мира**

В литературной вселенной, представленной Дж.Р.Р. Толкином, все природные явления, описываемые квазиреалиями, являются мифическими или магическими: концепция ИЛВ предполагает, что мир этой вселенной наполнен магией и заселен мифическими существами. К примеру, в этой ИЛВ встречаются «говорящие деревья», обладающие способностью к самостоятельному перемещению.

В ИЛВ Ф. Герберта квазиреалии природного мира описывают природу квазиреального мира, нашей реальности, но по прошествии многих тысячелетий. Эти квазиреалии создавались не как элементы мифологии, а как описания флоры и фауны планеты.

Рассмотрим, какие функции выполняют природные квазиреалии в ИЛВ Ф. Герберта.

Большинство квазиреалий природного мира выполняют **дескриптивную** функцию (57%). Таким образом Ф. Герберт показывает, как функционируют те или иные природные явления: «*барабанные пески*» – пески, при ходьбе по которым раздается гулкое эхо от шагов, похожее на звук барабана, «*песчаный ветер*» – аналог песчаной бури, более сильный по скорости ветра и по высоте бури, «*предсепцевый пузырь*» – пузырь из газа, образующийся перед выбросом «специи» в песках пустыни и пр.

Почти равное количество примеров обнаружено для квазиреалий, выполняющих функции **создания культурного колорита** и функции **маркера чужой культуры** – 20% и 23% соответственно. Они показывают чуждую главному герою и читателю флору и фауну (например, «*сайелаго*» – вид животного, «*сагуаро*» – вид растения).

Выводы

Согласно проведенному исследованию, зависимость между **функцией** квазиреалии и ее **типом** существует, однако не во всех ИЛВ эта связь одинакова.

По итогам анализа примеров можно отметить, что четкая взаимосвязь между типом и функцией квазиреалий прослеживалась в основном в **бытовых квазиреалиях** – они выполняли в большинстве случаев **дескриптивную функцию** (суть этого типа квазиреалий – описание бытовых явлений и предметов), а также в **квазиреалиях государственного строя и общественной жизни** – они выполняли в основном **ассоциативную функцию** (авторы строили государства и общества внутри ИЛВ по образу и подобию существующих в реальности стран и народов). В остальных случаях в каждом типе квазиреалии была превалирующая функция, но из-за различия самой сути ИЛВ двух авторов эти функции не совпадают.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что в большей степени пару тип-функция квазиреалии определяет сама ИЛВ. Так, в произведениях Дж.Р.Р. Толкина чаще всего встречаются аллюзии на реалии и мифологию Великобритании: это влечет за собой превалирование ассоциативной функции и функции создания национального (культурного) колорита. В ИЛВ Ф. Герберта фокус сделан на различии между культурой главного героя и народа, культура которого очень похожа на восточные традиции, однако они чужды как автору литературной вселенной, так и главному герою произведения: в связи с этим превалирует функция маркера чужой культуры, а также ассоциативная функция.

Именно от того, как автор ИЛВ расставляет акценты и приоритеты в своем произведении, зависит, какие функции будут выполнять различные типы квазиреалий внутри данной ИЛВ.

© Казакова С.В., Бубнова И.А., 2024

Литература

Беренкова В.М. Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец»: в английском и русском текстах: дис. ... канд. фил. наук. М.; Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2007.

Беренкова В.М. Топонимы в трилогии «Властелин колец» как объекты художественного перевода // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-v-trilogii-vlastelin-kolets-kak-objekty-hudozhestvennogo-perevoda> (дата обращения: 11.11.2023).

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Колберт Д. Волшебные миры «Властелина Колец»: Удивительные мифы, легенды и факты, которые легли в основу этого шедевра. [Текст] / Д. Колберт. М.: РОСМЭН, 2003. 192 с.

Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010 г.

Миньяр-Белоручева А.П., Плотникова А.В. Имена собственные в романе Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennyye-v-romane-dzh-r-tolkiena-vlastelin-kolets> (дата обращения: 12.12.2023).

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2009. 320 с.

Никитина Т.Г. Интертекст произведений Ф. Герберта // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 6067. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-60-67

Охитат Р.И. О собственном имени как слове, не маркированном на лексико-семантическом уровне языка / Р. И. Охитат // Труды Самаркандск. ун-та. Самарканд, 1973. Вып. 248. С. 374–377.

DiTommaso L. History and Historical Effect in Frank Herbert's "Dune" // Science Fiction Studies. 1992. Vol. 19. No 3. P. 311–325.

Simkins J. The science fiction mythmakers: religion, science and philosophy in Wells, Clarke, Dick and Herbert. Jefferson: McFarland, 2016. 200 p.

Todd T. Meanings and authorships in Dune // Film-Philosophy. 2009. No. 1. P. 68–89.

Tolkien J.R.R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A. Tolkien Compass, Ballantine Books, 1980. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/guide/guide.shtml> (дата обращения: 30.01.2024).

Сведения об авторах:

Казакова София Владимировна – аспирант Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ; преподаватель Института лингвистического и педагогического образования НИУ МИЭТ

Контактная информация:

124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, дом 1

ORCID: 0009-0001-2176-7791

e-mail: sofia.rogatova@gmail.com

Бубнова Ирина Александровна – профессор Департамента филологии ИГН ГАОУ ВО МГПУ, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Казакова С.В., Бубнова И.А. Влияние автора искусственной литературной вселенной на взаимосвязь типа квазиреалии с ее функцией (на материале литературных вселенных Дж.Р.Р. Толкина и Ф. Герберта) // Вопросы психолингвистики №1 (59) 2024, С. 60–71, doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71

UDC 811.11-112

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71

Research article

**THE INFLUENCE OF THE AUTHOR OF AN ARTIFICIAL LITERARY
UNIVERSE ON THE CORRELATION BETWEEN THE TYPE OF QUASI-REALIA
WITH ITS FUNCTION: BASED ON THE MATERIAL OF THE LITERARY
UNIVERSES OF J.R.R. TOLKIEN AND F. HERBERT**

Sofia V. Kazakova

National research university of electronic technology,
Moscow City University,
Moscow, Russia

Irina A. Bubnova

Moscow City University,
Moscow, Russia

Abstract

This paper examines the correlation between the type and function of quasi-realía, as well as the influence that the author of the work has on this correlation. Due to the growing popularity of artificial universes (film universes, literary universes, game universes, etc.) in recent years, the question has arisen of analyzing the realities that the author creates for his artificial world, i.e., quasi-realía. Two of the most famous and large-scale literary universes were used as research material – the epic novel “The Lord of the Rings” by J.R.R. Tolkien and “Dune” by F. Herbert. This study examines the functions and types of quasi-realía of both literary universes and also conducts a factor analysis for the existence of a relationship between the concept of the literary universe, its author, and the type-function pair of quasi-realía.

Keywords: quasi-realía, realía, artificial literary universes, Tolkien, Herbert

© Kazakova S.V., Bubnova I.A., 2024

Bionotes:

Sofia V. Kazakova – Post-graduate student of Moscow City University; lecturer at the Institute of Linguistic and Pedagogical Education of the National Research University of Electronic Technology

Contact information:

1 Shokin Square, Zelenograd, Moscow, 124498

ORCID: 0009-0001-2176-7791

email: sofia.rogatova@gmail.com

Irina A. Bubnova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Ph. D. in Psychology, Professor of Philology Department, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow

Contact information:

2-nd Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

For citation:

Kazakova S.V., Bubnova I.A. The influence of the author of an artificial literary universe on the correlation between the type of quasi-realia with its function: based on the material of the literary universities of J.R.R. Tolkien and F. Herbert // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 60–71. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71 (In Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-72-83

Научная статья

ПРОТЕКЦИОНИСТСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В МИНИСТЕРСТВЕ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кирилина Алла Викторовна

Московская международная академия,
Москва, Россия

Аннотация

В статье обоснована роль протекционистской языковой политики в свете современных проблем языковой безопасности и необходимости сохранения и поддержания русского языка как государственного; предлагается обобщать положительный опыт. Как составная часть этой задачи рассматривается комплекс мер по поддержанию и использованию русского языка, функционирующего в качестве государственного, применяемых в центральном аппарате Министерства обороны Российской Федерации.

Исследованы Регламент Минобороны России, Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации, методические пособия по оформлению документации, а также рассмотрены повседневная практика представления документов и организационная составляющая армейской языковой политики.

Установлено наличие (и соблюдение) жестких требований по нормативному использованию русского языка, функционированию и системности терминологии, практике оформления документации и жанровым особенностям текстов, трудностям русского языка, устойчивым словосочетаниям и сокращениям. Формулировки правил лаконичны и сопровождаются развернутыми примерами их использования.

Особо отмечена чрезвычайно значимая в условиях глобализационного сокращения языков резистентность транслингвальности (а по сути – пиджинизации). Противодействие пиджинизации выражено запретом на иноязычные вкрапления в тексты, ничтожно малым количеством заимствований и практически исключительным использованием кириллицы. Сделан вывод о положительной роли военного ведомства в сохранении и поддержании русского языка, функционирующего в статусе государственного.

Ключевые слова: русский язык как государственный, языковая политика, военное ведомство, социальный институт, глобализация, сокращение языка, языковая безопасность, транслингвальность, пиджинизация

Введение

В условиях открытой конфронтации США и крупнейших стран западного сообщества против России и широкого использования гибридных форм войны возникает необходимость в научном осмыслении всех составляющих защиты нашего национального суверенитета и национальной идентичности.

Выделяя существенные признаки войны, современные авторы отмечают смещение приоритета воздействия на противника из области физического пространства в ментальное и духовное, «неуклонный рост мер воздействия невоенного характера,

противоборство в информационной сфере в целях разрушения общечеловеческих, государственных, идеологических и культурных основ противника» [Гаврилов, Грудинин, Майбуров 2023: 32].

Историческая память, культурное наследие и ценности народов становятся одним из важных объектов информационно-психологической войны. Независимость страны проявляется в свободе отстаивать интерпретации, основанные на отечественных ценностях: только суверенное государство может создавать свой национальный дискурс на государственном языке и поддерживать тем самым языковую безопасность, сохраняя и развивая национальный язык.

Вопросы языковой безопасности соответствуют духу Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и принципам «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», введенной в действие указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года.

Описание проблемы

В условиях противостояния с проглобалистскими лимитрофами и политическими конструктами, созданными, подобно Украине, с целью ослабить и разрушить Россию, в условиях беспрецедентной русофобии деятельность по сохранению отечественного культурного наследия становится мощным и необходимым инструментом борьбы за сохранение государственной независимости, исторической памяти, и значительнейшее место в этом процессе занимает сохранение и развитие русского языка как государственного.

Как отмечают исследователи, «применительно к России и странам постсоветского пространства в течение многих лет одной из приоритетных целей модели «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере является русский язык» [Бартош... [http](#)].

Исходя из целей статьи, под языковой безопасностью, трактуемой сегодня по-разному [см. Халеева 2006; Гриценко 2011; Леонтович 2021 и др.], мы, вслед за Б.А. Жигалевым и С.В. Устинкиным [2015: 34], понимаем «осуществление системы мероприятий в рамках государственной языковой политики, направленной на защиту языка от всякого рода опасных воздействий». Это воздействие во многом определяется глобализационными трендами.

Несмотря на неоднозначное отношение ученых к проблеме глобализации и наличие целого ряда дискуссионных вопросов, существует ряд общих черт, который в связи с появлением мировых наднациональных процессов обнаруживают языки крупных, экономически и культурно развитых стран Европы, обладающие высоким коммуникативным рангом, разработанным письменным стандартом, богатым литературным наследием, большим количеством говорящих и сфер функционирования – русский, немецкий, французский, итальянский и др. К числу таких общих черт их развития относятся и следующие [подробнее см. Кирилина 2013, 2015]:

1. Широчайшая экспансия глобального английского (и его воздействие на языки стран, где он распространяется; формирование оппозиции английский язык/неанглийские языки (non-english languages)).

2. «Сокращение языка» (*submergence*) – вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда сфер коммуникации, свойственных ранее лишь языкам развитых обществ – науки и международной коммуникации; усиление сходства

в развитии языковых контактов языков с низким и высоким коммуникативным статусом.

3. Мощные миграционные процессы; диаспоризация; этнизация социальных групп; интенсификация языковых контактов; изменение социальной базы носителей ведущих языков; рост их негомогенности; гибридизация, образование *пиджинизированных языков* (что сегодня в рамках апологетики происходящих процессов называется положительно коннотированным термином *транслингвальность*, который затушевывает социальную неравноправность такого языкового контакта).

В новых геополитических условиях риску подвергается культурный и языковой суверенитет крупных государств, мировых и мощных региональных языков; происходит наступление на культуры и независимость этносов через ослабление позиций языка и его политизацию. Яркий пример – украинские события в начале 2014 г.: одним из первых актов сместивших президента сил стала отмена закона «О государственной языковой политике».

Проблема языковой политики, таким образом, выходит на передний план и приобретает геополитическую значимость [Гриценко, Кирилина 2014]. В последнем убеждает явная идеологическая ангажированность ряда зарубежных концепций, рассматривающих вытеснение русского языка английским в ряде бывших республик (Латвия, Литва, и под.) как проявление «демократизации и свободы» [Braselman 2004]. Анализ же состояния языковой политики на всех ее традиционно выделяемых уровнях (концепция, идеологическое обеспечение; юридическая регламентация; административное регулирование отношений языков; кодификация языковых норм; финансово-экономическое обеспечение) и во всех сферах (образование, органы государственной власти, судопроизводство, делопроизводство, массовая коммуникация, документы о статусе частного лица; сфера услуг, визуальная информация в жизненной среде) [Мечковская, 2004: 243–235] нуждается в существенном обновлении с учетом глобализации и смены технологий.

На теоретическом уровне также наблюдается мощная тенденция к апологии англоязычной экспансии [подробнее см. Сковородников 1992, 2016, 2017, 2019, 2020; Кирилина 2013, 2015, 2020]. Повторим в этой связи, что «методологически важным при разработке ... языковой политики является осознание того, что, вторгаясь в иноязычное пространство, глобальный английский не только изменяет лексический состав и коммуникативные нормы принимающего языка [Cameron, 2002], но и, задавая идеологический вектор концептуализации процессов и явлений, становится катализатором культурных и ценностных трансформаций» [Гриценко, Кирилина 2014: 100].

Статус русского языка как государственного закреплен в статье 68 Конституции Российской Федерации 1993 года. 1 июня 2005 г. в Российской Федерации принят 53-ФЗ – Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации».

Статьи 1–3 53-ФЗ гласят:

Статья 1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

(В ред. Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ.)

2. Использование русского языка обязательно в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». Органы государственной власти Российской Федерации обеспечивают защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации, а также право граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

(Часть 2 в ред. Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ.)

3. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в сферах, определенных частью 1 статьи 3 настоящего Федерального закона, должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка. Для целей настоящего Федерального закона под нормами современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Порядок формирования и утверждения списка таких словарей, справочников и грамматик, требования к составлению и периодичности издания нормативных словарей, предусмотренных настоящей частью, утверждаются Правительством Российской Федерации на основании предложений Правительственной комиссии по русскому языку. Положение о Правительственной комиссии по русскому языку, ее состав и порядок принятия ею решений утверждаются Правительством Российской Федерации.

(Часть 3 в ред. Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ.)

Нормативная база закона №53-ФЗ дополняется Федеральным законом «О рекламе» от 13.03.2006 №38-ФЗ, рядом ГОСТов и иных нормативных правовых актов.

Важную роль в поддержании качества и статуса русского языка как государственного играют крупные социальные институты. Однако англоязычная экспансия, отмечаемая всеми социолингвистами, препятствует реализации нормативной базы. Это выражается в появлении внутри страны потоков, в которых интенсивно реализуются глобалистские тенденции, в частности, широкая и идущая в разрез с законодательством экспансия английского языка.

Приведем лишь несколько примеров. Так, «установлено, что английский может использоваться как основной язык процесса трудоустройства, а также в качестве фрагментов и вкраплений в русскоязычном тексте для демонстрации профессионализма, позиционирования компании, привлечения нужных и отсеивания неподходящих кандидатов. Даже при сужении сферы использования английского языка как основного инструмента рекрутинга растет его присутствие в «усеченной» форме. Это связано с появлением цифрового сегмента рынка труда (социальные сети, интернет-каналы), где опосредуемые английским языком технологии становятся основным средством взаимодействия с клиентом. В результате растет гибридизация профессиональных коммуникативных практик, усиливается транслингвальный характер общения. Наряду с этим отмечено растущее влияние англоязычных образцов на коммуникативные конвенции дискурса трудоустройства (тенденция к неформальному персонализированному стилю коммуникации). Проведенный анализ демонстрирует растущую роль английского языка как агента глобальных профессиональных дискурсов и посредника между человеком и технологиями»

[Гриценко, Аликина... http]. Во многих случаях столь широкая экспансия английского обусловлена слишком снисходительным к ней отношением. И далее: *«глобальный английский может использоваться как основной язык процесса трудоустройства или присутствовать в текстах в форме отдельных вкраплений, гибридов и калек. Влияние глобальных норм прослеживается и в текстах, составленных на русском языке: речь идет, в частности, о структурно-композиционном оформлении объявлений о вакансиях и неформальном персонализированном стиле обращения к соискателям в коммуникативных ситуациях, где до недавнего времени был принят официальный стиль»* [Аликина 2022: 126].

В указанных и других работах акцент сделан в основном на роли английского языка в России или на проблемных вопросах развития русского языка, в связи с чем широко освещаются недостатки и отклонения от требуемого направления его развития.

Однако в свете названных проблем и задач должен быть проведен «инвентаризационный» анализ на всех названных выше уровнях и разработаны отвечающие современным вызовам времени теоретико-методологические основы для совершенствования языковой политики России, в том числе необходимо обобщить и положительный опыт поддержания и сохранения русского языка как государственного.

Как составная часть этой масштабной задачи в статье рассматривается применяемый в центральном аппарате Министерства обороны Российской Федерации комплекс мер по поддержанию и использованию русского языка, функционирующего в качестве государственного, то есть протекционистская языковая политика военного ведомства. Центральный аппарат Минобороны России – субъект мощного документооборота, расходящегося по нижестоящим армейским структурам и являющегося для них образцом.

Материал, метод и результаты исследования

Исследованы Регламент МО РФ [2015], Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (утверждена Приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170), методические пособия по оформлению документации:

Памятка личному составу Материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации по правилам оформления и порядку исполнения служебных документов [2020], Памятка по правилам оформления и порядку исполнения служебных документов в органах военного управления материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации [2022], а также повседневная практика представления документов (штабная культура).

Рассмотрена также организационная составляющая армейской языковой политики.

Методы исследования – наблюдение, анализ, сравнение и систематизация.

Результаты исследования

Нормативные и справочные издания, указанные в §3 статьи 1 53-ФЗ, имеются в наличии в подразделениях. Для облегчения работы структуры центрального аппарата обеспечены также памятками и методическими рекомендациями, которые выстроены менее академично и позволяют быстро найти необходимый образец применения правила. Весь вспомогательный языковой материал организован и подобран с акцентом на прикладной характер работы составителя документа, поэтому правила изложены редуцированно, а количество примеров велико. Примеры содержат типичные или

трудные случаи использования русского языка и ориентированы на тематику его использования в армейских структурах. Формулировки правил, таким образом, лаконичны и сопровождаются развернутыми примерами их использования. Цель полного охвата нормы не ставится. Предпочтение отдано наиболее частотным случаям использования норм русского литературного языка в военной профессии.

Памятки также содержат список нормативных правовых актов, регламентирующих работу с отдельными видами документов и их (языковое) оформление, выписку из Инструкции по делопроизводству, содержащую требования к служебным документам, в соответствии с которыми документы должны:

*соответствовать законодательным и иным нормативным актам,
содержать достоверную и аргументированную информацию,
содержать информацию об источниках покрытия и целесообразности
предполагаемых затрат,*

*не дублировать требования, включенные в ранее изданные документы,
соответствовать ранее установленной форме или образцу,*

*быть написаны официально-деловым стилем с соблюдением требований
русской орфографии и пунктуации, излагаться логически последовательно, кратко
и ясно, обеспечивать точное и однозначное восприятие изложенной информации.*

*Применяемые термины должны соответствовать терминологии, принятой
в международных договорах, законодательстве Российской Федерации, а также
в Вооруженных Силах и употребляться в одном и том же значении во всем тексте
служебного документа [Памятка... 2022: 4].*

Установлено наличие (и соблюдение) жестких требований по нормативному использованию русского языка, функционированию и системности терминологии, практике оформления документации и жанровым особенностям текстов, трудностям русского языка, устойчивым словосочетаниям и сокращениям.

Так, раздел XVI Памятки [2022] включает информацию о структуре документа, сокращениях (Рис. 1), наиболее частотных вводных и квазивводных словах (Рис. 2), ссылках, употреблении союзов, однородных членах предложения, скобках, кавычках, нумерации страниц, наименованиях органов и организаций, адресах, технических требованиях к оформлению отдельных видов документов.

*Все сокращения слов и наименований должны быть общепринятыми, а
их написание – унифицировано. Например,*

Сокращенно пишутся:	Не сокращаются следующие слова:
<i>Бульвар – бул.</i>	<i>Аллея</i>
<i>Город – г.</i>	<i>Аул</i>
<i>Деревня – дер.</i>	<i>Владение</i>
<i>Дом – д. (д.3а)</i>	<i>Здание</i>
<i>Исполняющий обязанности – и.о.</i>	<i>Квартал</i>
<i>Квартира – кв.</i>	<i>Колхоз</i>
<i>Комната – комн.</i>	<i>Коттедж</i>
<i>Корпус – корп.</i>	<i>Край</i>
<i>Микрорайон – мкр-н</i>	<i>Сельсовет</i>
	<i>Этаж</i>

Рис. 1. Пример сокращений

<i>Запятыми выделяются:</i>	<i>Запятыми не выделяются:</i>
<p><i>Без всякого сомнения</i> <i>Безусловно</i> <i>Бесспорно</i> <i>Во всяком случае</i> <i>Значит</i> <i>К досаде</i> <i>Казалось бы и др. (всего 204 слова)</i></p>	<p><i>Авось</i> <i>Буквально</i> <i>В конечном счете</i> <i>В общем</i> <i>В основном</i> <i>Даже</i> <i>Едва ли</i> <i>К тому же</i> <i>Как бы</i> <i>Как раз</i> <i>На основании</i> <i>По опыту</i> <i>Поистине</i> <i>Приблизительно и др. (всего 60 слов)</i></p>

[Памятка 2022: 45].

Рис. 2. Наиболее частотные вводные и квазивводные слова

Методические пособия и памятки содержат нормативную базу, подробно обобщают и систематизируют на примерах типичные и высокочастотные моменты использования русского языка – сокращения, обозначения мер и весов, основные правила пунктуации и под.

Собраны и подаются в готовом виде наиболее частотные случаи использования вводных слов, мер и весов, слитного и раздельного написания частицы *не*, наречий и предлогов, строчных и заглавных букв, приводятся краткие указания по редакторской правке и стилистическому оформлению текстов, в которых особое внимание уделяется четкости и однозначности формулировок.

В памятках также приводятся перечни полных наименований федеральных органов исполнительной власти, центральных органов военного управления, рекомендации по использованию однородных членов предложения, ссылок, скобок, кавычек и употреблению союзов.

Подробно освещены образцы оформления документов, их жанровые особенности и средства повышения логичности и ясности текста, например:

Ряд однородных членов предложения в актах Правительства Российской Федерации необходимо закрывать путем присоединения последнего члена предложения (среди однородных) к предыдущему при помощи союза *и (или, а также)*. Два однородных члена предложения также соединяются союзом:

Например:

... включая расходы на доставку, установку, пусконаладку, настройку, дополнительные гарантийные обязательства, реконструкцию и капитальный ремонт...

[Памятка 2022: 78].

Организационная составляющая состоит в том, что в штатах секретариатов и отдельных структур МО РФ имеются должности корректоров и редакторов, без визы которых документы не представляются Министру обороны Российской Федерации и его заместителям.

Согласно статьям 55, 68 70, 71, 80, 81 Регламента Минобороны России, ответственность за правильность оформления документов, в том числе и нормативное использование русского языка, персонифицирована указанием на исполнителя документа и практикой визирования документа вышестоящим руководителем. Наряду с корректорами представляемые документы просматривают начальники секретариатов:

«перед сдачей на рассмотрение Управлением делами Министерства обороны, секретариатами заместителей Министра обороны Российской Федерации проводится проверка разработанных документов на соответствие правилам подготовки и оформления проектов отдельных документов, представляемых на рассмотрение соответствующим руководящим должностным лицам Министерства обороны (...документационная экспертиза)» (Статья 83 Регламента).

В отношении нарушителей также могут применяться материальные санкции – снижение премии – и меры морального воздействия.

Во всех структурных подразделениях центрального аппарата Минобороны создана и поддерживается моральная атмосфера нетерпимости к ненормативному или небрежному использованию русского языка.

Наконец, принимается ряд мер, направленных на поддержание унифицированности и стабильности терминологических сокращений. Значение этого в условиях экспансии английского языка трудно переоценить. В других профессиональных сферах отмечается влекущий за собой медицинские и даже юридические коллизии рост терминологической гетерогенности, а проще – разнобоя. Так, в медицинской сфере исследования показали, что «уже внутри одной профессии зачастую специалисты начинают плохо понимать друг друга. Общее коммуникативное пространство рассыпается, возникают барьеры в общении» [Строев, Балахонов, Чурилов... <http>].

Напротив, армейская терминология ядра военного дела поддерживается на системном уровне. Так, например, Военная академия Генерального штаба ежегодно требует от центральных органов военного управления представить список сокращений и обобщает его в специальном документе, который затем рассылается в структурные подразделения военного ведомства. В Департаменте по увековечению памяти погибших при защите Отечества готовится терминологический словарь военно-мемориального дела. Терминология включается в регламенты различных центральных органов военного управления.

В заключение отметим практику заблаговременного представления документов и практику репетиций важных мероприятий с участием высших руководителей МО РФ, на которых зачитываются и заслушиваются редактором тексты выступлений с контролем ударения и других орфоэпических норм.

Таким образом, неукоснительное соблюдение норм и поддержание престижа русского языка является важной частью штабной культуры и составляющей профессионализма военного специалиста.

Одним из важных результатов названной деятельности стала чрезвычайно значимая в условиях сокращения языков резистентность транслингвальности – процессу, ранее называвшемуся пиджинизацией языка, – неравноправным языковым контактом. По сути, мы видим пример успешного противодействия экспансии английского. Это противодействие выражено поддержанием литературной нормы, запретом на иноязычные вкрапления в тексты, ничтожно малым количеством заимствований и практически исключительным использованием кириллицы.

Выводы

Названные процессы и меры в целом способствуют сохранению нормированности языка и его функционированию в качестве государственного, противостоят глобалистским тенденциям и обеспечивают языковую безопасность. Кроме того, нормативно оформленные тексты служат примером для работы с языком в частях и подразделениях. Безусловно, языковые погрешности встречаются в исследованных текстах. Но меры по их предотвращению и исправлению носят системный характер. Таким образом, армия как один из важнейших социальных институтов, опора общества, и в сфере языкового законодательства стоит на страже языковой безопасности, сохраняя нормированный русский язык и препятствуя его сокращению.

©Кирилина А.В., 2024

Литература

Аликина А.В. Глобальное и локальное в российском дискурсе трудоустройства. Дисс. ... канд. филол. н. по специальности 10.02.19 – Теория языка. М. МГИМО, 2022. 158 с.

Бартош А.А. Русский язык в прицеле мировой гибридной войны // Независимая газета, 21 декабря 2023 г. URL: nvo.ng.ru/concepts/2-23-12-21_4. Дата обращения: 10.01.2024.

Гаврилов А.Д., Грудинин И.В., Майбуров Д.Г. Некоторые прикладные аспекты современной трансформации категории «война» // Вестник Академии военных наук, 2022. № 1(78). С. 55–61.

Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть, 2011. № 11. С. 9–11.

Гриценко Е.С., Аликина А.В. Английский язык в российском дискурсе трудоустройства. URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/24405>. Дата обращения: 15 ноября 2023 г.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Языковая политика в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 95–101.

Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития // Власть, 2015. № 10. С. 32–41.

Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (утверждена Приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170).

Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2013. №2 (18). С. 36–45.

Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. №2. С. 77–89.

Кирилина А.В. Постсоветский дискурс гуманитарного знания: глобализационные трансформации // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.] под ред. проф. А.П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 43–56.

Леонтович О.А. Языковая безопасность и безопасность языка в медиаурбанистическом дискурсе: взаимопроникновение понятий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 137–149.

Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура, М.: Языки славянской культуры. М. 2004. 560 с.

Памятка по правилам оформления и порядку исполнения служебных документов в органах военного управления материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. М. 2022. 136 с.

Полякова Н.Л. Глобальная социология. Основные исследовательские стратегии. Часть I. Универсалистский подход // Вестник Московского университета Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 154–174.

Регламент Министерства обороны Российской Федерации (утвержден приказом Министра обороны от 10 января 2015 г., с изменениями от 22 января 2016 г., 26 апреля 2018 г., 30 июля 2020 г.).

Сковородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 5–6. С.104–111.

Сковородников А.П. Экология русского языка: монография. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2016. 388 с.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. (ред.) Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2017. 474 с.

Сковородников А.П. (ред.) Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. II. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2019. 488 с.

Сковородников А.П. (ред.) Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.] под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 345 с.

Строев Ю., Балахонов А., Чурилов Л. Русская медицинская терминология как часть государственного языка России // Газета «Суть времени» №570. 28 января 2024. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/7bbfdf1f> (дата обращения: 29 января 2024 г.)

Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: government.ru/docs/all/135405; дата обращения: 28 июля 2023 г.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: government.ru/docs/all/144022; дата обращения: 28 июля 2023 г.

Халеева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник российской академии наук. 2006, № 76 (2). С. 104–111.

Braselman P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalisation // Globalisation and the Future of German / A.Gardt, B. Hüppauf (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99–118.

Cameron D. Globalization and the teaching of “communication skills” // Globalization and the Language Teaching / D. Block, D. Cameron (eds.) Routledge, 2002. P. 67–82.

Сведения об авторе:

Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, проректор по научной работе Московской международной академии.

Контактная информация:

129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

ORCID: 0000-0002-3818-6387

e-mail: alkira@list.ru

Для цитирования:

Кирилина А.В. Протекционистская языковая политика в Министерстве обороны Российской Федерации // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 72–83. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-72-83

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-72-83

Research article

**PROTECTIONIST LANGUAGE POLICY IN THE MINISTRY OF DEFENSE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Alla V. Kirilina

Moscow International Academy,

Moscow, Russia

Abstract

The article substantiates the role of protectionist language policy in the light of modern problems of language safety and the need to preserve and maintain the Russian language as the state language. It is proposed to generalize positive experiences. As a part of this task, a set of measures is considered to maintain and use the Russian language, functioning as the state language, applied in the central apparatus of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

The Regulations of the Russian Ministry of Defense, the Instructions for office work in the Armed Forces of the Russian Federation, methodological manuals for the preparation of documentation have been studied, and the everyday practice of submitting documents and the organizational component of the army language policy have been examined. The presence (and the compliance) of strict requirements for the normative use of the Russian language, the functioning and consistency and stability of terminology, the practice of documentation and genre features of texts, the difficulties of the Russian language, stable phrases and abbreviations has been established. The wording of the rules is concise and accompanied by detailed examples of their use.

Particularly noted is the extremely significant resistance to translanguaging (and, in fact, to pidginization) in the context of the globalization reduction of languages. Opposition to pidginization is expressed by a ban on foreign language inclusions in texts, a negligible number of borrowings, and the almost exclusive use of the Cyrillic alphabet. A conclusion is drawn about the positive role of the Ministry of Defense in preserving and maintaining the Russian language, functioning as a state language.

Keywords: Russian as the official language, language policy, defense ministry, social institute, globalization, language submergence, language safety, translanguaging, pidginization

©Kirilina A.V., 2024

Bionotes:

Alla V. Kirilina – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-rector for scientific research, Moscow International Academy.

Contact information:

15A Bld. 1, Novomoskovskaya St., Moscow, 129075

ORCID: 0000-0003-2395-1688

e-mail: alkira@list.ru

For citation:

Kirilina A.V. Protectionist language policy in the Ministry of defense of the Russian Federation // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 72–83. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-72-83 (In Russian)

ПРЕСУППОЗИЦИИ И АКСИОСФЕРА ЛИДЕРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

Козлова Елена Анатольевна

Вятский государственный агротехнологический университет,
Киров, Россия

Аннотация

Исследуется проблема современного лидерства как социально значимого феномена, решаемая с помощью анализа дискурсивных практик лидерской личности, обусловленная, во-первых, важностью поиска эффективных речевых инструментов персуазивности дискурса и, во-вторых, необходимостью установления ценностных параметров. Материалом для анализа послужили записи психологических тренингов, посвященных формированию у клиентов лидерских качеств, а также публичных выступлений руководителей бизнеса, известных творческих деятелей, политиков и спортсменов. В русле когнитивно-дискурсивной методологии, опирающейся на признание аксиологических параметров дискурса, детерминирующих когницию, авторами были выявлены ценностные компоненты, репрезентируемые как «секреты успеха» и являющиеся частью пресуппозиционального фонда личности лидера. Было установлено, что качества дискурсивной личности лидера относятся к высшему уровню когнитивной структуры личности, – ее «направленности», включающей ценностные ориентации субъекта, сосредоточенного на своих целях, планах и мечте, трудолюбивого, открытого всему новому и считающего своей миссией созидательную деятельность во благо общества. Аксиомами сознания являются установки, позволяющие в стрессовые периоды или периоды неопределенности поддерживать веру в успех волевыми усилиями, а также необходимый уровень оптимизма. Таким образом, можно говорить о возможности выделения особого типа речементальной деятельности лидера – языковой личности, которая активизирует свой когнитивно-языковой потенциал в той или иной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: дискурсивная личность лидера, аксиосфера лидера, пресуппозиции лидера

Введение

Одним из наиболее востребованных сегодня объектов при изучении языковой личности и ее речевого поведения выступает медиадискурс как наиболее влиятельный для адресата речи контент, являющийся в эпоху информационного общества источником мнений, концепций и взглядов. Нельзя не признать, что для многих людей влиятельная медиаличность («герой» видеоконтента на различных хостингах) стала «воспитателем», «законодателем мод», «диктатором мнений», «приказчиком душ», лучшим другом, советчиком, наставником, заслуживающим доверия идеалом, особенно в случае статусного характера адресанта речи. Речь идет о деловой, творческой или иной элите и ее представителях, достигших высоких

результатов в своей профессиональной деятельности. В языковом плане каждого из этих спикеров можно признать дискурсивной лидерской личностью, черты которой в целом проявляются как в личностно-, так и в статусно-ориентированном дискурсе. При известном разделении медиасреды на «белую» и «серую» зоны, что отмечается и учитывается в медиалингвистике, например, см. [Добросклонская 2020], первая, на наш взгляд, заслуживает внимания как источник исследования статусной языковой личности, не имеющей тех или иных ограничений в дискурсивных координатах. Все это говорит об **актуальности** исследования языковой личности лидера. Легче это сделать в массмедийном пространстве, тем более что сегодня на канале YouTube представители деловой российской элиты и бизнес-тренеры охотно делятся своими достижениями.

Целью данной работы является анализ дискурсивных практик лидерской личности. **Задачи** – поиск ценностных и пресуппозиционных параметров лидерства как социально значимого феномена, а также эффективных речевых инструментов персуазивности массмедийного дискурса. **Теоретическую базу** составили работы лингвистов, социологов, психологов. **Материалом** послужили записи обучающих выступлений на тему успешного лидерства.

Индивидуальные и групповые ценности

В эпоху взрывного роста информационных потоков и скорости обмена информацией наиболее технологически оптимизированной «субстанцией», в которой происходит усвоение базовых ценностей массовым адресатом, является массмедийная коммуникация. В свою очередь, массмедиа как источник получения информации о мнениях наиболее авторитетных людей, в том числе в сфере тех или иных профессиональных интересов, – не только территория «производства смыслов», в которой, как отмечается, например, Г.Н. Трофимовой, язык является единственным инструментом для их производства [Трофимова 2021]. Сегодня это среда формирования и тех личностных смыслов, которые, становясь предметом деятельности субъекта, существуют в его концептуальной системе в виде интериоризованных ценностей. Вместе с тем каждое из ценностных смысловых образований в субъективном пространстве языковой личности как продуцента и получателя информации может входить в категорию ценностей групповых. В широком смысле слова лидерство определяется как отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений. Условно выделяя ценности лидерства в качестве групповых, можно считать их компонентом ментальной модели управленческого мышления. Так, к структуре деятельности (добавим, в том числе речемыслительной) «управляющего», по данным исследователей, направлены когнитивные составляющие фрейма «управление» как одной из когнитивных моделей [Дрыгина 2007].

Даже если определенные ценности рассматриваются как универсальные, то, будучи аксиологическими понятиями, они принадлежат субъективному восприятию и сознанию и существуют в индивидуальных смыслах. Признавая данную трактовку, считаем, что анализ продуктов ценностного осмысления объектов внеязыковой действительности авторами речи может помочь выявить соотношение индивидуального и всеобщего, универсального; группового и индивидуального. Кроме того, нужно учесть, что дискурсивное поведение языковой личности во многом определяют статусные роли. В том случае, если дискурсивная личность занимает

лидирующую позицию в каком-либо роде занятий (политике, бизнесе, культуре, науке, спорте, рекламе, PR), ее коммуникативные продукты представляют большой интерес как поле выявления определенных ресурсов языка. В прагматическом плане можно предварительно квалифицировать их как проявления «мягкой силы» по аналогии с политикой, но не в политическом, а в лингвистическом смысле. Эти факты позволяют говорить об особом когнитивном устройстве дискурсивной личности лидера.

Управленческое мышление

Под управленческим мышлением в социальной психологии и философии понимается противопоставляемый стереотипному инерционному мышлению феномен, характеризующийся творческим потенциалом и повышенной активностью. В матрице управленческого мышления, по данным научных работ, определенное место отводится ценностной картине мира и определяемым ею качествам и умениям руководителей. Феномен управленческого мышления предполагает некий ментальный базис, составляющий основу компетенций. Так, О.В. Евтихов, исследуя социально-когнитивную модель лидерского потенциала, включает в нее лидерскую «Я-концепцию» (субъективное представление лидера о себе, субъективное представление лидера об окружающем социальном мире и своем месте в этом мире), а также самооценку, интерпретируя ее как ценность, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, в частности [Евтихов 2020]. Кроме специфики управленческого мышления и компетентностных характеристик в исследованиях лидерства четко обозначено его понимание данного феномена как позитивной практики по выявлению и артикуляции ценностей. В социально-философской трактовке ценности – это цели, к которым стремятся люди, и средства, которыми они их достигают [Кудряшова, Ананченко 2004]. Понятие «ответственное руководство» тесно связано с деонтологией: в этом случае ключевыми ценностями являются «доверие», «надежность» и другие моральные категории современного лидерства, действующего в «направлении добра и процветания» [Kempster, Brigid 2016]. Немаловажно учесть, что дискурсивная языковая личность несет ответственность не только за адекватное владение языком и за взаимодействие с другими людьми, но и за самореализацию в создаваемых ею дискурсах [Плотникова 2008]. Как справедливо отмечается в одной из многочисленных работ, посвященных данному объекту, «дискурсивная личность как субъект социальных интеракций является носителем реального жизненного и языкового опыта» [Михайлова, Михайлова 2021: 25]. Одним из предлагаемых параметров описания дискурсивной личности являются те ее коммуникативные компетенции, которые реализуются через речевые приемы, языковые средства воздействия и средства аксиологической модальности [Там же]. Дискурсивная личность лидера в аксиологическом аспекте уже исследовалась нами в работе [Колесникова, Козлова 2023] на основе анализа 500 записей публичных выступлений в медиапространстве представителей элиты делового мира, ярких и заметных в жизни социума представителей творческой и предпринимательской деятельности, включая топ-менеджеров в сфере управления образованием, торговлей и т.д. (речь идет о проекте «Диалоги на равных», в котором лидеры, выступая перед молодежью, анализировали секреты своего успеха). Были установлены ядерные (доминирующие) и периферийные концептуальные признаки лидерства и элементы аксиосферы: сосредоточенность на своей мечте, цели,

планах; трудолюбие, гибкость, адаптивность, открытость новому, желание делать благо для общества как миссия, ставка на профессионализм, образование, любовь к своему делу, самосовершенствование, саморазвитие, самопознание, честность, любовь и уважение к наставникам, готовность идти на риск, желание принять вызов, смелость, позитивное отношение к негативному опыту, любовь к Родине, патриотизм, эмоциональный интеллект, поддержка родных и близких, креативность, вера в свой успех, создание комфортной среды, окружения, умение дипломатично коммуницировать с людьми, любовь к людям, умение собрать сильную команду и руководить ею, умение быть счастливым сейчас, «в моменте». Также установлено, что основными способами репрезентации когнитивных признаков ценностей лидерства при реализации дискурсивных практик в массмедийном дискурсе являются жанры «совет» и «предложение», а также косвенный способ «наставления молодежи» в нарративной форме. На наш взгляд, эти способы можно считать персуазивными речевыми инструментами, нацеленными на изменение поведения адресата для достижения профессионального успеха. Если рассматривать в отношении лидера уровневую модель организации языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 2010], то языковая личность лидера, по нашему мнению, наиболее сфокусирована на последнем – мотивационном уровне. В. Карасик подчеркивает, что каждый дискурсивный формат сориентирован на выражение определенного типа ценностей, а развитие ценностей заключается в постепенном увеличении моральных норм в коллективном и индивидуальном сознании – «список аксиогенных ситуаций очень велик и в определенном плане соотносим со списком сюжетов мировой литературы» [Карасик 2019: 8].

Таким образом, можно говорить о возможности выделения особого типа речевентальной деятельности лидера – языковой личности, которая активизирует свой когнитивно-языковой потенциал в той или иной коммуникативной ситуации.

Аксиосфера и пресуппозиции: дискуссия

Учитывая феномен управленческого мышления, мы выдвигаем гипотезу, что поведение управленца (лидера) и его коммуникация должны опираться на прогнозирование реакций адресата и особые пресуппозитивные знания. В психолингвистике пресуппозиции рассматривались как «класс имплицитных семантических компонентов предложения» [Залевская 1999: 287]. По мнению исследователей, за счет имплицитности пресуппозиции часто используются сегодня для манипуляции в СМИ, для введения неявного скрытого знания (например, во фразе «*Почему бюджетные сокращения убивают экономический рост?*» заложена пресуппозиция: бюджетные сокращения убивают экономический рост [Ларионова 2013]), хотя так было не всегда. В работе [Арутюнова 1973] утверждается, что термин *пресуппозиция* пришел в лингвистику из философской логики и сначала служил инструментом семантического и синтаксического анализа. В процессе освоения термина произошло расширение понятия, были выявлены различные виды пресуппозиций. В.З. Демьянков в результате анализа зарубежных исследований выделяет логические, семантические и прагматические пресуппозиции. Логические выражают отношения между двумя связанными предложениями (предпосланным и предпосылающим), семантические содержат отношения между предложением и его пропозицией, а прагматические реализуют условия реализации замысла говорящего

[Демьянков 1981]. В другой работе того же автора, посвященной манипулированию в СМИ, приводится пример создания фейка, или «когнитивного осадка», через формулировку заголовка с ложной пресуппозицией «*Максакова рассказала о романе с Саакашвили*», хотя в самом тексте статьи какие-либо отношения между упоминаемыми лицами категорически отвергаются [Демьянков 2017]. Существует точка зрения, что в рамках манипулятивных технологий чаще всего используются семантические пресуппозиции [Иссерс 2009; Соскина, Сур 2013; Клушина 2014 и др.]. Представляют интерес еще несколько описаний пресуппозиций в работах В.В. Красных («зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [Красных 1998: 2001]); К.Я. Сигала (информативно-смысловой компонент, который существует в общем фонде культурных знаний коммуникантов [Сигал 2005]). Похожее определение дает Ю.К. Пирогова, говоря о прагматических пресуппозициях как виде имплицитной информации, касающейся знаний и убеждений адресанта и адресата [Пирогова 2001]. В целях исследования пресуппозиционального фонда дискурсивной личности лидера нам хотелось бы отметить, что пресуппозициональный фонд лидера составляют логические пресуппозиции как результат логического следствия и прагматические пресуппозиции как знания когнитивно-дискурсивного материала, позволяющие более точно воспринимать фонд культурных знаний коммуникантов и находить необходимые «пересечения» с коммуникантами в когнитивном пространстве. Особенно ярко это проявляется в публичном – массмедийном дискурсе: для лидера мнений важно не только образование определенной когнитивной структуры, но и персуазивное воздействие, которое становится возможным в рамках наиболее корректной формы речевого воздействия – убеждения.

Лидеры дорожат своей деловой репутацией, поэтому логическую перспективу речи стараются выносить на первый план. Однако в дискурсе прагматические установки могут изменяться, так как результативный способ активизировать механизмы восприятия у аудитории слушателей – это выбор вербальных средств актуализации ценностных суждений согласно общему пресуппозициональному фонду адресатов. Подчеркнем, продолжая нашу линию рассуждений о пресуппозициях, что «побуждающее влияние» ценностей дискурсивного лидера может быть обусловлено персуазивностью языковых констант рассматриваемой речевой ситуации; отметим также, что на лингвоаксиологическом уровне они пока еще не получили достаточно полной разработки. Персуазивную (убеждающую) направленность могут усиливать публичные (в данном случае, медийные) условия, в которых осуществляется воздействие речи деловой языковой личности на ценностную картину мира адресата. На основе анализа данных исследования медиадискурса можно утверждать, что в пресуппозиционном фонде и аксиосфере дискурсивной личности лидера на первый план выходят личностно-групповые аксиомы и ценности высшего порядка.

В монографии Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2011] исследуется мотивация, используемая в речевом воздействии XX века. Исследователь анализирует классификацию мотивации П.М. Якобсона, предложенную в 1969 году, в которой перечислено 8 ценностей, ради которых человек может начать активно действовать. На первом месте стоят нравственные и политические идеалы, на втором – желание получить впечатления, на третьем – влечение к труду, семейной жизни и творчеству, а остальные места занимают такие мотиваторы, как сильная потребность в деньгах или еще в чем-то; сильные чувства; моральные убеждения; привычки и подражания.

Следует отметить, что в настоящее время аксиологические идеалы имеют другую иерархию, что говорит о том, что лидерство как активная деятельность мотивируется по-разному в разные исторические периоды. Анализируя и другие точки зрения ученых, Н.В. Уфимцева приходит к выводу, что деятельность разрабатывается самим индивидом, но какая-то часть передается ему в готовом виде другими людьми и социальными институтами. Исследователь заявляет также, что управляющие сигналы в социуме должны быть выражены в речевой форме, и, чтобы осуществить управление активностью другого индивида с максимальным эффектом, коммуникатор должен, во-первых, четко представлять себе потребностно-мотивационную сферу объекта своего воздействия и, во-вторых, владеть системой социальных предписаний, существующих в данном обществе, т.е. строить свое речевое воздействие согласно правилам, нормам, ролевым предписаниям, обычаям, присущим данному социуму [Там же]. Отметим, что информация о потребностно-мотивационной сфере объекта воздействия и системе социальных предписаний, существующих в данном обществе, как раз составляет предмет прагматических пресуппозиций. Прагматические пресуппозиции содержат знания о дискурсе (тип социального события, цель социального события, социальные роли, хронотоп, тексты, когнитивная сфера адресатов), а также знания о ценностях, позволяющие поддерживать необходимый уровень деятельностного «горения», креативности, организованности и т.д. По нашему мнению, аксиосфера лидера является частью пресуппозитивного фонда, и воспитание лидерских качеств возможно путем смены пресуппозициональных знаний. Не имея природной склонности к лидерству, а значит и к успеху в коллективе, человек с помощью определенных техник способен изменить свою когнитивную ценностную базу, «перепрограммировать» ее. В этом отношении интересно мнение С.И. Капицы, который к набору навыков, составляющих понятие лидерства, относит личностные навыки (уметь руководить собой), навыки отношений (взаимодействие с людьми), навыки стратегического мышления (продумать шаги для достижения цели) и навыки системного мышления (определить проблемные зоны себя и коллектива) и подчеркивает, что особенно важным является личностный навык – способность управлять своим состоянием [Капица 2009].

Заключение

Итак, пресуппозиции лидера являются частью его аксиосферы и характеризуются обращением к высокой планке духовно-волевой сферы. Аксиомами сознания являются установки, позволяющие в стрессовые периоды или периоды неопределенности поддерживать веру в успех волевыми усилиями, а также поддерживать необходимый уровень оптимизма. Качества дискурсивной личности лидера относятся к высшему уровню когнитивной структуры личности – ее «направленности», включающей ценностные ориентации субъекта, сосредоточенного на своих целях, планах и мечте, трудолюбивого, открытого всему новому и считающего своей миссией созидательную деятельность во благо общества. Таким образом, можно говорить о возможности выделения особого типа речементальной деятельности лидера – языковой личности, которая активизирует свой когнитивно-языковой потенциал в той или иной коммуникативной ситуации.

© Козлова Е.А., 2024

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 1973. Т. 32. № 1. С. 84–89.
- Демьянков В.З.* Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М.: ИНИОН АН СССР. 1981. С. 115–132.
- Демьянков В.З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, Добросвет, 2020. 178 с.
- Дрыгина Ю.А.* Репрезентация фрейма «управление» глагольными лексемами современного английского языка: автореф. дис. ... канд филол. н.: 10.02.04. Белгород, 2007. 22 с.
- Евтихов О.В.* Развитие лидерского потенциала руководителя. М.: ИНФРА-М, 2014. 198 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1999. 382 с.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие: Учеб. М.: Флинта: Наука. 2009. 224 с.
- Капица С.И.* Социологический анализ процесса формирования основных навыков и инструментов эффективного лидерства, основанного на видении будущего // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 103. 2009. С. 190–198.
- Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Клушина Н.И.* Пресуппозиция. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание: Сибирский федеральный университет. 2014. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата обращения 21.12.2017).
- Колесникова О.И., Козлова Е.А.* Дискурсивная личность лидера и ее ценности в эмоциогенной репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 1. С. 162–172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Моногр. М.: Диалог-МГУ. 1998. 352 с.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций М.: ИТДГК «Гнозис». 2001. 270 с.
- Кудряшова Е.В., Ананченко М.Ю.* Ценности лидерства и лидерство ценностей: лидерство как предмет социально-философского анализа. Архангельск: Поморский университет, 2004. 296 с.
- Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н.* Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.
- Пирогова Ю.К.* ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей. М.: Азбуковник, 2001. С. 209–227.

Плотникова С.Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижегородского государственного университета. 2008. № 4. С. 37–42.

Сигал К.Я. Прескрипторные правила линеаризации в когниции и тексте (на материале русских сочинительных конструкций) // Вопр. когн. лингв. 2005. № 3. С. 11–25.

Соскина С.Н., Сур Е.И. Пресуппозиция как языковой индикатор манипулятивных высказываний // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2. С. 80–86.

Трофимова Г.Н. К проблеме формирования смыслов современными медиа [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2021. № 1. <http://www.mediascope.ru/2694> (дата обращения: 20.03.2022).

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Kempster S., Carroll B. Introduction: responsible leadership – realism and romanticism. In Steve Kempster & Carroll Brigid (eds.), *Responsible Leadership. Realism and romanticism*. London and New York: Routledge. 2016. pp. 3-11. https://www.up.ac.za/media/shared/213/Articles%20on%20RL/Batch%205/kempster_carroll_2016.zp161759.pdf (accessed 15 March 2022).

Сведения об авторе:

Козлова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Вятского ГАТУ

Контактная информация:

610004 Россия, Киров, просп. Октябрьский, д.133

ORCID: 0000-0002-6316-9597

e-mail: elena.kozlova1234@mail.ru

Для цитирования:

Козлова Е.А. Пресуппозиции и аксиосфера лидера в профессиональном и медийном дискурсах // Вопросы психолингвистики №1 (59) 2024, С. 84–93, doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-84-93

UDC 811.111

LBC 81.83

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-84-93

Research article

**PRESUPPOSITIONS AND THE LEADER'S AXIOSPHERE IN PROFESSIONAL
AND MEDIA DISCOURSES**

Elena A. Kozlova

Vyatka State Agricultural Academy,
Kirov, Russia

Abstract

The article examines the problem of modern leadership as a socially significant phenomenon caused, firstly, by the importance of finding effective speech tools for the persistence of discourse and, secondly, by the need to establish value parameters. This problem is solved by analyzing the discursive practices of the leadership personality. The material for the analysis was the recordings of psychological trainings devoted to the formation of leadership qualities in clients, as well as public speeches by business leaders, famous creative figures, politicians, and athletes. In line with the cognitive-discursive methodology based on the recognition of axiological parameters of discourse that determine cognition, the authors identified value components that are represented as “secrets of success” and as part of the presuppositional foundation of the leader’s personality. It was found that the qualities of the discursive personality of the leader belong to the highest level of the cognitive structure of the personality – its “orientation”, which includes the value orientations of the subjects focused on their goals, plans and dreams, hardworking, open to everything new and considering creative activity for the benefit of society as their mission. The axioms of consciousness are attitudes that allow to maintain faith in success with strong-willed efforts during stressful periods or periods of uncertainty, as well as to maintain the necessary level of optimism. Thus, we can talk about the possibility of identifying a special type of verbal activity of the leader – a linguistic personality that activates its cognitive-linguistic potential in a particular communicative situation.

Keywords: discursive personality of the leader, axiosphere of the leader, presuppositions of the leader

©Kozlova E.A., 2024

Bionotes:

Elena A. Kozlova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Vyatka State Agricultural Academy

Contact information:

133, Oktyabrsky Av., Kirov, Russia, 610004

ORCID: 0000-0002-6316-9597

e-mail: elena.kozlova1234@mail.ru

For citation:

Kozlova E.A. Presuppositions and the leader's axiosphere in professional and media discourses // *Journal of Psycholinguistics*. 1(59), 2024. P. 84–93. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-84-93 (In Russian)

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА СТУДЕНТАМИ
МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ**

Торубарова Ирина Ивановна

Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко,
Воронеж, Россия

Аннотация

В статье освещается психолингвистический эксперимент, нацеленный на описание процесса восприятия, понимания и порождения научного текста студентами медицинского университета. Научный текст и научная коммуникация являются инструментами внутриинституционального общения. Текст рассматривается в своем динамическом состоянии, которое коррелирует с когнитивными процессами понимания и восприятия. Текст, являясь мощным инструментом речевого воздействия, позволяет оценить и проанализировать различные виды когнитивной деятельности его реципиентов. Актуальность работы вызвана тем, что, как считают многие исследователи, современные способы общения в средствах массовой коммуникации и социальных сетях приводят к снижению когнитивных и аналитических способностей молодых людей. Все вышесказанное определило цель и задачи исследования: описать процесс научной коммуникации, участниками которого являются студенты медицинского университета; рассмотреть особенности восприятия научного текста данной категорией читателей, уточнить модели понимания научного текста. Эксперимент состоял из двух этапов: 1) этап сбора материала с использованием метода контртекстов А.И. Новикова и 2) этап обработки и анализа полученного материала. Для оценки текста-стимула по условиям эксперимента был проведен его количественный и качественный анализ с применением анализатора текстов RuLingva по критериям «индекс читабельности», «информативность», «абстрактность», «сложность». Анализ полученного материала позволил описать стратегии и модели, используемые студентами-медиками в процессе научной коммуникации. Наиболее частотными стратегиями были реакции содержательного плана, соответствующие этапам когнитивной деятельности – «констатация», «перефразирование», «генерализация», «ассоциация»; были описаны новые реакции – «рекомендация», «осуждение», «эмпатия», «индифферентность», проявление которых, возможно, обусловлено наличием у испытуемых медицинского образования.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, восприятие, понимание, научный текст, научная коммуникация

Введение

Научный текст рассматривают как форму коммуникации в рамках научного дискурса, который представляет собой вид институционального дискурса [Бейлинсон

2009]. Через научный текст реализуется перформативная функция институционального дискурса и осуществляется внутренний институциональный модус общения. В нашем исследовании мы наблюдали третий этап научной коммуникации – коммуникацию внутри заинтересованных групп, когда «идеи выходят за пределы научных кругов и предлагаются разным социальным группам, которые обязаны интересоваться наукой (представителям бизнеса, государства, учащимся)» [Медведева 2014: 281].

Как известно, любому тексту присущи статическое и динамическое состояния, и именно последнее ассоциируется с когнитивными процессами – процессами «порождения, восприятия и понимания текста» [Новиков 2003].

Существуют разные методы лингвистического анализа текста, однако все они не дают представления о том, как воспринимает данный текст читатель. По мнению многих исследователей, текст является мощным инструментом речевого воздействия, оценки и развития различных видов когнитивной деятельности его реципиентов. Как известно, для того чтобы понять текст, необходимо передать его смысл «в любой другой форме», пересказать «своими словами». Для изучения продуктивной, аналитической и синтетической деятельности сознания используется метод «контртекста», или «встречного текста», разработанный А.И. Новиковым и дополненный его последователями [Кирсанова 2014; Новиков 2003, 2007; Пешкова 2020; Российская психолингвистика 2021]. Данный метод позволяет проследить реакцию реципиента на прочитанный текстовый фрагмент, получить представление об особенностях процесса восприятия и понимания прочитанной информации.

Актуальность работы обусловлена современной ситуацией, в которой общение молодых людей осуществляется в значительной степени через средства массовой коммуникации и социальные сети, что, по мнению многих исследователей, негативно влияет на их когнитивные функции и аналитические способности. Мы разделяем точку зрения ученых, полагающих, что современному поколению молодых людей свойственно особое мышление, которое характеризуется «разорванностью», «фрагментарностью» восприятия информации [Гилязова 2019; Гиренок 2016; Кожокарь 2016; Пудалов 2011]. Такое сознание формируется, в том числе, благодаря широкому распространению в средствах массовой информации и коммуникации текстов, созданных на основе клиповых текстовых структур. По мнению многих исследователей, такая тенденция опасна тем, что приводит к снижению когнитивных и аналитических способностей молодых людей, негативно влияет на развитие сопереживания, сочувствия, эмпатии.

Говорят даже о «цифровой деменции», «функциональной неграмотности», которая негативным образом влияет на когнитивно-эмоциональную сферу человеческих взаимоотношений [Бубнова 2019; Красных 2021; Мягкова 2016; Пищальникова 2018; Horoszkiewicz 2022].

Все вышесказанное определило цель исследования – описать процесс научной коммуникации, участниками которого являются студенты медицинского университета. Объектом исследования стали особенности восприятия и понимания научного текста, предметом исследования – стратегии и модели восприятия и понимания научного текста.

Материалы и методы

В эксперименте приняли участие 32 студента второго курса лечебного факультета и института стоматологии ФГБОУ ВО «ВГМУ им. Н.Н. Бурденко». Эксперимент

проводился в 2022–2023 учебном году. На первом этапе исследования в качестве текста-«стимула» предлагалась аннотация к статье, созданной на русском языке, о хирургических способах лечения ишемической болезни сердца. Второй этап исследования включал в себя обработку и анализ полученного материала с применением качественных и количественных методов обработки информации.

С целью получения материала для анализа использовался метод контртекстов А.И. Новикова [Новиков 2003]. Опрос проводился с помощью электронных гугл-форм, текст предварялся инструкцией, которая задавала действия участников эксперимента: «Вам будет предложен текст, состоящий из нескольких предложений. На каждое предложение составьте свой собственный «контртекст» – то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания данного предложения. Контртекст предполагает не только то, что прямо высказано, но и то, что подразумевается, то, что дано в неявной форме, в том числе различного рода ассоциации. Исходное предложение тоже может быть записано, если в процессе понимания оно подверглось трансформации, перефразированию». В последнем пункте анкеты участникам предлагалось кратко сформулировать общий смысл прочитанного.

Текст-стимул представлял собой аннотацию научной статьи [Газизова и др. 2022: 5]:

«Периоперационная острая сердечная недостаточность, или синдром низкого сердечного выброса, развивается у 9–20% пациентов, перенесших коронарное шунтирование. Это представляет серьезным осложнением операции, повышающим госпитальную летальность и значительно утяжеляющим течение раннего послеоперационного периода. В коронарной хирургии отдельной категорией являются пациенты с многососудистым поражением венечных артерий и низкой фракцией выброса левого желудочка, у которых дисфункция миокарда обусловлена как обширным рубцовым поражением, так и гибернацией жизнеспособного миокарда. Полная хирургическая реваскуляризация у этой категории больных становится методом выбора, так как улучшает отдаленный прогноз жизни. В то же время она сопряжена с высоким риском периоперационной сердечной недостаточности и госпитальной летальности. Поиск оптимального метода, позволяющего снизить этот риск, продолжается. В обзоре коротко отображены результаты основных клинических исследований, показавших эффективность коронарного шунтирования у больных с низкой сократительной функцией левого желудочка, способы подготовки к операции, роль и методы диагностики жизнеспособного миокарда. Подробно изложены факторы риска периоперационной острой сердечной недостаточности, методы ее диагностики и лечения.»

Чтобы оценить соответствие текста-стимула условиям эксперимента, был проведен его количественный и качественный анализ. Для количественной оценки использовался анализатор текстов RuLingva, разработанный коллегами из КФУ [Solovuev et al. 2018]. Текст состоял из 8 предложений, количество всех слов в тексте составило 149 единиц, разных слов – 101 единица. Индекс «читабельности» Флеша-Кинкейда, модифицированный В. Соловьевым, В. Ивановым, М. Солнышкиной [Solovuev et al. 2018], равнялся 13,68; этот показатель соответствует количеству лет обучения, необходимых для понимания текста, что было справедливо для участников эксперимента, имевших, как минимум, 11 лет школьного образования и 2 года обучения в медуниверситете.

Н.К. Криони и соавторы, занимавшиеся исследованием текстов, используемых для обучения в вузе, определяют следующие характеристики сложности текста: информативность – количество новой семантической информации, которая предъявляется через дефиниции; абстрактность – количество абстрактной лексики; сложность лингвистических конструкций – наличие причастий/ деепричастий, количество длинных слов (3 и более слогов), количество многословных предложений с многосложными словами [Криони и др. 2008].

Текст-стимул не содержал дефиниций. Индекс абстрактности составил 2,61 по 5-балльной шкале Ликерта, где «1» означает максимальный показатель конкретности, а «5» – максимальный показатель абстрактности [Соловьев и др. 2022]. Если говорить о сложности лингвистических конструкций, в тексте отсутствовали деепричастия, количество полных причастий составило 5 единиц, кратких причастий – 4 единицы, что составило 6,04% всех слов в тексте. Среднее количество слов в предложении равнялось 18,62, что практически было равно «золотому стандарту» длины предложения в научном тексте, предложенному Н.И. Колесниковой [Колесникова 2010]. Количество трех- и четырехсложных слов было 32 и 30 единиц, соответственно, что в сумме составило 41,6%.

Таким образом, информация, приведенная в тексте, абсолютно соответствовала компетенциям обучающихся, сформированным на момент эксперимента: они изучили и сдали экзамены по латинскому языку, анатомии, биохимии, гистологии, уходу за больными, общей гигиене, микробиологии, фармакологии, нормальной физиологии, находились в процессе изучения патологической физиологии, пропедевтики внутренних болезней и др. Текст не являлся сложным для восприятия и понимания участниками эксперимента.

Результаты и обсуждение

В результате эксперимента был получен материал, который можно анализировать по разным основаниям; в рамках данной статьи мы обратимся лишь к некоторым аспектам: характеристика новых и уточненных реакций испытуемых, полученных на тексты-стимулы; содержательные и релятивные реакции, полученные на тексты-стимулы; индивидуальные стратегии, которые испытуемые применяли для создания контртекстов; успешность-неуспешность процесса научной коммуникации, в который были включены участники эксперимента.

А.И. Новиков говорит о 15 видах реакций испытуемых на текст-стимул, которые он наблюдал в своих экспериментах [Новиков 2003]. Данный список был дополнен реакциями, описанными в исследованиях его последователей – представителей различных психолингвистических школ [Давлетова 2012; Кирсанова 2014; Моисеева 2017; Пешкова 2009, 2014, 2020; Текст и его понимание 2010; Титлова 2018]. В нашем эксперименте мы наблюдали 30 типов реакций, для описания которых потребовалось уточнить имеющиеся названия и сформулировать новые. Испытуемые, продуцируя контртексты, проявляли уже известные реакции – ассоциацию, вывод, генерализацию, интертекст, инфиксацию, констатацию, мнение, ориентировку, оценку, перефразирование, предположение, прогноз, реакцию замещения смыслов, реакцию негативного предложения, реакцию позитивного пожелания, свободный ответ, констатацию отсутствия знаний по проблеме. Новыми или уточненными реакциями на тексты-стимулы стали «индифферентность», «критика автора»,

«неполная констатация», «осуждение», «положительная оценка в ответ на негативный факт», «рекомендация», «эмпатия». Были выделены также разнообразные компликативные реакции: ассоциация+мнение, индифферентность+оценка, критика автора+визуализация, мнение+эмпатия, ориентировка+констатация отсутствия знаний по проблеме, осуждение+замещение смысла, осуждение+замещение смысла+обращение к собственному опыту, оценка+рекомендация, оценка+эмпатия.

Термином «индифферентность» мы описали реакции, которые представляли собой формальные слова или междометия, никак не связанные со смыслом текста-стимула, например, в ответ на предложение «В то же время она [реваскуляризация] сопряжена с высоким риском периоперационной сердечной недостаточности и госпитальной летальности» испытуемый реагирует «да», «угу». Реакция «констатация отсутствия знаний по проблеме» встретилась у двоих испытуемых, это были ответы «*даже не знаю что сказать по этому поводу*¹» (контртекст на текст-стимул «В то же время она сопряжена с высоким риском периоперационной сердечной недостаточности и госпитальной летальности»), «*не поняла что такое реваскуляризация*» (контртекст в ответ на текст-стимул «Полная хирургическая реваскуляризация у этой категории больных становится методом выбора, так как улучшает отдаленный прогноз жизни»), «*слишком много научных слов*» (контртекст на текст-стимул «В коронарной хирургии отдельной категорией являются пациенты с многососудистым поражением венечных артерий и низкой фракцией выброса левого желудочка, у которых дисфункция миокарда обусловлена как обширным рубцовым поражением, так и гибернацией жизнеспособного миокарда»).

Интересно отметить, что мы наблюдали такие реакции, в некотором смысле специфические для работников здравоохранения, как «рекомендация» («...но куда лучше постараться предупредить такую серьезную патологию, заниматься просвещением в школах, организациях»), «При использовании любых методов нужно учитывать возможные последствия») и «эмпатия» («сочувствую этим людям», «жалко»). Примечательно также, что реакции «эмпатия» и «индифферентность», которые можно считать оппозицией, были в большей степени свойственны испытуемым женского пола: 4 из 4 для реакции «эмпатия» и 12 из 15 для реакции «индифферентность»; как видно, реакция индифферентности проявлялась в нашем эксперименте более частотно.

Реакция «неполная констатация» фактически представляла собой повторение исходного текста-стимула не в полном объеме, например, на фразу «В коронарной хирургии отдельной категорией являются пациенты с многососудистым поражением венечных артерий и низкой фракцией выброса левого желудочка, у которых дисфункция миокарда обусловлена как обширным рубцовым поражением, так и гибернацией жизнеспособного миокарда» испытуемый создал контртекст: «*В коронарной хирургии выделяют целую отдельную категорию*». Заслуживает внимания также реакция «оценка», когда, например, на текст-стимул «Поиск оптимального метода, позволяющего снизить этот риск, продолжается» испытуемые реагируют «*круто*», «*замечательно*».

С сожалением констатируем тот факт, что реакция «перевод», о которой А.И. Новиков говорит как о реакции, наиболее полно отражающей содержание текста-стимула,

---

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация участников эксперимента.

«результат осмысления предложения», «наиболее полный и завершённый механизм восприятия и понимания» [Новиков, 2003], в нашем эксперименте не наблюдалась.

Всего в эксперименте было получено 252 реакции/ контртекстов (32 испытуемых и 8 предложений-стимулов оригинального текста, в четырех случаях ответа не было). Наиболее частотными были реакции «перефразирование» (38 реакций, 15%), «ассоциация» (37 реакций, 14,7%), «констатация» (36 реакций, 14,3%), «генерализация» (17 реакций, 6,7%) (см. Рисунок 1).

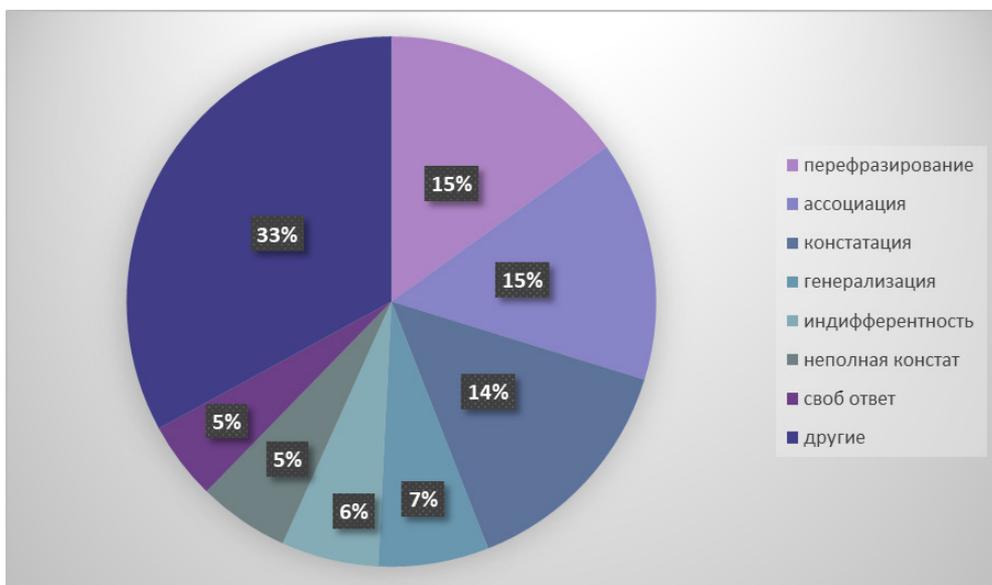

Рис. 1. Частотность реакций, наблюдаемых в эксперименте.

Говоря о контртекстах, важной характеристикой считают соотношение содержательных (С) реакций, которые относятся непосредственно к информации, заключенной в тексте-стимуле, и релятивных (Р) реакций, не имеющих непосредственного отношения к содержанию предложений-стимулов, их можно охарактеризовать как субъективные, эмотивные, выражающие интенции по поводу содержания. В исследованиях А.И. Новикова распределение содержательных и релятивных реакций для художественного текста составило 56,1% и 43,8%, для научно-популярного – 50,7% и 49,2% соответственно [Новиков, 2003]. Содержательные реакции, такие как «перефразирование», «ассоциация», «констатация отсутствия знаний по проблеме», «констатация», «неполная констатация», «вывод», «ориентировка» и т.п., характеризуют когнитивную деятельность испытуемых в процессе восприятия и понимания текста. Реакции такого типа составили в нашем эксперименте 68,3%, релятивные реакции – 28,6%. Такое значительное преобладание содержательных реакций над релятивными абсолютно обоснованно, так как текст-стимул содержит фактическую научную информацию и не предполагает какого-либо двойственного толкования, не предназначен для создания «эмоционально-аксиологического поля». В нашем эксперименте мы наблюдали 8 компликативных реакций, в процентном

Теоретические и экспериментальные исследования

выражении это равнялось 3,1%. Каждая из них была единичной, это были комбинации вида «С+Р», «Р+Р», «С+С». Количественное распределение типов реакций представлено в Таблице 1.

Таблица №1

Количественные данные типов реакций

	Содержательные реакции (С) - 172 (68,25%)	%	Релятивные реакции (Р) – 72 (28,57%)	%	Комплективные реакции – 8 (3,17%)	%
1.	перефразирование	15,08	индифферентность	5,95	ассоциация + мнение (С+Р)	0,37
2.	ассоциация	14,68	оценка	5,16	критика автора (+визуализация) (Р+С)	0,37
3.	констатация	14,29	свободный ответ	5,16	мнение + эмпатия (Р+Р)	0,37
4.	генерализация	6,75	мнение	4,37	ориентировка + констатация отсутствия знаний (С+С)	0,37
5.	неполная констатация	5,56	инфиксация	1,98	осуждение + замещение смысла (Р+С)	0,37
6.	вывод	3,97	рекомендация	1,98	оценка + эмпатия (С+Р)	0,37
7.	реакция замещения смыслов	2,78	эмпатия	1,59	оценка + рекомендация (С+Р)	0,37
8.	прогноз	1,98	реакция позитивного пожелания	1,59	осуждение + замещение смысла + обращение к собственному опыту (Р+С+Р)	0,37
9.	констатация отсутствия знаний по проблеме	1,19	положительная оценка в ответ на негативный факт	0,37		
10.	ориентировка	1,19	реакция негативного предложения	0,37		
11.	интертекст	0,37				
12.	предположение	0,37				

Анализ текста участниками эксперимента отличался разнообразными индивидуальными стратегиями, которые они использовали для восприятия и понимания текста. Это можно проследить, сравнив реакции разных участников на одно и то же предложение-стимул, а также сопоставив ответы-контртексты каждого испытуемого на все предложения-стимулы. Некоторые примеры представлены ниже.

Пример 1. На текст-стимул «Периоперационная острая сердечная недостаточность, или синдром низкого сердечного выброса, развивается у 9–20% пациентов, перенесших коронарное шунтирование» были получены контртексты:

(И1 – испытуемый 1) «Выделяют острую и хроническую сердечную недостаточность» (реакция замещения смыслов),

(И2) «плохая работа сердца в дальнейшем приведет к ухудшению имеющихся симптомов, соответственно, к куда более серьезной патологии» (перефразирование),

(И3) «нет» (индифферентность),

(И4) «меньше 50% – уже неплохо» (инфиксация),

(И5) «3 раза перечитала первое слово 😊» (критика автора + визуализация),

(И6) «хорошо» (положительная оценка в ответ на негативный факт),

(И7) «у 20% людей, перенесших коронарное шунтирование, возникает сердечная недостаточность» (перефразирование),

(И9) «миокард» (ассоциация),

(И10) «нужно сделать так, чтоб не было осложнений» (рекомендация),

(И11) «кардиология» (ассоциация),

(И12) «Пропедевтика внутренних болезней» (ассоциация),

(И13) «С возрастом у большинства населения проблемы с сердцем, причины которых могут быть как естественные, так и в следствии вмешательства» (перефразирование),

И16 «Опасное заболевание» (вывод),

И17 «Страшно» (мнение),

И19 «не есть хорошо» (оценка),

И20 «малый процент» (генерализация),

И30 «Недостаточность у 1/4 населения» (неполная констатация),

И31 «У 9–20% пациентов с коронарным шунтированием развивается синдром низкого сердечного выброса» (констатация) и т.д.

Пример 2. На текст-стимул «Поиск оптимального метода, позволяющего снизить этот риск, продолжается» были получены следующие контртексты:

(И1) «Ученые всегда находятся в поисках более эффективных методов лечения» (перефразирование),

(И2) «поиск нового метода это конечно хорошо, но куда лучше постараться предупредить такую серьезную патологию, заниматься просвещением в школах, организациях» (оценка + рекомендация),

(И3) «все время» (индифферентность),

(И4) «Лекарства от рака» (свободный ответ),

(И5) «желаю успехов в нахождении оптимального метода» (реакция позитивного пожелания),

(И6) «Окей» (индифферентность),

(И7) «Оптимальный метод, снизит риск» (констатация),

(И8) «круто» (оценка),

(И9) «Когда-нибудь медицина сможет лечить таких пациентов» (инфиксация),

(И10) «пусть поскорее найдется» (реакция позитивного пожелания),

(И11) «надежда» (ассоциация),

(И13) «Наука не стоит на месте, и нам всегда есть к чему стремиться!» (инфиксация),

(И14) «на данный момент времени продолжают поиски оптимального метода, позволяющего снизить риск возникновения этих осложнений» (констатация),

(И15) «Путь опасности близок» (свободный ответ),

(И17) «Замечательно» (оценка),

(И30) «Происходит анализ и разработка» (генерализация) и т.д.

Пример 3 демонстрирует ответы испытуемого под номером 5 (И5) на все предложения-стимулы анкеты:

1. 3 раза перечитала первое слово 😞 (критика автора + визуализация),
2. ужас (оценка),
3. сочувствую этим людям (эмпатия),
4. не поняла что такое реваскуляризация (констатация отсутствия знаний по проблеме),
5. даже не знаю что сказать по этому поводу (констатация отсутствия знаний по проблеме; реакция на предложение-стимул «В то же время она сопряжена с высоким риском периоперационной сердечной недостаточности и госпитальной летальности»),
6. желаю успехов в нахождении оптимального метода (реакция позитивного пожелания),
7. в каком обзоре? (ориентировка + констатация отсутствия знаний по проблеме; реакция на предложение-стимул «В обзоре коротко отображены результаты основных клинических исследований, показавших эффективность коронарного шунтирования у больных с низкой сократительной функцией левого желудочка, способы подготовки к операции, роль и методы диагностики жизнеспособного миокарда»),
8. нормально (индифферентность; реакция на предложение-стимул «Подробно изложены факторы риска периоперационной острой сердечной недостаточности, методы ее диагностики и лечения»).

Данный пример демонстрирует, что участник эксперимента не обладает знаниями, необходимыми для восприятия и понимания информации, содержащейся в тексте, в полном объеме. Он честно заявляет об этом без всякой самокритики, пытается компенсировать данный дефицит знаний, уходя в эмоциональную сферу (оценка, индифферентность, эмпатия, реакция позитивного пожелания), его контртексты представляют собой, в основном, релятивные реакции.

Пример 4 демонстрирует ответы испытуемого под номером 7 (И7) на все предложения-стимулы анкеты:

1. У 20% людей, перенесших коронарное шунтирование возникает сердечная недостаточность (перефразирование),
2. Это повышает риск осложнений и вероятность летального исхода (перефразирование),
3. В коронарной хирургии выделяют целую отдельную категорию (неполная констатация),
4. Реваскуляризация улучшает прогноз жизни (перефразирование),
5. У этого метода есть своя опасная сторона (вывод),
6. Оптимальный метод, снизит риск (констатация),
7. Коронарное шунтирование является эффективным методом (генерализация),
8. Факторы риска подробно изложены (неполная констатация).

Данный пример свидетельствует, что в ответ на текст-стимул участник под номер 7 генерирует содержательные реакции, которые по сути являются этапами когнитивных процессов, лежащих в основе восприятия и понимания текста.

Важно отметить, что проведенный анализ показывает: участники, в основном, реагировали не на предложение в целом, а выделяли в нем какой-либо аспект, очевидно, понятный для них, и строили свою реакцию на основе данной информации. Это демонстрируют приведенные выше примеры, а также, например, контртексты, созданные на текст-стимул «Это [синдром низкого сердечного выброса] представляется серьезным осложнением операции, повышающим госпитальную летальность и значительно утяжеляющим течение раннего послеоперационного периода»:

- *При операции человек может умереть;*
- *низкий уровень развития медицины;*
- *часто;*
- *Проблемы со свертываемостью крови;*
- *ужас;*
- *плохо;*
- *Это повышает риск осложнений и вероятность летального исхода;*
- *не круто;*
- *Воспаление шва и т.д.*

Если говорить о научной коммуникации, то в системе высшего образования научный дискурс реализуется совместно с педагогическим. В условиях образовательного процесса в высшей школе, как и в рамках проведенного эксперимента, осуществляется комплементарная научная коммуникация, т.е. обмен информацией между партнерами, неравными по своим знаниям [Попова 2015]. Некоторые возможные цели научной коммуникации в этих условиях: определить и проанализировать, прокомментировать и обсудить полученную информацию, изложить ее в адекватной форме, понятной для специалистов и неспециалистов [Карасик 2000]. Ответы, полученные на последний вопрос анкеты «А теперь кратко сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста», свидетельствуют, что в нашем эксперименте испытуемые удовлетворительно справились с этой задачей: 19 человек смогли сформулировать главную мысль предложенного текста, для этого применялись стратегии «генерализация», «вывод», «перефразирование», например: *«На данный момент нет самого безопасного способа лечения данной патологии, но способы лечения, которые известны на данный момент, тоже показывают свою эффективность»*, *«Острая сердечная недостаточность, коронарное шунтирование, от всего могут быть летальные исходы, подтвержденные данными»*, *«Главной мыслью текста, является описание болезни, методы ее лечения, диагностики и возможные риски и осложнения»*, *«Последствия операции после инфаркта могут быть летальными, но медицина не стоит на месте и находит способы ее лечения»* и т.д. Одиннадцать испытуемых дали краткую формулировку, которая представляла собой фактически дословное повторение предложений-стимулов целиком или частично. Участник №32 не дал ответа; ответ участника №5 выглядел следующим образом: *«Будем честны, предложения написаны достаточно научно, а мозг студента в 10 вечера уже не способен что то воспринимать (это я про свой уже уставший мозг), ну и читала я не вдумчиво. Помню что то про коронарную недостаточность в левых желудочках, реваскуляризацию, особых пациентов и поиск новых методов, которые снизили бы риск развития болезни»*.

Таким образом, для 19 (59,4%) участников цель комплементарной научной коммуникации – проанализировать, прокомментировать, изложить в адекватной форме – была достигнута.

Выводы

По результатам проведенного эксперимента можно сделать некоторые выводы:

1. Процесс восприятия и понимания текста студентами-медиками имеет свои отличительные характеристики: наиболее частотными реакциями были реакции, непосредственно коррелирующие с содержанием текстов-стимулов – «перефразирование», «констатация», «генерализация», «ассоциация»; ранее описанные А.И. Новиковым реакции «перевод» и «аргументация» не были зафиксированы в эксперименте. Мы наблюдали новые реакции – «рекомендация», «осуждение», «эмпатия», «индифферентность», которые, возможно, были детерминированы наличием у испытуемых медицинского образования.

2. При работе с текстами-стимулами участники эксперимента в большей степени (68,3%) продуцировали контртексты, которые соответствовали реакциям содержательного плана, по сути своей отражающим этапы когнитивной деятельности: ассоциацию, генерализацию, вывод, перефразирование, констатацию.

Следует также уточнить, что заполнение анкет проходило не под наблюдением организаторов эксперимента, что, возможно, является определенным ограничением данного исследования. Кроме того, для уточнения и подтверждения полученных результатов необходимы дальнейшие исследования в указанном направлении с участием большего количества испытуемых.

©Торубарова И.И., 2024

Литература

Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бейлинсон Любовь Семеновна. Волгоград, 2009. 39 с.

Бубнова И.А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Труды Уральского психолингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т, Урал. психолингвист. об-во, каф. общ. языкознания и рус. яз.; глав. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: [б.и.], 2019. Вып. 17. С. 23–31.

Газизова В.П., Власова Э.Е., Ширяев А.А., Акчурин Р.С. Острая сердечная недостаточность в хирургии ишемической болезни сердца. Кардиологический вестник. 2022; 17(3). С. 5–13.

Гилязова Д.Р. Клиповое восприятие информации как объект исследования психолингвистики // Теория речевой деятельности: вызовы современности / Институт языкознания Рос. акад. наук; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2019. С. 252–253.

Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 19 с.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Кирсанова И.В. Эмоциональная составляющая «контртекста» как элемент смыслообразования в теории текста и смысла / И.В. Кирсанова // Вопросы психолингвистики. 2014. № 22. С. 81–93.

Кожокарь Д.А. Клиповое мышление как феномен современности и его влияние на восприятие радионовостей // Наука и образование сегодня. 2016. № 6 (7). С. 98–101.

Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов. Статья вторая / Н.И. Колесникова // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 143–148.

Красных В.В. Функционально-культурная неграмотность: еще один «цивилизационный риск»? (Продолжая разговор с Ю.А. Сорокиным) / В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2(48). С. 58–73. DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-58-73.

Криони Н.К., Никин А.Д., Филиппова А.В. Автоматизированная система анализа сложности учебных текстов // Вестник УГАТУ – Vestnik UGATU. 2008. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizirovannaya-sistema-analiza-slozhnosti-uchebnyh-tekstov> (дата обращения: 10.12.2023).

Медведева С.М. От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО – Университета: журнал. М., 2014. № 4(37). С. 278–284.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Моисеева Ангелина Валерьевна. Уфа, 2017. 22 с.

Мягкова Е.Ю. Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 254–265.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. №1. С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Васильевой Н.В., Нестеровой Н.М., Пешковой Н.П. М.: ИЯ РАН, 2007. 224 с.

Пешкова Н.П. Типологическое исследование научного текста в когнитивном и психолингвистическом аспектах // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2009. С. 157–167.

Пешкова Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики. № 2 (20). 2014. С. 113–123.

Пешкова Н.П. Анализ некоторых тенденций в процессах восприятия и понимания текстов масс-медиа (на материале интернет-коммуникации) / Н.П. Пешкова, Д.Р. Гилязова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 8–24. DOI 10.15593/2224-9389/2020.1.1.

Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып.13 (807). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. С. 192–202.

Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // ИСОМ. 2015. №6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 12.12.2023).

Пудалов А.Д. Клиповое мышление – современный подход к познанию // Сб. науч. трудов Ангарск. гос. техн. ун-та. 2011. С. 229–233.

Текст и его смысл (психолингвистические исследования в русле школы А.И. Новикова) // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. С. 461–477.

Соловьев В.Д., Вольская Ю.А., Андреева М.И., Заикин А.А. Словарь русского языка с индексами конкретности/абстрактности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovar-russkogo-yazyka-s-indeksami-konkretnosti-abstraktnosti> (дата обращения: 10.12.2023).

Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка; под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Титлова Анастасия Станиславовна. Уфа, 2018. 232 с.

Horoszkiewicz B. Digital dementia and its impact on human cognitive and emotional functioning. *Journal of Education, Health and Sport.* 2022; 12(11). С. 290–296. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/JEHS.2022.12.11.038>.

Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems,* 34(5): 3049–3058, 2018.

Сведения об авторах:

Торубарова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко»;

Контактная информация:

394036 Россия, г.Воронеж, ул. Студенческая, 10

ORCID: 0000-0002-6712-1865

e-mail: torubarova69@mail.ru

Для цитирования:

Торубарова И.И. Особенности восприятия научного текста студентами медицинского университета: психолингвистический эксперимент // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 94–107. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-94-107

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-94-107

Research article

SCIENTIFIC TEXT PERCEPTION BY MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS:
PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

Irina I. Torubarova

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University
Voronezh, Russia

Abstract

The article highlights a psycholinguistic experiment performed to describe the process of perception, understanding and generation of a scientific text by students of a medical university. Research texts and scientific communication are media of the institutional discourse and communication. The text, in this case, is addressed in its dynamic state, thus correlating with cognitive processes of understanding and perception. The text, being a powerful tool of speech influence, allows evaluating and analyzing diverse types of cognitive activity of its recipients. The study is of current interest, since, as reported, modern ways of communication disseminated through mass media and social networks result in decreased cognitive and analytical abilities of young people. All of the above determined the purpose and objectives of the study: to describe the process of scientific communication the participants of which are medical university students; to consider features of perceiving a scientific text by this category of readers, to specify models of understanding a scientific text. The experiment consisted of two stages: the stage of material collection using the countertext approach developed by A.I. Novikov, and the stage of processing and analysing the material obtained. To evaluate appropriateness of the stimulus text to the experimental conditions, we analysed the text quantitatively and qualitatively using the RuLingva text analyzer according to the criteria of “readability”, “informativeness”, “abstractness”, “complexity”. The analysis of the material obtained allowed describing the strategies and models used by the medical students in the process of scientific communication. The most frequent reactions were the reactions of a meaningful nature corresponding to the stages of cognitive activity – “paraphrasing”, “statement”, “generalization”, “association”; also new reactions were described: “recommendation”, “disapproval”, “empathy”, “indifference” – their manifestation may be due to the presence of “medical experience” among the participants of the experiment.

Keywords: psycholinguistic experiment, perception, understanding, scientific text, scientific communication

©Torubarova I.I., 2024

Bionotes:

Irina I. Torubarova – Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University

Contact information:

10 Studencheskaya Street, Voronezh, Russia, 394036

ORCID: 0000-0002-6712-1865

e-mail: torubarova69@mail.ru

For citation:

Torubarova I.I. Scientific text perception by medical university students: psycholinguistic experiment // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 94–107. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-94-107 (In Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'37

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

Научная статья

О «ВРОЖДЕННОСТИ» ИМЕНИ

Кравченко Александр Владимирович
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия

Аннотация

Статья продолжает разговор об имени как «врожденном языковом свойстве», начатый на страницах журнала А.Д. Кошелевым, и носит полемический характер. Соглашаясь с большинством важных выводов Кошелева об особенностях динамики развития младенцев, я ставлю под сомнение его главный, парадоксальный по своей сути вывод о врожденном свойстве объекта иметь имя, и показываю, что подобный вывод логически неизбежен, если придерживаться доминирующей в научном сообществе картезианской дуалистичной философии с ее рационалистической эпистемологией. В качестве альтернативы, позволяющей избежать подобных парадоксов, предлагается иная эпистемология, теоретической платформой для которой служит философия радикального конструктивизма и, в частности, биология познания и биология языка, разработанные У. Матураной. Конструктивистский подход к проблеме соотношения познания и языка с позиций теории систем, или «объективность со скобками», позволяет по-новому подойти к природе понятий и роли языка в их формировании, не оставляя места идее о возможной врожденности имени.

Ключевые слова: теория развития, биология языка, биология познания, понятие, языковой знак, системный подход

Введение

Статья А.Д. Кошелева «Имя как врожденное языковое свойство», опубликованная в №3(57) журнала «Вопросы психолингвистики» за 2023 г. [Кошелев 2023], вызывает интерес по двум причинам. Первая – это возвращение к проблеме врожденности языка, которая, казалось бы, давно закрыта как эмпирически неverifiedируемая и теоретически несостоятельная [Everett 2005]. Вторая – неожиданный, по крайней мере для тех, кто хорошо знаком с направлением проводимых Кошелевым исследований, уход в сторону от того пути, который обозначен в его же эволюционно-синтетической теории языка [Кошелев 2017; Кравченко 2018], призванной преодолеть затянувшееся состояние общетеоретического кризиса в современном языкознании [Кошелев 2013; Кравченко 2015a]. Опираясь на психолингвистические экспериментальные исследования С. Ваксман и ее коллег, изучавших процессы категоризации объектов у младенцев и их связь с процессом номинации [Waxman 1998; 2012; Waxman, Booth 2003; Waxman, Markow 1995 и др.], А.Д. Кошелев выдвигает и отстаивает гипотезу о том, что «свойство объекта иметь имя является для ребенка врожденным», ставя под сомнение адекватность классического взгляда на соотношение языка и мышления

в онтогенезе, восходящего к идеям Л.С. Выготского [1934]. Однако больше всего лично меня в статье Кошелева заинтересовал другой, более примечательный факт, на котором я и хочу сосредоточиться, приняв предложение вступить в дискуссию.

Я согласен практически со всеми довольно убедительными аргументами, которые автор приводит в обоснование единства генетического корня мышления и языка, но я категорически не согласен с тем, что полученные С. Ваксман с коллегами данные заставляют прийти к заключению о врожденности свойства объекта иметь имя. Я собираюсь показать, что сделать подобный вывод А.Д. Кошелева, пытливого и вдумчивого исследователя языка, заставляет нежелание порвать с дуалистичной философией объективного реализма и присущей этой философии рационалистической эпистемологией – ведь именно эта эпистемология образует тот методологический фундамент, на котором строится все здание современной лингвистической ортодоксии и который, в конечном счете, и является причиной затянувшегося кризиса в науке о языке, давно принявшего системный характер. И это тот фундамент, на котором уже не одно десятилетие Ваксман с коллегами (впрочем, не только они) строят свой исследовательский проект, призванный пролить свет на то, как и когда в развитии ребенка пересекаются процесс формирования понятий (которые теперь принято называть модным словом «концепты») и процесс «усвоения» языка. Проблема в том, что подобная постановка вопроса уже сама по себе исключает возможность получить на него вразумительный ответ по двум очевидным причинам.

Первая причина – это отсутствие в научном сообществе более или менее четкого понимания того, что же такое концепты вообще, где они находятся и для чего нужны человеку [Кравченко 2011; 2013]. Отдельный вопрос – есть ли концепты у других животных, и если да, то чем они отличаются от человеческих концептов? Отсутствие ответов на эти вопросы тем не менее не мешает исследователям строить серьезные научные теории о природе и характере человеческой когниции вообще и восприятия в частности с опорой на такие понятия, как «концепт», «концептуальная структура», «концептуальная область» и под. [Lakoff 1980; Barsalou 1999; 2005; Waxman 2002; Gahrn-Andersen 2023 и мн. др.]. Сказать, как это делают В. Галлезе и Дж. Лакофф [Gallese, Lakoff 2005: 455], что концепты – это конвенциональные и относительно устойчивые единицы мышления и языкового значения, значит не сказать ничего существенного, поскольку наука до сих пор не имеет ответов на вопросы «Что такое мышление?» и «Что такое языковое значение?» Более того, как подчеркивал Р. Джекендофф, «“правильность” того или иного понимания концепта нельзя оценить, одновременно не оценивая ту картину мира, в которой он играет роль» [Jackendoff 1989: 68; мой перевод – А.К.]. Эта необходимость оценить картину мира, частью которой является создающий ее человек во всех его проявлениях, включая, в первую очередь, мыслительно-языковую способность, подводит нас ко второй причине, по которой поставленный С. Ваксман и коллегами центральный для психологии развития вопрос не может получить адекватного ответа, и по которой А.Д. Кошелев просто вынужден выдвинуть свою парадоксальную гипотезу. Причина эта – эпистемологическая ущербность самой методологии (психо)лингвистических исследований, укорененная в дуалистичной философии объективного реализма и связанная с тем, как понимается самый процесс (научного) познания как «приобретения» знаний о явлениях и закономерностях того, что мы называем объективной действительностью.

Познание в конструктивистской эпистемологии

Философия объективного реализма лежит в основании доминирующего мировоззрения, в соответствии с которым наблюдаемый и описываемый человеком мир существует независимо от человека как субъекта познания. И поскольку нам кажется, что мир, в котором мы существуем и с которым взаимодействуем различными способами, не зависит от того, что мы о нем думаем или говорим, и поскольку некоторые отдельные особенности его устройства могут представляться нам препятствующими наращиванию наших знаний, мы стремимся понять, как именно он устроен и как его можно изменить в наших интересах.

Но вот парадокс: исходные познавательные установки философии объективного реализма *в принципе* не позволяют нам приблизиться к пониманию самого важного, что есть в мире, – а именно, человека, этот мир познающего. Репрезентационалистская теория познания, вера в то, что познание состоит в отражении опосредованной языком объективной реальности в сознании субъекта, не дает ответа на вопрос о том, в чем конкретно состоит функция такого отражения (если оно действительно имеет место) с точки зрения биологии – ведь наличие у человека языковой способности является уникальной характеристикой биологического вида *Homo sapiens*. Не случайно Л. Витгенштейн [1994: 127] называл философию «борьбой против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка».

Научный подход к познанию невозможен без понимания того, что представляют собой познание и язык как биологические процессы, и в чем состоит их биологическая функция [Maturana 1970; 1978; Кравченко 20156]. Однако в доминирующей научной парадигме такое понимание отсутствует как в исследованиях языка, так и в исследованиях человеческой когниции, что неизбежно ведет к проблемам в осмыслении как того, так и другого. Например, под объективной реальностью понимается мир, состоящий из объектов, существующих независимо от нашего сознания, языка и тех или иных теорий [Button 2013]. Тем самым объект познания – то, что мы знаем о мире и его свойствах – также предстает как независимый от субъекта познания. Радикальный конструктивизм, как альтернативная теория познания, занимает иную позицию по проблеме знания [Foerster 1973; Maturana, Varela 1987; Glaserfeld 1989; 1995]. Согласно У. Матуране [Maturana 1970], вопрос «Что является объектом познания?» становится бессмысленным, как только приходим к пониманию, что, хотя мы привыкли вести речь о реальности (описывать ее), ориентируя друг друга путем языковых взаимодействий на, как нам кажется, сенсорные переживания конкретных сущностей, сами эти сущности представляют собой *состояния относительной активности между нейронами*, порождающие новые описания.

Язык является нашей экзистенциальной областью, в которой мы «возникаем» и становимся теми, кто мы есть. «Мир – это образ языка. Язык на первом месте, а мир – это его следствие» [Foerster 2002: 71]. Поскольку мы, люди, возникаем в языке как нашей непосредственной среде (реляционной области кооперативных взаимодействий), и поскольку наше знание о мире опосредовано взаимодействием с ним нашего тела [Di Paolo 2005], для нас, как наблюдателей, язык в прямом смысле созидает мир через фундаментальную операцию различения – спецификацию сущности (посредством именованья), операционально отсеченную от ее фона:

«... то, что является результатом операции различения и, таким образом, может быть распознано, представляет собой предмет со свойствами, специфицированными

операцией различения, который существует в пространстве, установленном этими свойствами. Реальность, следовательно, – это область предметов, и в этом смысле то, что может быть распознано, реально. В такой постановке не возникает вопроса о том, что такое реальность: это область, специфицированная операциями наблюдателя» [Maturana 1978: 55; мой перевод – А.К.].

Как подчеркивал Фёрстер, «именно язык, благодаря своему денотативному аспекту, совращает нас и заставляет искать свойства реальности “где-то там”, а не в нас самих» [Foerster 2002: 80; мой перевод – А.К.]. Мы начинаем верить, что существует одна вселенная, в которой различные объекты, как и самая вселенная, существуют в виде независимых от наблюдателя объектов «где-то там», а их природу и существенные свойства можно определить, проанализировать и объяснить. Отсюда привычный вопрос «Что такое X?», на который исследователи в той или иной области пытаются найти ответ, упуская из виду субъективную природу науки. Наука – это не способ раскрытия независимой реальности как «объективности без скобок», а способ порождения специфичной реальности, «привязанной к условиям, определяющим наблюдателя как человеческое существо», или «объективности со скобками»:

«Объективность со скобками влечет за собой принятие того, что существование порождается сделанными наблюдателем различениями, что областей существования столько, сколько видов различений проводит наблюдатель: объективность в скобках влечет за собой *множественные вселенные*, она влечет за собой признание конститутивной зависимости существования от наблюдателя, и что областей истины столько, сколько областей существования он порождает в своих различениях» [Maturana 1988a: 11; мой перевод – А.К.]

Системный подход к языку и когниции

Конструктивистская эпистемология исходит из учета двух важных положений. Во-первых, система определяется собственной сохраняемой организацией, а не участвующими в этой организации структурами и приписываемыми им функциями. Во-вторых, необходим «двойной взгляд на системы», при котором система описывается одновременно в двух непересекающихся областях – *операциональной* (система как собрание компонентов) и *феноменологической* (система как сингулярная сущность во взаимодействиях со средой, которая включает в себя эту систему и делает ее возможной). Различие между этими двумя видами описания очень важно, так как от него зависит общая адекватность выстраиваемой ученым теории [Kravchenko 2022a]. Как я недавно отмечал [Kravchenko 2022b], лингвистическая семиотика главного направления, взявшая на вооружение структуралистское понимание знака, не в состоянии увидеть концептуальное различие между языком как структурированной системой вокализаций (языковых знаков), производимых человеческими организмами, и *языковой деятельностью* как человекоспецифичным поведением в феноменальной области. Как наборы структурных элементов языка могут быть очень разными, но эти различия не специфицируют языковую деятельность человека и человеческого сообщества, существующего в когнитивной области языковых взаимодействий, которые определяют и сохраняют его как живую систему. И поскольку ортодоксальная лингвистика описывает язык главным образом в операциональной области, утвердившийся в науке взгляд на функцию языковых знаков (служить именами) и языка (репрезентировать «объективную реальность») нельзя считать адекватным, так как он

никак не помогает понять роль языка в жизненной практике человека и, следовательно, самый феномен человека и природу человечности [Кравченко 2022].

«Всякое действие есть познание, и всякое познание есть действие» [Maturana, Varela 1987: 248]. Этот известный тезис в сжатом виде представляет суть биологии познания как эпистемологического направления в изучении живых систем как когнитивных систем. Зачарованные тем фактом, что человеческая когниция, определяемая нашей способностью к абстрактному мышлению и рассуждению, намного превосходит когницию других живых существ, эпистемологи-объективисты разного толка ищут способы объяснить знание как ментальные репрезентации внешнего мира, необходимые, как принято считать, для понимания этого мира, помогающего человеку целенаправленно действовать в нем, исходя из собственной выгоды. Согласно распространенному мнению, люди отличаются от других социальных существ тем, что могут делиться своим индивидуальным знанием, делая его доступным для других посредством особого (семиотического) инструмента – языка [Evans 2015]. Тем самым достигается гораздо более высокая степень социальной кооперации, выгодной для сообщества в целом [Oeberst, Kimmerle, Cress 2016]. При таком подходе язык «играет важную роль в человеческой культуре, поскольку его денотативное измерение связано с тем, что, в сущности, характеризует вещи как вещи, а именно их *вещностью*» [Gahrn-Andersen 2019: 179; выделено в оригинале; мой перевод – А.К.]. Таким образом, денотация (номинация) рассматривается как ключевой фактор, позволяющий людям вовлекаться в общественно-материальные практики [Gahrn-Andersen 2023].

Проблема однако в том, что слишком многие из имен, которыми мы «пользуемся», не являются именами различных предметов или явлений, и в нашей практике, как жизни в языке, они не отсылают к аспектам объективной реальности («объективности без скобок»); они не обладают тем, что лингвисты называют «денотативным значением», или, в терминах Фреге [Frege 1892], способностью к референции. Поскольку «денотация», «значение» и другие термины, которыми пользуются лингвисты, говоря о языковых знаках, это существительные, а типичное существительное служит именем вещи с присущим ей локусом, мы принимаем как само собой разумеющееся, что денотация, а самое главное, значение как свойство языкового знака, существует в объективной реальности [Kravchenko 2024]. Наследие дуализма в наших попытках понять и объяснить материальный мир и наше место в нем заставляет нас принимать как данность существование таких онтологически различных вещей, как «объекты», «язык», «культура» и, конечно же, «общественно-материальные практики», в которых «языковые знаки», благодаря денотации, соотносятся с неязыковыми «объектами» и опосредуют наше взаимодействие с «внешним» миром.

В противоположность философии объективного реализма, радикальный конструктивистский подход к языку исходит из его коннотативной, нежели денотативной природы [Maturana 1970]. Подход к языку с позиций теории систем предполагает его рассмотрение как человекоспецифичное интерактивное (диалогическое) поведение, образуемое динамическими процессами и отношениями между ними, которые включают в себя артикуляторно-акустические явления (слова), интегрированные в нашу телесную динамику. Языковые знаки – это не контейнеры для транспортировки идей, потому что «мысли не путешествуют» [Sperber, Wilson 1986: 1]. Знаки – это намеки, побуждающие к определенным заключениям в процессе интерпретации [Keller 1998: 90]. При конструктивистском подходе номинация как

операция различения не является процессом идентификации объекта, существующего в «объективности без скобок» и характеризуемого «вещностью» как его важнейшим свойством. Вовлеченность человека в различные общественно-материальные практики, как и самая культура, это эволюционное следствие возникновения языка как интерактивного поведения и наблюдателя как живой системы, которая существует как единство взаимодействий в своей экологической нише – той части среды, с которой она взаимодействует и которую она специфицирует, а именно, в реляционной области языка. Как операция различения номинация *порождает* объект со свойствами, которые она же и специфицирует. Более того, У. Матурана недвусмысленно указывал, что

«имена и слова вообще – это не просто тривиальные способы указания на изначально существующие концептуальные или физические сущности; они подразумевают наши действия и чувства всякий раз, когда мы их используем. Хотя мы и не всегда это осознаем, имена и вообще все слова, которые мы используем, постоянно ориентируют нас в нашем чувственно-операционально-реляционном бытии как жизненном процессе, одновременно освещая и затуманивая его в зависимости от тех эмоций, которые они в нас вызывают» [Maturana 2014: 188; мой перевод – А.К.].

После того, как мы присвоили имя чему-то, что мы выделили в нашей жизненной области, каждый раз, когда мы впоследствии произносим это имя, мы привносим это что-то и порождаемую через него чувственно-операционально-реляционную область бытия в наше настоящее. Как процесс интерпретация языковых знаков не является «извлечением» значений, которые якобы «содержатся» в знаках. Скорее, это двойственный процесс: с одной стороны, языковые знаки идентифицируются как общие точки отсчета для координации кооперативного поведения индивидов, образующих сложную живую систему – сообщество говорящих на одном языке людей, а с другой стороны, индуктивное (включая языковое) поведение индивидов, определяемое спецификой их истории развития, коррелируется и интегрируется с общей динамикой системы как целого. Таким образом, семиотические свойства языковых знаков имеют эмерджентную природу: способность к означиванию не является внутренне присущим свойством того, что наблюдатель идентифицирует как языковой знак, эта способность возникает в потоке переживаемого опыта в процессе хеббовского научения [Hebb 1949] и опосредуется поведенческой реакцией организма на тот компонент среды, который воспринимается и интерпретируется как языковой знак. Тем самым язык как реляционная область становится ключевым экологическим фактором как в онто-, так и в филогенезе [Kravchenko 2016]. Как видоспецифичное интерактивное поведение в когнитивной области язык является определяющей чертой человека как живой системы, и его можно и нужно понимать именно как таковую. Однако такое понимание отсутствует в исследовательских проектах, направленных на выяснение того, как соотносятся и сопрягаются когнитивное и языковое развитие на раннем этапе жизни человека.

О природе понятий/концептов

Мы вряд ли приблизимся к пониманию языка и его роли в мышлении как способности оперировать понятиями до тех пор, пока наша общетеоретическая позиция будет определяться дуалистичной философией с ее непоколебимой верой в объективную реальность как «объективность без скобок». То, как мы формулируем ту

или иную исследовательскую задачу, уже определяет характер и эпистемологическую ценность выводов, которые будут получены. Например, одна из работ С. Ваксман называется «Как младенцы открывают разные типы слов и соотносят их с разными значениями?» и опубликована в книге под названием «Пути младенца к языку» [Waxman 2012]. Как видно уже из самих названий, язык, слова и значения (а также понятия, категории и т. п.) изначально понимаются как объекты, существующие в «объективности без скобок», и усилия исследователей направлены на выяснение того, как младенцы «находят» эти объекты и определяют имеющиеся между ними связи и отношения. Именно это имел в виду Х. вон Фёрстер, говоря о «сворачивающей» роли языка в нашем познании: то, что функция слов состоит в именовании предметов и понятий, существующих «где-то там», самих по себе, является одной из главных аксиом лингвистической ортодоксии, которая не может или не хочет рассматривать язык и познание как взаимосвязанные биологические процессы, выполняющие биологическую функцию. И именно подход к языку и познанию с позиций биологии позволил У. Матуране утверждать, что переживаемые нами сенсорные сущности, описываемые в языке, на самом деле представляют собой состояния относительной активности между нейронами.

Мозг нужен для контроля и поддержания общей динамики живой системы «организм-среда» как единства взаимодействий. Это возможно благодаря памяти как нейрофизиологическому механизму [Tsien 2007], позволяющему накапливать в виде определенных нейронных структур (нейронных репрезентаций как состояний относительной нейронной активности) опыт предшествующих взаимодействий, влияющий на принятие текущих поведенческих решений. Гипотетический механизм образования таких структур описан в [Кравченко 2001] и, вкратце, состоит в следующем.

Младенец испытывает ощущения, на которые его организм реагирует в соответствии с заложенной генетической программой. Взаимодействия со средой, осуществляемые посредством органов чувств, сопровождаются возникновением специфических состояний активности нейронных пучков (репрезентаций), которые как репрезентации взаимодействий поначалу носят элементарный характер в том смысле, что реакции на воздействия среды являются рефлекторными, их нельзя рассматривать как результат синтеза данных, поступающих через разные анализаторы. Эти элементарные репрезентации подкрепляются каждый раз, когда организм испытывает аналогичные ощущения, приобретая устойчивый характер (например, ощущения, вызываемые температурными изменениями среды). Если исходить из того, что опыт есть способность установления каузальных связей между текущими и прошлыми взаимодействиями, а взаимодействия репрезентируются состояниями активности нервной системы, то можно предположить, что опыт есть *сохраняющиеся во времени специфические состояния активности участков нейронной сети, вызванные взаимодействиями*.

Развиваясь, организм младенца начинает активно взаимодействовать со средой, когда несколько или все чувственные анализаторы участвуют во взаимодействии с тем или иным компонентом среды. Репрезентации таких взаимодействий являются синтезом элементарных репрезентаций, т. е. их структура усложняется, при этом чем больше чувственных анализаторов принимает участие во взаимодействии организма с компонентом среды, тем больше и разнообразнее набор возможных репрезентаций такого взаимодействия. Эти репрезентации также приобретают устойчивый характер

по мере подкрепления (повторения однотипных взаимодействий). Таким образом происходит накопление репрезентаций разной структурной сложности, образующих своеобразный ментальный инвентарь памяти, а в результате хеббовского научения (объединения взаимодействующих клеток) *элементарные репрезентации начинают существовать лишь как составные части сложных (прототипических) репрезентаций*. Инвентарь таких репрезентаций (состояний относительной активности нейронных пучков и ансамблей) составляет основу механизма восприятия как когнитивного взаимодействия со средой, имеющего ориентирующий характер.

Структура сложной репрезентации (состав входящих в нее элементарных репрезентаций) и ее организация (множественные связи между элементарными репрезентациями, благодаря которым сложная репрезентация выступает как единое целое) сохраняется вследствие того, что любые элементарные репрезентации появляются в результате взаимодействия организма со средой посредством имеющегося в его распоряжении конечного набора чувственных анализаторов, принцип действия которых остается практически неизменным на протяжении жизни. Таким образом, сложная репрезентация обнаруживает *каузальную зависимость* от элементарных репрезентаций. Собственно говоря, сложную репрезентацию по этой причине можно рассматривать как *структурную единицу опыта/памяти*.

Каузальные отношения между сущностями устанавливаются на основе взаимодействия с ними как компонентами ниши, когда взаимодействие с одной сущностью ведет к взаимодействию с другой и наоборот. По мере накопления опыта таких взаимодействий в нервной системе организма формируется устойчивая мнемоническая структура, включающая в себя репрезентации взаимодействий с каждой отдельной сущностью, так что по мере когнитивного развития организма наступает момент, когда активация репрезентации взаимодействия с одной сущностью влечет активацию всей мнемонической структуры, в которую эта репрезентация входит, и, соответственно, активацию репрезентации взаимодействия с другой сущностью, даже если самого взаимодействия с этой другой сущностью нет (своеобразный эффект резонанса¹). Следовательно, для наблюдателя взаимодействие с любыми двумя сущностями, отвечающее этому условию, будет каузально обусловленным, а сами сущности будут находиться в отношении *естественной гносеологической зависимости*. Такого рода отношение мы находим между знаками естественного языка и компонентами среды у младенцев.

Традиционно знаковость слова рассматривается как нечто предзаданное, как изначальное свойство материального объекта особого рода (означающего), наполненного идеальным содержанием (означаемым). Однако знаковое отношение не встроено в природу, не является имманентным свойством природных объектов [Putnam 1983], и способность того или иного компонента среды выступать в роли знака является эмерджентным свойством. Естественный язык потому и называется естественным, что для появившегося на свет младенца звучащие слова и выражения

---

¹ Это явление, по-видимому, лежит в основе мыслительного процесса и позволяет понять, почему проблема искусственного интеллекта остается нерешенной: «в мозгу мы находим тесное переплетение сетей и подсетей и отсутствие свидетельств структурного разложения сверху вниз, как это характерно для компьютерного алгоритма» [Varela 1992: 11; мой перевод – А.К.].

представляют собой всего лишь один из многих компонентов среды, к которой организм младенца должен приспособиться, научившись ориентироваться в ней [Кравченко 2023]. По мере того, как у младенца накапливается опыт взаимодействий с языковыми знаками как компонентами среды (например, в тех же экспериментах С. Ваксман), элементарные репрезентации таких взаимодействий становятся компонентами сложных репрезентаций, которые оказываются *схваченными* репрезентациями взаимодействий с языковыми знаками в том смысле, что, благодаря эффекту резонанса, услышанное слово активизирует всю мнемоническую структуру, вызывая у младенца ту или иную поведенческую реакцию. Эта «схваченность» ментальной структуры словом (точнее, его репрезентацией) и ведет к образованию того, что в русском языке называется понятием, а в английском – концептом. Однако поскольку в опыте младенца между словом и предметом, который, как принято считать в философии объективного реализма, «именуется» этим словом, существует взаимная гносеологическая зависимость, в текущих взаимодействиях младенца со средой точно так же, как слово может указывать на воспринимаемый объект, этот объект может указывать на воспринимаемое слово. Именно эта особенность в развитии младенца как живой когнитивной системы подводит к конструктивистскому выводу, что мир, в который должен встроиться ребенок как живая (когнитивная) система, является образом языка – вывод сам по себе не новый [Радченко 2005], но не получивший должного внимания в картезианской лингвистике.

Заключение

Итак, что следует из изложенных выше соображений? Во-первых, при всем уважении к Л.С. Выготскому, А.Д. Кошелев вполне обоснованно ставит под сомнение утвердившееся в психологии развития мнение о генетической разделенности естественно языковой и мыслительной способностей, и эксперименты С. Ваксман и ее коллег позволяют это увидеть довольно четко. Во-вторых, выдвигаемая А.Д. Кошелевым гипотеза о том, что речь и мышление имеют единый генетический корень, поскольку имя объекта (уточню – в виде нейронной репрезентации взаимодействия с именем как акустическим объектом) входит особой характеристикой в число его первичных сенсорных характеристик (опять же, в виде элементарных репрезентаций взаимодействий с объектом посредством разных сенсорных модальностей), лично у меня не вызывает сомнений в ее обоснованности, и в своих работах я не раз высказывал аналогичную мысль [Kravchenko 2003; 2008]. В-третьих, то, что А.Д. Кошелев называет «ментальным представлением объекта», и что выше было описано как сложная нейронная репрезентация взаимодействий с объектом (т. е. как нейронная структура опыта/памяти), есть не что иное, как понятие/концепт в рассмотренном выше смысле: оперативная единица мышления, схваченная словом. Отсюда – следующий тезис: «Есть слово – есть понятие, нет слова – нет понятия». Именно эта «схваченность» словом делает возможным самый мыслительный процесс [Kravchenko 2021], который, тем не менее, не становится от этого врожденным свойством человека, как не является врожденной и сама языковая способность, что очень хорошо видно на примере так называемых «диких» детей, в силу разных причин развивавшихся вне языковой среды [Curtiss 1977]. Речь, скорее, должна идти о предрасположенности к языку как человекоспецифичному способу существования в мире [Гаспаров 1996], и именно это, как представляется,

имел в виду Хайдеггер [1993: 259], утверждавший, что «сущность человека покоится в языке».

Мы привыкли думать о познании как о процессе постижения мира, а мир для нас – это «объективность без скобок», познанию которой якобы способствуют имена предметов, которые ребенок «стремится узнать как можно быстрее» [Кошелев 2023: 138]. На самом деле когнитивное развитие человека связано с языком и им обусловлено: мы строим дом нашего бытия («объективность со скобками») в языке, созидая мир и наполняя его объектами с присущими им свойствами посредством фундаментальных операций различения, которые проводим в языке как наблюдатели. Понимание этого рано или поздно придет в науку о языке, ознаменовав качественно новый этап в ее развитии.

© **Кравченко А.В., 2024**

Литература

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 530 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л.: Социально-экономическое издательство, 1934.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о “мирном” сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ИД ЯСК, 2017. 528 с.

Кошелев А.Д. Имя как врожденное языковое свойство // Вопросы психолингвистики. 2023. Т. 57, № 3. С. 128–141.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская обл. типография № 1, 2001. 261 с.

Кравченко А.В. Что изучает концептология? // «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» / Мат-лы I Междун. науч. конф. Барнаул, 2011. С. 248–251.

Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса: КП ОМД, 2013. Вип. 1(30) С. 115–124.

Кравченко А.В. О предметной области языкознания // А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015а. С. 155–172.

Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014 / Сб. мат-лов. М.: Изд. РГГУ, 2015б. С. 697–709.

Кравченко А.В. [Рецензия] А.Д. Кошелев. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 3. С. 182–193.

Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово. ру: Балтийский акцент. 2022. № 3. С. 7–24.

Кравченко А.В. Знаки и смыслы как эпистемологическая проблема // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 4. С. 31–47.

Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: УРСС, 2005. 312 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993 («Путь к языку», с. 259–273).

Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. 22: 577–660.

Barsalou L.W. Continuity of the conceptual system across species // Trends in Cognitive Sciences. 2005.9(7): 309–311.

Button T. The Limits of Realism. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Curtiss S. Genie: A psycholinguistic study of a modern-day «wild child». N. Y.: Academic Press, 1977.

Di Paolo E. Autopoiesis, adaptivity, teleology, agency // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2005. 4(4): 429–452.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Everett D. L. Biology and language: a consideration of alternatives // Journal of Linguistics. 2005. 41: 157–175.

Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). University of Illinois, Urbana, 1972.

Foerster H. von. Vision, language and knowledge: The double blind. In: D. F. Schnitman, J. Schnitman (eds.). New paradigms, culture, and subjectivity. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2002: 65–81.

Gahrn-Andersen R. But language too is material! // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2019. 18: 169–183.

Gahrn-Andersen R. Perception as conceptual orderliness in enlanguaged practices. In: D. Secchi, R. Gahrn-Andersen, S.J. Cowley (eds.), Organizational cognition: The theory of social organizing. New York: Routledge, 2023: 39–52.

Gallese V., Lakoff G. The brain's concepts: the role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // Cognitive Neuropsychology. 2005. 22(3): 455–79.

Glaserfeld E. von. Cognition, construction of knowledge and teaching // Synthese. 1989. 80(1): 121–140.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: a way of knowing and learning. Bristol, PA: Falmer Press, Taylor & Francis Inc., 1995.

Hebb D. O. The organization of behavior. New York: Wiley & Sons, 1949.

Jackendoff R. What is a concept, that a person may grasp it? // Mind & Language. 1989. 4(1-2): 68–102.

Keller R. A theory of linguistic signs. Transl. by K. Duenwald. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Kravchenko A.V. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2003. 1: 179–191.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 2008.

Kravchenko A.V. Two views on language ecology and ecolinguistics // Language Sciences. 2016. 54: 102–113.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. 15(2): 139–158.

Kravchenko A.V. The distinctions we make as observers affect theory adequacy // *Constructivist Foundations*. 2022a. 18(1): 83–85.

Kravchenko A.V. The Maturanian turn: Good prospects for the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2022b. 18(1): 30–41.

Kravchenko A.V. A constructivist approach to meanings in the universe. In: A. Sharov, G. Mikhailovsky (eds.). *Pathways to the origin and evolution of meanings in the universe*. Beverly MA: Wiley; Scrivener Publishing LLC, 2024: 167–186.

Lakoff G. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. 4: 195–208.

Maturana H.R. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.

Maturana H.R. *Biology of language: The epistemology of reality*. In: G. Miller, E. Lenneberg (eds.). *Psychology and biology of language and thought*. New York: Academic Press, 1978: 28–62.

Maturana H.R. *Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence*. In: R. E. Donaldson (ed.), *Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld*. American Society for Cybernetics, 1988a: 1–54.

Maturana H.R. *Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument* // *The Irish Journal of Psychology*. 1988b. 9: 25–82.

Maturana H.R. *Understanding social systems?* // *Constructivist Foundations*. 2014. 9(2): 187–188.

Maturana H.R., Varela F.J. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston, MA: Shambhala, 1987.

Oeberst A., Kimmerle J., Cress U. What is knowledge? Who creates it? Who possesses it? The need for novel answers to old questions. In: U. Cress, J. Moskaliuk, H. Jeong (eds.). *Mass collaboration and education*. Cham etc.: Springer, 2016: 105–124.

Putnam H. *Realism and reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Tsien J.Z. The memory code // *Scientific American*. 2007. 297: 52–59.

Varela F.J. *Autopoiesis and a biology of intentionality*. In: B. McMullin, N. Murphy (eds.). *Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352*. Dublin, 1992: 4–14.

Waxman S.R. *Linking object categorization and naming: Early expectations and the shaping role of language*. In: D. L. Medin (ed.), *The psychology of learning and motivation*. San Diego: Academic Press, 1998: 249–291.

Waxman S.R. *Early word learning and conceptual development: Everything had a name, and each name gave birth to a new thought*. In: U. Goswami (ed.), *Blackwell handbook of childhood cognitive development*. Oxford: Blackwell, 2002: 102–126.

Waxman S.R. *How infants discover distinct word types and map them to distinct meanings*. In: J. Colombo, P. D. McCardle, L. Freund (eds.). *Infant pathways to language: methods, models, and research directions*. New York; London: Psychology Press, 2012: 99–118.

Waxman S.R., Booth A.E. *The origins and evolution of links between word learning and conceptual organization: New evidence from 11-month-olds* // *Developmental Science*. 2003. 6(2): 130–137.

Waxman S.R., Markow D.B. *Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants* // *Cognitive Psychology*. 1995. 29(3): 257–302.

Сведения об авторе:

Кравченко Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Контактная информация:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-0540>
e-mail: sashakr@hotmail.com

Для цитирования:

Кравченко А.В. О «врожденности» имени // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 108–121. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

UDC 81'37

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121

Research article

ON “INNATENESS” OF NAMES

Alexander V. Kravchenko

Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Abstract

The article continues the discussion of the name as an “innate linguistic property” started by Alexei Koshelev in a previous issue of this journal, and is of a polemical nature. Subscribing to most of A. Koshelev’s important observations and inferences regarding the dynamics of infants’ development, I question his main and, seemingly, paradoxical conclusion about the innate character of names as linguistic properties of objects and argue that such a conclusion is inevitable in the framework of the dualist Cartesian philosophy with its rationalist epistemology still dominant in academia. As an alternative, and a way to avoid such paradoxes, I argue for a different kind of epistemology based on radical constructivist philosophy as its theoretical foundation, particularly H. Maturana’s biology of cognition and biology of language. A constructivist, systems approach to the issue of the relationship between cognition and language, or “objectivity with parentheses”, opens a new perspective on the nature of concepts and the role of language in their formation leaving no room for the idea of presumed innateness of names.

Keywords: development theory, biology of language, biology of cognition, concept, linguistic sign, systems approach

©Kravchenko A.V., 2024

Bionotes:

Alexander V. Kravchenko – Full Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University

Contact information:

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-0540>

e-mail: sashakr@hotmail.com

For citation:

Kravchenko A.V. On “innateness” of names // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 108–121. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-108-121 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-122-124

Обзорная статья

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Теркулов Вячеслав Исаевич

Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

На кафедре русского языка Донецкого государственного университета психолингвистические исследования проводятся в связи с разработкой проблем донецкого региолекта, региональной языковой личности и языка войны. Актуальность данного направления обусловлена тем, что интеграция новых регионов в Российскую Федерацию должна опираться на научно обоснованное описание менталитета дончан, возможное только при условии учета отраженных в лексиконе, тезаурусе, прагматиконе донецкой языковой личности региональных особенностей донецкого восприятия мира, донецкой лингвокультуры.

Донецкий диффузный региолект трактуется в нашей работе как система регионально маркированных идиомов с южнорусской основой, сформировавшихся в результате взаимодействия и взаимопроникновения языков, диалектов, региолектов мигрантов, участвовавших в промышленном освоении Донбасса. Эклектичность языка порождает эклектичность мировосприятия, что обуславливает необходимость разностороннего комплексного изучения новосформировавшихся психологических и культурных доминант личности, воплощенных в ее идиолекте. Проводимое в этом направлении исследование региолекта, региональной языковой личности в целом и донецкой региональной языковой личности в частности отражено в монографии «Донецкий региолект» под ред. В.И. Теркулова [2018], а также в ряде статей, например, [Теркулов 2020; 2021; Курмакаева 2018; 2019] и др.

Кафедра участвует в проведении (совместно с Московским государственным университетом) ассоциативного этнопсихолингвистического эксперимента под руководством проф. Н.В. Уфимцевой (координацию действий в Донецке осуществляет доцент кафедры русского языка ДонГУ А.Н. Стебунова). Целью работы является создание Ассоциативного словаря дончанина. На данный момент обработано более 4000 анкет. В процессе обработки проводится изучение картины мира жителей Донецка, которое отражается в ряде публикаций преподавателей и студентов университета, таких, например, как [Стебунова 2019а; 2019б; 2020] и др.

Важным направлением научной работы кафедры является описание языка войны и воплощенного в нем актуального тезауруса донецкой языковой личности (проблема «личность и война»). Исследование проводится совместно с Южным научным центром РАН (руководитель Н.Ю. Власкина). Целью работы является составление лингвокультурного Словаря языка войны в Донбассе. Опубликованы статьи [Теркулов 2022а; 2022б].

Кафедра русского языка проводит ежегодный Международный научный семинар «Лингвистическое регионоведение», Международную научную конференцию

студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвященной памяти Г.И. Рихтера, в которых важное место занимает обсуждение проблем региональной лингвокультуры через призму психолингвистики.

© Теркулов В.И., 2024

Литература

Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под редакцией В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 264 с.

Курмакаева Н.П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах ее формирования // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Донецк: ДонНУ, 2018. № 1. С. 9–14.

Курмакаева Н.П. Региональная языковая личность Донбасса: опыт обобщенного лингвоперсонифицирования // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье. Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. С. 56–62.

Стебунова А.Н. Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019а. С. 83–85.

Стебунова А.Н. Слова-реакции на слово-стимул «Родина» в речи донецких студентов (на материале психолингвистического эксперимента) // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. Волгоград: Фортесс, 2019б. С. 177–180.

Стебунова А.Н. Концепт «свобода» в языковом сознании донецкой молодежи (на материале психолингвистического эксперимента) / Русский язык в поликультурном мире: IV Международный симпозиум (9–11 июня 2020 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 69–72.

Теркулов В.И. Языковая личность дончанина // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (г. Новосибирск, 14-17 октября 2020 года). Новосибирск: Академиздат, 2020. С. 108–110.

Теркулов В.И. Региональная языковая личность: основные характеристики // Жизнь языка в культуре и социуме. М., 2021. С. 331–333.

Теркулов В.И. Проект «Лингвистика войны» // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). Том 4: Филологические науки. Часть 2. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022а. С. 38–41.

Теркулов В.И. Словарь языка войны в Донбассе: лингвистические и лингвокультурологические особенности // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье. Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума. Брянск, 2022б. С. 25–29, 282.

Сведения об авторе:

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, филологический факультет, Донецкий государственный университет

Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Россия

e-mail: terkulov@rambler.ru

Для цитирования:

Теркулов В.И. Психолингвистические исследования на кафедре русского языка Донецкого государственного университета // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 122–124. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-122-124

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-122-124

Review article

**PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH AT THE DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT DONETSK STATE UNIVERSITY**

Terkulov Vyacheslav Isaevich

Donetsk State University,

Donetsk, Russia

Bionotes:

Vyacheslav I. Terkulov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Donetsk State University

Contact information:

24, Universitetskaya St., Donetsk, Russia, 283001

email: terkulov@rambler.ru

For citation:

Terkulov V.I. Psycholinguistic research at the Department of the Russian language at Donetsk State University // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 122–124. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-122-124 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БРЯНСКЕ

Чугунова Светлана Александровна

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
Брянск, Россия

Аннотация

Статья представляет собой обзор основных направлений психолингвистических исследований, которые проводятся преподавателями иностранных языков Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского. В основном эти изыскания сосредоточены на специфике речемыслительной деятельности индивида в условиях учебного двуязычия, но охватывают также изучение медиативной роли мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста, темпоральной семантики и темпорального опыта в разных лингвокультурах. Проводятся исследования усвоения лексики иностранного языка с учетом влияния психологических факторов, овладения Я2 в условиях учебного двуязычия, усвоения и функционирования нового иноязычного слова в индивидуальном лексиконе. Еще одно направление деятельности брянских психолингвистов связано с проблемами перевода.

Ключевые слова: психолингвистический подход, психолингвистика в Брянске, учебное двуязычие

Введение

Основную группу психолингвистов в Брянске составляют преподаватели иностранных языков Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, что во многом определяет специфику проводимых исследований. Объектом большинства из них является речемыслительная деятельность индивида в условиях учебного двуязычия.

Начало психолингвистическому направлению в лингвистических исследованиях на базе Брянского госуниверситета было положено кандидатской диссертацией С.А. Чугуновой «Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста» [2001], выполненной под научным руководством А.А. Залевской при Тверском государственном университете. Затем, при содействии на тот момент декана факультета иностранных языков Брянского госуниверситета, доцента Л.А. Чеславской, в планы учебных курсов был введен спецкурс по психолингвистике, который и поныне читается студентам факультета. Несколько позже на кафедре теории английского языка и переводоведения была открыта аспирантура по специальности 10.02.19 – теория языка, и первый аспирантский опыт был связан именно с психолингвистическим направлением.

Брянские психолингвисты, чей вклад в науку еще очень мал и очень скромный, тем не менее, гордятся тем, что психолингвистика в их регионе берет истоки в трудах выдающегося ученого А.А. Залевской и ее учеников. Как отмечает В.А. Пищальникова

[2021: 98], Тверская психолингвистическая школа, созданная и долгие годы руководимая Александрой Александровной, занимает особое место в современной отечественной психолингвистике: в ее рамках были созданы фундаментальные теоретически обоснованные и экспериментально подтвержденные «концепции психолингвистического значения слова, позволившие существенно продвинуть вперед методологию психолингвистики», принципы которой были заложены еще в трудах А.А. Леонтьева. Несмотря на определенное разнообразие тем научных работ брянских психолингвистов, все они опираются на идеи, теории и концепции А.А. Залевской [1977; 1982; 1988; 1990; 1992; 2001; 2005; 2007; 2011; 2014; 2015; 2016]: о проблемах организации внутреннего лексикона человека; об информационном тезаурусе человека как базе речемыслительной деятельности; о разграничении индивидуального и коллективного знания; о концепте как достоянии индивида; о роли слова как средства доступа к единой информационной базе человека; о естественном семиозисе и о функционировании «живого слова»; о роли тела и эмоций в процессах означивания; о национально-культурной специфике картины мира; о понятии проекции текста; о роли слова в понимании текста; о внутреннем контексте как сложной системе связей и отношений по линиям перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального и невербального, осознанного и неосознанного опыта индивида; об учебном двуязычии; об интерфейсной трактовке значения слова и другом.

Медиативная роль мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста

Медиативная роль мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста исследуется в работах С.А. Чугуновой и А.Г. Шипулина.

Как известно, мысленный образ, который также часто называют ментальным или вторичным, или просто «образом», противопоставляя образу непосредственного восприятия (перцепту), считается одним из способов отображения действительности в сознании человека. Вопрос о хранении, переработке и воспроизведении образной информации в памяти и ее взаимодействии с вербальной модальностью остается одним из самых сложных и противоречивых в мировой когнитивной науке, особенно это касается западных парадигм. Так, одни специалисты полагают, что вся перцептивная информация хранится в памяти индивида в виде структур, функционально изоморфных исходным (Б. Бугельски, Р. Солсо, Р. Шепард, С. Косслин). Словоформы хранятся вместе с субъективными впечатлениями от внешнего мира и оценками, и восприятие языкового знака неизбежно приводит к воспроизведению в сознании первичного зрительного и эмоционального впечатления в виде субъективного образа объективного мира. Другие авторы считают, что образная информация сохраняется в образном (конкретном) коде, а вербальная – в вербальном (абстрактном) коде (А. Пайвио, Л. Брукс), обе системы сравнительно независимы друг от друга. Лишь на референциональном уровне проявляется их взаимосвязь, примером которой могут служить высокообразные слова: при их предъявлении в сознании легко реактивируются ассоциируемые с ними мысленные образы. В трактовке третьей группы исследователей образная информация сохраняется в памяти в виде абстрактных, логико-символических переменных и констант [Гостев 1992]: это могут быть амодальные пропозиции (Дж. Андерсон, Г. Бауэр, З. Пылишин) или пространственные структуры вроде абстрактных моделей, схем, планов, карт, рамок и т.д., которые управляют и перцепцией, и формированием мысленных образов в качестве своего рода ментальных картин, и пониманием

вербальной информации (Э. Толмен, М. Минский, Ф. Джонсон-Лэйрд, Р. Зваан) [Чугунова 2006: 33–34].

На самом деле между этими подходами нет непреодолимой стены. Так, ряд приверженцев пропозициональных символьных теорий сознания (например, Ф. Джонсон-Лэйрд) все же считают необходимым включить в свои теории аналоговые репрезентации, приходя к выводу, что содержание дискурса может присутствовать в сознании как в пропозициональной форме, подобной его языковому выражению, так и в виде иконической ментальной модели, функционально изоморфной описываемому объекту [Шипулин 2023а: 19–20]. Более того, часть сторонников первой («квази-картиночной») точки зрения разделяют с дескриптивистами, выразителями третьей точки зрения, идею вычислительного (computational) ментализма, лежащую в основе компьютерной метафоры человеческого ума. Помнению Н. Томаса [Thomas 1999], образы, или квази-картинки, в экспериментах С. Косслина – это поверхностные репрезентации, представленные в виде заполненных ячеек матрицы на дисплее компьютера, каждая из которых может содержать множественные символы, репрезентирующие разного рода качественные характеристики образа в его определенной точке. Очевидно, что в реальности мысленный образ – это не компьютерный дисплей с изображением; скорее, он будет напоминать скрытую матричную репрезентацию в компьютерной памяти в виде электронных состояний в RAM чипах [Чугунова 2004].

В отличие от западных подходов к формату образных репрезентаций в памяти человека в отечественной науке всегда, несмотря на заметное в последнее время влияние компьютерной парадигмы, оставалась в силе позиция, что «любой образ, даже связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда “исполняет” целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [Василюк 1993: 16]. Этим подчеркивается единая интегративная сущность единиц памяти и, следовательно, ментальных репрезентаций (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, А.А. Залевская, Н.В. Рафикова (Мохамед)) [Чугунова 2006: 34].

Справедливости ради необходимо заметить, что не все западные ученые ратуют за идею вычислительного ментализма, хотя не отрицают, что исследуемые ими процессы могут быть смоделированы с помощью компьютерной системы [Чугунова 2004]. Кроме того, нельзя забывать, что, начиная с 1970-х гг., западная наука все больше проникается идеей, согласно которой в основе понимания вербальной информации лежит переживание описываемой ее средствами реальной ситуации. Постепенно на арену выходит корпореальный, или телесный, подход (embodied cognition), согласно которому существует, по всей видимости, когнитивный механизм (perceptual simulation [Barsalou 1999]), который поддерживает не только восприятие, целенаправленные ситуативные действия, но и ситуации, связанные с абстрактным мышлением и, в частности, с пониманием речи: слова активизируют участки мозга, рядоположенные или пересекающиеся с участками, активными во время перцепции объектов – референтов слов или действий с ними. Когда мы воспринимаем какую-либо фразу, например, Открой дверь!, в работу включаются те же системы мозга – перцептуальная, моторная и эмоциональная, что и при выполнении самого действия. Еще недавно западная наука считала человека рациональным существом, чья ментальность во многом превосходит его телесную организацию; ум трактовался как абстрактное, рациональное, лишенное эмоций устройство, способное полностью

отображать внешний мир, а язык – как логическая система символов, которая, будучи частью ума, овнешняет абстрактные концепты и определяет их в терминах окружающей действительности. Сегодня из результатов экспериментальных исследований (А. Гленберг, М. Кашак, Э. Лофтус, Дж. Палмер и другие) уже понятно, что мышление осуществляется теми же нейронными структурами, что и зрительное восприятие, двигательная активность и эмоциональные состояния организма. Язык наполняется смыслом благодаря участию сенсомоторной и эмоциональной систем – так, по меткому выражению Дж. Лакоффа, «философия питается физиологией» [Чугунова 2015].

С целью проверки гипотезы, что понимание художественного текста обеспечивается опорой на мысленный образ, причем независимо от языка текста – родного (далее – Я1) или иностранного (далее – Я2), С.А. Чугуновой в свое время был подготовлен и проведен психолингвистический эксперимент, в первой серии которого испытуемые (студенты факультета иностранных языков Брянского госуниверситета – БГУ) были разделены на группы. Одна группа работала с оригинальным текстом на Я2, а вторая – с его переводом на Я1, о чем участникам эксперимента сказано не было. Испытуемые (далее – ии.) не знали, что текст представлял собой относительно законченный по смыслу отрывок из романа «Jane Eyre» Ш. Бронте, причем он был подобран таким образом, что никаких имен или сколько-нибудь примечательных событий в нем не упоминалось. К тексту на Я2 прилагался минимальный список слов, незнание которых могло затруднить его понимание. Перед обеими группами ставилась задача прочесть и понять текст. Эксперимент проводился очно, студенты не имели возможности ни общаться между собой, ни пользоваться словарями (портативных электронных устройств тогда не существовало). Еще две группы ии. получили все то же самое, но перед ними стояла дополнительная задача – зрительно представить описанную в тексте ситуацию и записать как можно подробнее свои мысленные представления. После этого во всех четырех группах демонстрировались выполненные в цвете профессиональным художником картинки, которые воспроизводили описанную в тексте ситуацию, и ии. должны были письменно указать, используя знаки «+» или «-», представляли ли они нечто подобное, когда читали текст, или нет [Чугунова 2006: 65–66].

В результате подтвердилась гипотеза о том, что процессы смыслопонимания, основанные на идентификации референта, носят предметно-чувственный, перцептивный и большей частью зрительный характер. Тот факт, что ии., не получившие инструкции о представлении описанной в тексте ситуации, потом «узнавали» предъявленные им рисунки, составленные на основе языкового контекста, свидетельствует в пользу такого предположения. Кроме того, результаты эксперимента входят в противоречие с научными подходами, согласно которым мысленный образ включает только продукты сознательной рефлексии над разносторонним опытом взаимодействия индивида с миром, что существенно обедняет понимание этого психического феномена, сводя его к мысленной «картинке». Мысленный образ – это не «картинка», его следует понимать как сложную подвижную разномодальную и многоуровневую систему, в которой чувственные и рациональные, вербальные и невербальные, осознаваемые и неосознаваемые компоненты синтезируются в единый дискретно-континуальный «сплав», причем в силу различающегося внутреннего контекста в каждый конкретный момент могут превалировать разные составляющие образа, но никогда ни один из уровней не выступает сам по себе. Однако первичным все же следует считать предметно-чувственный компонент,

связанный с физическими признаками описанной в тексте и переживаемой во время чтения и понимания ситуации [цит. раб.: 74].

В диссертационном исследовании А.Г. Шипулина [2023а], посвященном деятельностному аспекту письменного перевода, проверялась гипотеза о прямой корреляции между индивидуальной предрасположенностью к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, или вторичных, образов и склонностью к поиску более подходящих вариантов перевода при рассогласовании ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте.

На первом этапе эксперимента у студентов факультета иностранных языков БГУ, в числе которых были и будущие переводчики, проводилась диагностика индивидуальных особенностей использования различных стратегий в процессе когнитивной обработки информации с помощью «Опросника предметного и пространственного воображения и вербальных способностей» [Blazhenkova & Kozhevnikov 2009]. Поскольку мысленный образ представляет собой сложное и многогранное явление, исследование вынужденно ограничилось наиболее базовыми его характеристиками, а именно предметно-чувственным компонентом с превалированием зрительной модальности. В отношении способности к мысленной визуализации можно говорить о существовании образов двух типов: предметных и пространственных. Предметные образы представляют собой иконические, аналоговые репрезентации предметов и сцен, а пространственные – более схематичные репрезентации, сконцентрированные на пространственных отношениях. Эта концепция подтверждается нейронаучными исследованиями мозга, согласно которым обработка различных аспектов визуальной информации происходит при помощи двух различных нейронных путей. Как ясно из названия опросника, диагностировались склонность ии. к предметному или пространственному воображению и их вербальные способности [Шипулин 2023б: 9–10].

На втором этапе эксперимента ии. письменно переводили с Я2 на Я1 отрывок из романа Ф. Томсон (F. Thompson) “Still Glides the Stream”, который до этого не переводился на русский язык. Ии. могли пользоваться словарями и любыми справочными ресурсами, включая интернет-ресурсы, как это бывает при обычной работе письменного переводчика. Выбор отрывка был продиктован тем, что это относительно законченный по смыслу фрагмент, не требующий для понимания знакомства со всем текстом романа; кроме того, он стимулирует образное воображение, так как содержит достаточно много объектов и персонажей (*village, fields, hedgerows, houses, garden flowers, children, ducks, little girls* и т.д.), разнообразные характеристики живых и неживых объектов (например, *a long, straggling place, a honeysuckle-covered porch; a pink or yellow washed front*), описания их пространственного расположения и движения (*standing singly and in groups on both sides of a country byway with fields and hedgerows between; from the top of his load* и т.д.), фрагменты прямой и косвенной речи [цит. раб.: 11–12].

Анализ полученных от 90 ии. переводов включал подсчет вариантов, соответствующих логике и смыслу всего отрывка, и вариантов, нарушающих смысл и логику текста, таких как буквализмы, наиболее частотные, но контекстуально неподходящие значения, неудачное копирование синтаксической структуры, неадекватные трансформации, условно адекватные трансформации, т.е. соответствующие логике переводного текста, но не смыслу оригинала. Для каждого

испытуемого была подсчитана процентная доля адекватно и неадекватно переведенных вариантов. Очевидные варианты перевода, использованные всеми или почти всеми ии., не учитывались. Далее результаты второго этапа эксперимента сопоставлялись с результатами первого этапа.

В итоге гипотеза исследования подтвердилась. Был сделан вывод, что при переводе художественного текста высокий уровень склонности переводчика к построению предметных образов проявляется в значительно большем использовании им адекватных вариантов перевода и адекватных смысловых трансформаций, порой значительно отступающих от тривиальных межъязыковых соответствий. Роль пространственных образов для нахождения адекватных решений не столь велика, однако, чем выше у индивида способность к пространственному воображению, тем меньше логических ошибок наблюдается в его переводах. Любопытно, что роль вербальных способностей в случае с художественным переводом оказалась незначительной по сравнению со способностью к построению мысленных образов. Это согласуется с данными когнитивной науки ([Barsalou 1999; 2009]), свидетельствующими о том, что когнитивная обработка информации на уровне только вербальной системы не связана с получением глубоких концептуальных знаний, которые возникают в процессе ситуативной симуляции – переживания мультимодального опыта взаимодействия индивида с окружающим миром [Шипулин 2023а: 108–110; 2023в].

Исследование темпоральной семантики и темпорального опыта в разных лингвокультурах

Темпоральная семантика фразеологических единиц и концептуализация времени в разных лингвокультурах составляют предмет научных изысканий Ж.П. Залипаевой и С.А. Чугуновой.

При современном взгляде на природу как на единое целое подлинная сущность времени может быть постигнута лишь в результате анализа сложнейших отношений между присутствием человека в мире и пониманием сути его бытия. Человек превращается в неустрашимого участника всех процессов, в первичную сетку координат, а на смену вычислительному подходу в изучении мышления, сознания, памяти и их свойств приходит корпоральный (телесный) подход. От проблемы поиска универсальных часов наука переходит к проблемам концептуализации времени как иерархии различных, но глубоко взаимосвязанных номинаций отрезков времени [Чугунова 2009; 2012].

В исследовании С.А. Чугуновой категория времени рассматривается с позиций областей знания, в которых время является центральным понятием, в историческом ключе и в свете сегодняшней интеграции наук. Предпринимается попытка подойти к проблеме субъективного времени с опорой на идеи известных философов, начиная с трансцендентального учения И. Канта и заканчивая биологией познания У. Матураны. Освящаются различные подходы к концептуализации времени у человека, прежде всего, через факты языка, поскольку считается, что вторая сигнальная система и все, что с ней связано, служит надежным «окном» в концептуальную систему мышления индивида. Темпоральность исследуется в непосредственной связи с корпоральным опытом движения, восприятия и как нейрокогнитивный процесс. Поднимаются вопросы о механизмах концептуальной интеграции, моделирования структуры темпоральных концептов, выявления критериев их выделения. Затрагивается вопрос о соотношении языковой картины мира и национального образа мира,

включая вопрос о языковой относительности индивидуального мировосприятия. Обращается внимание на проблему переработки темпоральной информации на уровне понимания повествовательного текста и той роли, которую играет темпоральный аспект образа содержания текста в построении его связной проекции. Проводится обзор экспериментальных исследований темпоральных когнитивных моделей и темпоральных перспектив с привлечением фактов из разных языков, демонстрирующих многообразное преломление пространственных, а по сути корпоральных отношений в темпоральной семантике. Анализируются результаты собственного многоэтапного психолингвистического эксперимента, нацеленного на выявление специфики концептуализации времени в сознании и подсознании русских реципиентов через понимание ими языковых темпоральных выражений, построенных на метафоре движения [цит. раб.].

В центре исследования Ж.П. Залипаевой [2020] находятся особенности функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе носителей французского и русского языков и билингвов в условиях учебного двуязычия, изучающих французский язык в качестве Я2.

В экспериментальной части исследования с помощью психолингвистических методов – свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективного дефинирования с элементами шкалирования – проверялась гипотеза о том, что специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в ментальном лексиконе индивида определяется: а) семантической структурой идиомы, б) степенью разложимости идиоматического значения, в) уровнем владения Я2, г) лингвокультурными и другими экстралингвистическими факторами влияния.

Отбор идиоматического материала производился в соответствии с предложенной в работе классификацией устойчивых сочетаний исходя из структуры темпоральной семантики:

1) идиомы со значением времени, включающие в свой состав темпоральные лексемы: например, *cinq minutes!* ‘подождите немного’ (букв. пять минут), *il y a depuis belle lurette* ‘давным-давно’ (букв. с давних пор, с давних времен), *бабье лето, в мгновение ока*;

2) идиомы со значением времени, не содержащие в своем составе темпоральных лексем: например, *entre chien et loup* ‘в сумерках’ (букв. между собакой и волком), *coiffer sainte Catherine* ‘остаться старой девой / засидеться в девках’ (букв. причесывать святую Катерину), *молоко на губах не обсохло* ‘кто-либо совсем еще молод и неопытен’, *смотреть удочки*;

3) идиомы, включающие в свой состав темпоральные лексемы, но не обладающие темпоральной семантикой в целом: например, *jour de souffrance* ‘оконный проем для освещения’ (букв. день страданий), *без пяти минут; семь пятниц на неделе, старый волк*.

В результате двухэтапного эксперимента был сделан ряд важных выводов, в частности о том, что при работе с идиомами на задачу субъективного дефинирования носители французского языка стремятся подобрать идиоматический эквивалент, в то время как билингвы большей частью объясняют значения через свободные словосочетания с опорой на формальные признаки. При условии низкого коэффициента известности и понятности идиомы механизм ее понимания и у билингвов, и у носителей языка приближается к идентификации через буквализацию [цит. раб.].

Исследование усвоения лексики иностранного языка с учетом психологических факторов влияния

Разрабатываемая в последние десятилетия теория усвоения лексики иностранного языка, необходимая как для выявления роли слова в организации и функционировании языковой способности у человека, так и для теоретического обоснования практики преподавания иностранных языков, остается неполной без учета психологических факторов влияния на процесс оперирования иноязычным словом в условиях учебного двуязычия. Одним из таких факторов является так называемая «иноязыковая тревожность» (foreign language anxiety), которая понимается как форма ситуативно-обусловленной тревожности в условиях овладения и использования иностранного языка (Я2) [Андрюшкина 2023а: 41].

Результаты диссертационного исследования Ю.С. Андрюшкиной дополняют научную картину относительно функционирования иноязычного слова в ментальном лексиконе обучающегося билингва через призму используемых им стратегий идентификации слова на Я2 и расширяют представления об изменении структуры ментального лексикона под влиянием психологического фактора иноязыковой тревожности.

На предварительном этапе эмпирического исследования с применением методов анкетирования и шкалирования проводилась диагностика личностной и иноязыковой тревожности у ии. (студентов факультета иностранных языков БГУ) с целью выявления их возможной взаимосвязи. Для этого применялись опросные листы, составленные с опорой на методику Ч.Д. Спилбергера, тест Foreign Language Classroom Anxiety Scale (FLCAS) и вопросник с макро- и микросоциологическими данными. Основной этап эмпирического исследования возможного влияния иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию индивида в условиях учебного билингвизма включал в себя три стадии с проведением:

1) той же диагностики с целью дифференциации ии. на группы в соответствии с уровнем иноязыковой тревожности;

2) свободного ассоциативного эксперимента в письменной форме на материале знаменательных лексических единиц, отобранных из Оксфордского словаря в соответствии с системой уровней владения иностранным языком, используемой в Европейском Союзе – Common Reference Levels: A1 и A2, B1 и B2;

3) метода прямого оценивания знания с его методиками:

а) восстановление высказывания;

б) перевод предложений с Я2 на Я1.

В качестве ии. на основном этапе эмпирического исследования выступали студенты факультета иностранных языков, студенты непрофильных факультетов и старшеклассники средней образовательной школы [Андрюшкина 2023а; 2023б].

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных позволила Ю.С. Андрюшкиной сделать ряд важных выводов.

Лексическая компетенция на Я2 у обучающегося билингва, или способность оперировать иноязычным словом во всем многообразии его парадигматических и синтагматических связей и отношений в ментальном лексиконе, является неотъемлемым компонентом всех видов речевой деятельности, сосредоточивая в себе фонетическую, грамматическую, синтаксическую, социокультурную, этнографическую и другие виды информации.

Иноязыковую тревожность следует понимать как ситуативно-специфический психологический барьер, связанный с изучением и использованием Я2 в учебной ситуации и за ее пределами, и рассматривать в качестве континуума, выделяя в нем повышено-аффективный – «дебилитативный», высокий – «продуктивный» и низкий – «инертный» уровни тревожности. К переживанию иноязыковой тревожности склонны не только эмоционально неустойчивые личности, вследствие чего ее нельзя считать проявлением личностной тревожности.

Влияние иноязыковой тревожности на формирование лексической компетенции на Я2 у обучающегося билингва может быть как конструктивным, так и деструктивным, независимо от уровня владения Я2.

Деструктивное влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию обучающихся со слабо сформированной компетенцией на Я2 проявляется в угнетении у них знаниевого компонента, что выражается в склонности осуществлять лексический поиск иноязычного слова по формальным признакам или отказаться от лексического поиска. В ассоциативных полях стимулов у таких индивидов преобладают реакции субординативного типа и периферические реакции с неочевидной связью со стимулом. При этом даже у билингвов с недостаточно хорошо сформированной компетенцией на Я2 может наблюдаться позитивное воздействие иноязыковой тревожности на их лексическую компетенцию, что выражается в активизации стратегий идентификации иноязычного слова с опорой на глубинный смысловой уровень.

У билингвов с высоким уровнем владения Я2 иноязыковая тревожность в основном не оказывает заметного деструктивного влияния на функционирование иноязычного слова в ментальном лексиконе, что выражается в использовании ими стратегий доступа к слову на уровне значения посредством актуализации связей между словоформой и единицами глубинного яруса лексикона. Конструктивное влияние иноязыковой тревожности выражается в том, что индивидуальный ментальный лексикон у этих обучающихся характеризуется более сложной структурой, в ассоциативных полях стимулов преобладают синтагматические и парадигматические реакции, представленные не только единичными реакциями, но и ассоциативными цепочками.

Отсутствие иноязыковой тревожности как психологического фактора, активизирующего когнитивные процессы во время речевой деятельности на Я2, может приводить к выбору стратегии ухода от лексического поиска и к упрощению структурных компонентов лексической компетенции у обучающегося билингва, независимо от уровня владения Я2 [цит. раб.].

Другие исследования

Кроме исследования Ю.С. Андрюшкиной, проблема овладения Я2 в условиях учебного двуязычия является центральной и для работ М.В. Шаповалова [2017] и Е.С. Медведевой [2021; 2023], в которых освещаются вопросы преподавания Я2 и вопросы, связанные с динамикой развития промежуточного языка, такие как стратегическая природа грамматической ошибки. С проблемой усвоения и функционирования нового иноязычного слова в индивидуальном лексиконе, с одной стороны, и с темой перевода, с другой, связаны публикации С.А. Чугуновой [2019; 2021].

К попыткам подойти к переводоведческим проблемам с позиции психолингвистического подхода к языку следует отнести, кроме упомянутого

выше исследования А.Г. Шипулина [2023а], такие публикации, как [Чугунова 2017; Chugunova 2021; Чугунова, Трепышко 2016]. Первые две представляют собой опыт сопоставления с помощью метода субъективного шкалирования коммуникативных эффектов, производимых на читателя, – обучающегося билингва – текстом оригинала (далее – ИТ) и текстом перевода (далее – ПТ). Эксперименты проводились в разное время на материале политических лозунгов и рекламных слоганов и преследовали цель подвести эмпирическую базу под обычно не выходящие за рамки теоретических построений рассуждения о необходимости близости коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ, как одного из критериев адекватного перевода.

Экспериментальное исследование, описанное в статье [Чугунова, Трепышко 2016], было нацелено на выявление влияния гендерного психотипа переводчика на конечный продукт переводческой деятельности, т.е. текст перевода. Студентам – будущим переводчикам – были предложены для перевода оригинальные отрывки из художественных произведений англоязычных авторов. Предварительно все ии. были протестированы по вопроснику С. Бем [Bem 1974] на предмет их гендерного психотипа. Сопоставление выполненных переводов показало, что гипотеза о влиянии гендерного психотипа переводчика на ПТ находит косвенное подтверждение, но требует дальнейших исследований с привлечением большего числа испытуемых и использованием дополнительных методик и процедур.

© Чугунова С.А., 2024

Литература

Андрюшкина Ю.С. Влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию индивида в условиях учебного билингвизма: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2023а. 177 с.

Андрюшкина Ю.С. Влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию обучающегося билингва. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2023б. 162 с.

Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.

Гостев А.А. Образная сфера человека. М.: Б. и., 1992. 194 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: КГУ, 1977. 82 с.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин: КГУ, 1982. 80 с.

Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин: КГУ, 1988. 95 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: ВГУ, 1990. 204 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Zalevskaya A.A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. London: LASHE, 2014. 180 p.

Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 64–76.

Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.

Залипаева Ж.П. Специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе человека: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Брянск, 2020. 24 с.

Медведева Е.С. Грамматическая ошибка и ее роль в процессе изучения иностранного языка // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ «Образование и наука». Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2021. С. 127–131.

Медведева Е.С. Психолингвистические особенности устной монологической речи в основной общеобразовательной школе в условиях учебного двуязычия // Языковой дискурс в социальной практике: Сб. науч. Трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. С. 229–233.

Пищальникова В.А. Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М: Институт языкознания-ММА, 2021. С. 97–108.

Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 227 с.

Чугунова С.А. Теории образности в когнитивной психологии // Слово и текст: Психолингвистический подход: Сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 160–168.

Чугунова С.А. Мысленный образ ситуации как медиатор понимания художественного текста. Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, 2006. 158 с.

Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур. Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, «Ладомир», 2009. 240 с.

Чугунова С.А. Время в языке и сознании: Интегративный подход. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 424 с.

Чугунова С.А. «Живое» слово на перекрестке теории и эксперимента в отечественной и зарубежной науке // Вестник Брянского Государственного университета: Педагогика и психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. 2015. № 1. С. 284–287.

Чугунова С.А. Коммуникативный эффект и оценка качества перевода с психолингвистических позиций // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. № 17. С. 81–90.

Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 64–77.

Чугунова С.А. Перевод английских окказионализмов в условиях учебного двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4 (50). С. 96–115.

Чугунова С.А., Третьяко Д.В. О возможном влиянии гендера на психотипическое сходство автора и переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2016. С. 17–25.

Шановалов М.В. Особенности обучения специальной иноязычной терминологии в условиях искусственного билингвизма: Магистерская диссертация. Брянск, 2017. 102 с.

Шипулин А.Г. Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2023а. 149 с.

Шипулин А.Г. Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Брянск, 2023б. 23 с.

Шипулин А.Г. Вербальное и образное в переводе: психолингвистический подход // Язык. Образование. Культура: Сб. науч. Трудов по материалам XVII Международной научно-практической электронной конференции, посвященной 88-летию КГМУ и Году педагога и наставника. Том 2. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2023в С. 42–44.

Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. Pp. 577–660.

Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // Philosophical Transactions of the Royal Society of London: Biological Sciences. 2009. Vol. 364. P. 1281–1289.

Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, № 2. P. 155–162.

Blazhenkova O., Kozhevnikov M. The new object–spatial–verbal cognitive style model: Theory and measurement // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23, № 5. P. 638–663.

Chugunova S. Experimental Approach to Translation Adequacy // L. Scliar, A.M.V. Pinheiro & D.A. Vilhena (Eds.), Books of Abstracts: Online 12th ISAPL International Congress: New perspectives in psycholinguistic research: Language, culture, technologies, June 3-5, 2021. URL: https://isapl2020.org/wp-content/uploads/2021/06/BOOK_OF_ABSTRACTS_2021_06_02.pdf. P. 222–223.

Thomas N.J.T. Are theories of imagery theories of imagination? An active perception approach to conscious mental contact // Cognitive Science. 1999. Vol. 23, № 2. P. 207–245.

Сведения об авторе:

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского

Контактная информация:

241036, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Для цитирования:

Чугунова С.А. Психолингвистические исследования в Брянске // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 125–137. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137

Research article

**PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
IN BRYANSK**

Svetlana A. Chugunova

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

Abstract

The article highlights the history of the development and origins of the psycholinguistic approach at Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, as well as research problems. The main scientific object in the works of Bryansk psycholinguists is an individual's verbal and cognitive activity in the context of classroom bilingualism, which is due to the specifics of the Faculty of Foreign Languages, where most research is carried out. The topics of research conducted at different times have been diverse and covered such problems as: the mediative role of a mental image in the processes of comprehending and translating a literary text; features of temporal semantics and temporal experience in different linguistic and cultural environments; the influence of psychological factors on foreign language vocabulary acquisition; the strategic nature of grammatical error in connection with the dynamics of the development of an intermediate language, and others.

Keywords: psycholinguistic research problems, Bryansk psycholinguistics, classroom bilingualism

©Chugunova S.A., 2024

Bionotes:

Svetlana A. Chugunova – Professor at the Chair of the English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky

Contact information:

14 Bezhitskaya Str., Bryansk, Russia
e-mail: chugunovasveta1@rambler.ru

For citation:

Chugunova S.A. Psycholinguistic research in Bryansk // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 125–137. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137 (In Russian)

Трибуна молодых ученых

УДК 81'23

ББК 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-138-151

Научная статья

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУЖДОСТИ, ОТРАЖЕННЫЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА, СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАДУАЛЬНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «ДРУГОЙ – ИНОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ»

Суворова Елена Владимировна

Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
Москва, Россия

Аннотация

Картина мира, сформированная в сознании современного русского человека, несет в себе ряд отличительных особенностей, позволяющих проникнуть в суть русской культуры и миропонимания. Одним из концептов, раскрывающих небольшой фрагмент концептуального поля, на котором основана опознавательная система СВОЙ – ЧУЖОЙ в русской культуре, является ЧУЖДОСТЬ. Чтобы выявить особенности оязыковления смыслов, лежащих в основе представлений о чуждом, был проанализирован синонимический ряд *иной – другой – чужой – чуждый*, рассмотрение которого осуществлялось с применением определенного алгоритма: изучались данные этимологических, толковых, ассоциативных и фразеологических словарей, а также «Национальный корпус русского языка (панхронический корпус)». Уже на этапе этимологического анализа стало очевидно, что, несмотря на кажущуюся логичность выстраивания ряда ИНОЙ – ДРУГОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ, слово *чуждый* несколько отстоит от остальных слов при сопоставлении с их современным толкованием. Согласно самому позднему из используемых нами толковых словарей (словарь под ред. Т.Ф. Ефремовой 1973 г. [Ефремова... [http](http://)]), слово *чуждость* сохранило только переносные значения. Оно также не встречается во фразеологизмах и, по данным современного среза «Национальный корпус русского языка (панхронический корпус)» (2021 г.), достаточно редко употребляется в аутентичных текстах (всего 23 случая). Согласно ассоциативному словарю (РАС), слово-стимул **чуждый**¹ отличается от остальных слов рассматриваемого ряда тем, что реакциями на него послужили несущие идеологическую и враждебную коннотацию слова, которые вряд ли можно отнести к частотным. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что слово *чуждость*, отражающее определенные представления носителей русского языка, несет идею чего-то инородного, отторгаемого русской культурой, и может служить маркером того, что не может быть принято русским человеком.

Ключевые слова: иной, другой, чужой, чуждый, концепт, языковая картина мира

¹ В настоящей статье приняты следующие обозначения: единицы когнитивного уровня (понятия, концепты и под.) даются ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ; рассматриваемые лексемы – *курсивом*; стимулы, в соответствии с традициями отечественной психолингвистики, – **полужирным шрифтом**; реакции – *курсивом*. При представлении данных словарных статей сохранено написание оригинала.

Введение

Диалог культур – проблема экзистенциальная, ведущая свое начало со времен возникновения первобытных общин и не утратившая своего значения в наши дни. По мере возрастания важности межкультурного сотрудничества проблема получала все более активный отклик в разных отраслях гуманитарной науки, и ее решение представлялось возможным только на их перекрестье. В статье мы предлагаем взглянуть на проблему диалога культур с позиций восприятия чужой культуры через призму своей, поскольку «любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур» [Тарасов 1996: 9]. В данном случае мы рассматриваем такую узко фрагментарную часть этой проблемы, как концептуальные представления о ЧУЖДОСТИ в русской языковой картине мира, с привлечением словарного материала, раскрывающего концептуальные представления, лежащие в основе всего синонимического ряда *другой – иной – чужой – чуждый*.

В работах значительного количества исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания, звучит мысль о том, что с момента своего рождения человек узнает и присваивает окружающую его культуру, которая со временем настолько глубоко укореняется в его сознании, что дальнейшее поведение индивида оказывается продиктованным автоматическими рефлексивными навыками интериоризованного идеосинкретического (от англ. *idiosyncratic* – ‘своеобразный, уникальный’) культурного поведения. В частности, Дж.Г. Мид, разделяя такие феномены, как «I» (Я) и «ME» (Меня), считал, что онтогенетическое развитие человека предполагает активное взаимодействие с окружающим «социальным» миром и усвоение опыта других людей. В ходе такой интериоризации окружающего мира особенности внешних взаимодействий становятся фактом внутриличностного сознания индивида. Способы внешних взаимодействий превращаются во внутренний опыт, т.е. интериоризируются. Отдельный человек является личностью постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу, поскольку перенимает в своем собственном поведении традиции и нормы этого сообщества [Mead 1934].

Закрепляясь в языке как в системе, культурные феномены ложатся в основу языковой картины мира, уникальной для каждой культуры. «Языковая картина мира становится миром в зеркале языка; вторичным, идеальным миром в языковой плоти; совокупностью знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [Красных 2012: 8]. Следовательно, доступ к лежащим в ее основе знаниям лежит через язык. Как мы полагаем данные знания имеют перцептивный (мы воспринимаем окружающий нас мир через органы чувств), эмоционально-оценочный (любые получаемые извне знания проходят через оценивание и эмоциональное восприятие), познавательный (индивид приобретает знания в ходе коммуникативно-познавательной деятельности) характер; их интериоризация проходит с опорой на индивидуально-личностный опыт и закрепляется в языке на уровне общепринятого значения [Леонтьев 2019]. Поэтому в нашей статье анализ концептуальных представлений, лежащих за словом *чуждость*, осуществлялся по следующему алгоритму, используемому В.В. Красных в ее работе «Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры *жидкость*)» [Красных 2020]: этимологические словари; толковые словари; ассоциативные словари; фразеологические словари и корпуса текстов в панхроническом национальном корпусе русского языка.

Такой алгоритм позволил нам 1) проанализировать исторические «корни» слова *чуждость* через этимологические словари и сравнить его этимологию с близкими по смыслу словами (*иной, другой, чужой*); 2) проследить формирование значения лексемы *чуждый* на основе словарных статей в толковых словарях, принадлежащих различным временным периодам (В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой) и оценить частотность появления слова *чуждый* в национальном панхроническом корпусе русского языка; 3) изучить реакции на стимул **чуждый** на основе прямого ассоциативного словаря и проанализировать стимулы, на которые оно само выступало в виде реакции (на основе обратного словаря); 4) проанализировать фразеологизмы с семантическим компонентом ‘чуждость’, чтобы исследовать особое метафорическое / метонимическое переосмысление понятия ЧУЖДОСТЬ в русской культуре.

Анализ концептуальных представлений о чуждости на основе градуальной оппозиции ДРУГОЙ – ИНОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ

Анализ этимологических словарей Г.А. Крылова, А.В. Семёнова, М. Фасмера показал, что слово **чуждый** (**чужд, чужда, чуждо**) встретилось нам только в одном словаре – М. Фасмера. Оно заимствовано из церковнославянского языка, ср. русск. цслав. **чуждь, щуждь**, ст.-слав. **штоуждь ξένος**, при исконнорусск. **чужой**. Примеры в цслав. могут объясняться влиянием слова *чудо*. Такая этимологическая характеристика позволила предположить, что в мировосприятии древних славян слово *чуждый* было тесно связано с восприятием сакрального мира и, вероятно, изначально имело положительную коннотацию.

Чтобы наиболее полно исследовать происхождение слова *чуждый*, проникнуть в суть тех смыслов, которые оно могло нести для древнего славянина, была дополнительно изучена этимология слов, входящих в градуальный синонимический ряд *иной (инакий) – другой – чужой*. Как и в случае со словом *чуждый*, анализ был проведен на основе вышеназванных этимологических словарей.

Этимологический словарь Г.А. Крылова: 1) **Другой**. Восходит к той же основе, что и *друг*, и имело такое же первоначальное значение; 2) **Иной**. Общеславянское слово, имеющее индоевропейскую природу (в немецком находим *ein*, в греческом *oinos*,...) [Крылов... [http](#)].

Этимологический словарь А.В. Семёнова: **Чужой**. Древнерусское – **чужь, чужий** (принадлежащий другому, посторонний, незнакомый, иностранный). Старославянское – **чоуждь**. Общеславянское — **tjudь**. Древнерусское слово известно с XI в. Время широкого распространения прилагательного в языке – XV–XVI вв. Это слово является одним из ранних заимствований из готского языка, восходя к индоевропейскому корню *teu-t-a*, означающему ‘народ’, ‘земля’ – от корня *teu-* (‘расширять, разбухать’) [Семёнов... [http](#)].

Этимологический словарь М. Фасмера: 1) **Другой**, друг друга, укр. другий «второй», блр. другі – то же, ст.-слав. друугъ друуга ἄλλῳς, болг. други, чеш. druhý «второй», druhu druhu «друг друга». Первонач. тождественно друг; 2) **Инакий** «иной», ст.-слав. инакъ «иной», болг. инак «иначе». От иной. Сюда же ина́че, ст.-слав. иначе ἄλλως. Образование сравн. степ. от инакъ. Ср. лит. vienókas, vienókis «одинаковый». гот. ainaha, ж. ainoho «единственный», ирл. oenach «собрание, рынок» (из *oināko-); 3) **Иной**, укр. інчий, інший, ст.-слав. инь ἄλλος, ἕτερος, ὀδέ, болг. ин, ина, ино и др. Родственно лит. inas «действительный, правильный»; с др. ступенью гласного; др.-

прусск. *ains* «один», лит. *viėnas*, лтш. *viėns* — то же; 4) **Чужой**, укр. чужий, др.-русск. чужь, ст.-слав. штоуждь ἄλλότριος, ξένος. Диссимилировано в тоуждь и стоуждь, сербск.-цслав. чуждь (под влиянием слова чудо). К числу форм, сближаемых с чужой, следует также отнести хетт. *tuzzi-* «войско»; 5) **Чуждый**, чужд, чужд́а, чуждо. Заимств. из цслав., ср. русск.-цслав. чуждь, щуждь, ст.-слав. штоуждь ξένος, при исконнорусск. чужой; примеры на ч- в цслав. могут объясняться влиянием слова чудо [Фасмер... http].

Анализ градуальных синонимов к слову *чуждый* выявляет этимологическое тождество *другой* – *друг* (Г.А. Крылов, М. Фасмер), *иной* – *инакий* – *иначе* (М. Фасмер); этимологическое сходство *иной* (*инакий*) слит. *vienókas, vienókis* ‘одинаковый’, гот. *ainaha*, ж. *ainoho* ‘единственный’, ирл. *oepach* ‘собрание, рынок’ (М. Фасмер); и определенные этимологические расхождения между *чужой* и *чуждый*. В этимологическом словаре А.В. Семёнова *чужой* определяется как производное от древнерусского *чужь, чужий* и имеющее значение ‘принадлежности другому, чего-то постороннего, незнакомого, иностранного’; при этом слово *чужой* также является одним из ранних заимствований из готского языка, которое восходит к индоевропейскому корню *teu-t-a* и означает ‘народ’, ‘земля’.

Такое сопоставление позволило говорить о том, что в современных словарях не отражаются этимологические корни слов *свой* – *иной* – *чужой* – *чуждый*, которые, тем не менее, неявно сохраняются в их современных значениях и могут быть выявлены при анализе ассоциативных реакций на данные слова-стимулы (анализ ассоциативных реакций приведен ниже). В частности, несмотря на кажущуюся семантическую близость лексем *свой* – *иной* – *другой* – *чужой* – *чуждый*, слово *чуждый* несколько выпадает из представленного ряда благодаря своей этимологии и дополнительным (не указываемым в словарной статье) смыслам.

Сделанные выводы привели к постановке следующих задач: 1) сравнить слова *чужой* и *чуждый* на предмет семантических расхождений; 2) соотнести слово *чуждый* с оставшимися синонимами из рассматриваемого синонимического ряда *иной* – *другой* – *чужой*. Данные задачи решались на материале толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой с учетом времени их создания.

Таблица №1

Семантика слов *чужой* и *чуждый* в словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой (обобщенные данные)

Чужой	Чуждый
Не свой, незнакомый, сторонний	Не свой, незнакомый, сторонний
Иноземный	Не обладающий чем-либо
Принадлежащий, свойственный другому	Принадлежащий другим, не собственный
Не родственный	Не связанный родственными узами
Далекий по духу	Далекий по духу, внутренне чуждый
Отчужденный, отрешенный	Отчужденный, отрешенный
Незнакомый, неизвестный	

Сравнительный семантический анализ слов *чужой* – *чуждый* показывает их почти полное синонимическое тождество. Тем не менее, *чуждый* имеет сему, отсутствующую в семантическом составе лексемы *чужой*, а именно: ‘не обладающий чем-либо’ (ср.:

зависть мне чужда), и, наоборот, *чужой* имеет смы: 1) 'иноземный' и 2) 'незнакомый, неизвестный' (последнее представлено только в словаре Д.Н. Ушакова и имеет помету «простореч.»), отсутствующие в семантическом составе слова *чуждый*.

Интерпретируя данное различие, отметим следующие примеры употребления слов *чужой* / *чуждый*?: *кто-либо мне чужой* / *чуждый по духу*; *что-либо мне чуждо* (ср.: *зависть мне чужда* / **зависть мне чужая*); *эта земля мне чужая* / *чужда). Опираясь на эти сопоставления, можно предположить, что слово *чуждый* предполагает «отсутствие обладания» неким качеством характера, а слово *чужой* может быть использовано при характеристике «стороннего» предмета, вещи или человека; если слово *чужой* можно отнести скорее к области знаний (*чужой* = неизвестный), то *чуждый* – к внутреннему миру. *Чуждый*, в отличие от *чужой*, не имеет сему 'иноземный', ср.: *чужая земля* (принадлежащая другому / другим) и *чуждая земля* (не близкая по духу). Данные предположения требуют проверки на более широком языковом материале.

Анализируя *чужой* и *чуждый*, мы также обратили внимание на то, что в их семантическом составе можно выделить определенные слои, указывающие на способ отражения мира в сознании индивида:

внешний мир – 1) не свой, незнакомый, сторонний; 2) иноземный; 3) принадлежащий, свойственный другому; 4) не родственник;

внутренний мир – 1) далекий по духу;

прослойка между внешним и внутренним (Я как Другой) – 1) отчужденный, отрешенный; 2) не обладающий чем-либо.

Такое разделение сем может быть объяснено с опорой на концепцию М.М. Бахтина: при переживании и оценке своего Я, индивид становится одновременно в позицию и объекта, и субъекта, поскольку оценить себя самого можно только со стороны. «Я могу помнить себя, могу частично воспринимать себя внешним чувством, отчасти сделать себя предметом желания и чувства, то есть могу сделать себя своим объектом. Но в этом акте самообъективации я не буду совпадать с самим собой <...> Я не могу всего себя вложить в объект, я превышаю всякий объект, как активный субъект его» [Бахтин 2000: 65].

Следующим нашим шагом стало соотнесение толкований слова *чуждый* с другими составляющими синонимического ряда *другой* – *иной* – *чужой*.

Толковый словарь В.И. Даля: 1) **Другой**, арх. *другой*, следующий за первым, второй; 2) **Иной**, не этот, другой, некий, который. 3) **Чужой**, не свой, сторонний, особь другого, незнаемый, незнакомый; не родня, не наша семья, не из нашего дома, нашего дома; не нашей земли, иноземный. 4) **Чуждый** – словарной статьи со словом *чуждый* нет [Даль... [http](http://)].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова: 1. **Другой**, ая, ое: а) не тот, не этот; не такой, иной, отличный от данного; б) следующий после первого; второй; в) такой же, как кто-н., равный, почти тождественный с ним; г) в знач. *сущ. другой*, *ого, м.* Кто-н. иной, не сам, посторонний; д) в знач. *сущ. другой*, *ого, мн.* нет, *ср.* Что-н. не то, иное, отличное от данного. 2. **Иной**: а) другой, совершенно не такой, отличающийся от этого (книжн.); б) некоторый, какой-нибудь, какой-то (о чем-н. обычном, но не приписываемом определенному лицу или предмету); в) при противополжении или перечислении: один, другой, и т. д. 3. **Чужой**, ая, ое: а) не мой или не наш, не свой, не собственный, принадлежащий другому, другим; б) что-н., принадлежащее или свойственное

другому, другим; в) не родной, не нашей семьи, посторонний, не свой; г) кому-чему и для кого-чего. Далекий по духу, внутренне чуждый для кого-чего-н., такой, с к-рым нет подлинной близости. 4. **Чуждый**, ая, ое; чужд, чужда, чуждо (книжн.): а) *только полн. формы*. То же, что в 1 знач. (устар.); б) *кому-чему, для кого-чего*. То же, что чуждой в 4 знач.; в) не обладающий чем-н., такой, кому или чему нельзя приписать чего-н [Ушаков... http].

Толковый словарь С.И. Ожегова: 1. **Другой**, -ая, -ое: а) *прил.* Не этот, не данный; б) *прил.* Не такой, иной; в) *прил.* Второй, следующий; г) *мест. неопр.* Некоторый, какой-н. иной (разг.); д) *другой*, -ого, *м.* Кто-то иной, не сам. 2. **Иной**, -ая, -ое: а) *прил.* Другой, отличающийся от этого; б) *мест. неопр.* Некоторый, какой-н., какой-то; 3. **Чужой**, -ая, -ое: а) не свой, не собственный, принадлежащий другим; б) не родной, не из своей семьи, посторонний; в) далёкий по духу, по взглядам. 4. **Чуждый**, -ая, -ое; чужд чужда, чуждо, чужды и чужды: а) далёкий (в 3 знач.), не имеющий ничего общего с кем-чем-н., инородный; б) лишённый чего-н., какого-н. (обычно отрицательного) свойства (книжн.) [Ожегов... http].

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой: 1. **Другой** *м. разг.:* а) кто-то иной, не сам; б) Кто-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов. **Другой** *м. разг.:* а) ни один из названных или из известных; б) кто-л. посторонний, чужой. **Другой** *прил.:* а) не этот, не данный (отличный от данного, прежнего; иной); б) противоположный (о стороне, крае и т. п.). 2. **Иной** *м. разг.:* а) некто другой, кто-либо, кто-нибудь, кто-то; б) кто-л. из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов. **Иной** *прил.:* а) отличающийся от этого, совершенно не такой; другой; б) некоторый, какой-либо, какой-нибудь, какой-то; в) один, другой и т. п. (при перечислении или при противопоставлении). 3. **Чужой** *прил.:* а) принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой; б) не связанный родственными отношениями; в) не состоящий в близких отношениях с кем-л.; посторонний; г) *перен.* далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; д) отчужденный, отрешенный; чуждый. 4. **Чуждый** *прил.:* а) устар. принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой, чужой; б) *перен.* не обладающий чем-л., такой, которому нельзя приписать что-л.; в) устар. не связанный родственными отношениями; неродной, чужой; г) *перен.* такой, с которым нет подлинной близости, далекий по духу, взглядам и т. п.; д) *перен.* отчужденный, отрешенный; чуждый [Ефремова... http].

Сопоставительный анализ синонимов *другой – иной – чужой – чуждый* на материале толковых словарей позволил сделать следующие выводы:

1) сравнивая статьи в толковых словарях В.И. Даля и Т.Ф. Ефремовой как наиболее отстоящие друг от друга по времени изданий, отметим, что часть из выделенных нами слов приобретает новые семантические значения: *другой* – ‘один из неизвестных’; *чужой* – ‘отрешенный, отчужденный’; *чуждый* – ‘отрешенный, отчужденный’. В значении слова *чужой* сема ‘неродной’ распадается на две новые: ‘неродной’ и ‘не состоящий в близких отношениях, посторонний’. В значении слова *чуждый* сема ‘неродной, не связанный родственными отношениями’ приобретает помету «устаревший»;

2) при анализе значений указанных словарных слов возникает их логическое разделение на группы: *другой – иной* и *чужой – чуждый*. Если первая группа используется для перечисления и противопоставления и тяготеет к классу числительных и местоимений, то вторая группа сохраняет качественный признак, присущий прилагательному;

3) этимологически *другой* восходит к той же основе, что и *друг*, и имеет такое же первоначальное значение (словарь Г.А. Крылова); в словаре Д.И. Ушакова еще сохраняется сема – ‘такой же, как кто-нибудь, равный, почти тождественный с ним’, в словаре Т.Ф. Ефремовой такая сема уходит, зато появляются семы: 1) ‘отличный от данного, прежнего’; 2) ‘посторонний, чужой’; 3) ‘не этот, противоположный’.

Представим в табл. 2 основные семантические различия синонимов *другой* – *иной* – *чужой* – *чуждый*, наблюдаемые в самом позднем из приведенных словарей – словаре Т.Ф. Ефремовой; полужирным шрифтом выделены непересекающиеся семы.

Таблица №2

**Основные семантические различия синонимов
другой – *иной* – *чужой* – *чуждый*
на материале словаря Т.Ф. Ефремовой**

Другой	Иной	Чужой	Чуждый
Ни один из известных; посторонний, чужой ; отличный от данного, прежнего.	Совершенно не такой, другой ; отличающийся от этого.	Принадлежащий другим; неродной; не состоящий в близких отношениях ; далекий по духу; отчужденный.	Принадлежащий другим; не обладающий чем-либо таким, что можно приписать кому-либо ; далекий по духу; отчужденный.

Работа со словарями раскрывает только одну сторону – лингвистическую, т.е. показывает то, что мы видим непосредственно в текстах (высказываниях), и то, что ограничено общим употреблением слов в русской речи, но не раскрывает другую – психолингвистическую сторону, т.е. ту, что лежит в основе подсознательной оценки, интерпретации слов и принадлежит культуре. С этой целью нами были проанализированы данные Русского ассоциативного словаря (РАС). Ограниченные рамками статьи, мы не приводим примеры единичных ассоциативных пар.

РАС – РС (прямой словарь):

Чуждый: не представлен.

Чужой: самая частотная реакция – *человек* (20); далее по частотности – *свой* (8/5); *дом, муж* (5); *среди своих* (4); *предмет, пришел, родной, странник, страшный, фильм, язык* (2).

Иной: *другой* (16); *некто* (2); *никакой* (2).

Другой: *человек* (75); *чужой* (30); *раз* (25); *день* (20/18), *иной, мир* (16); *этот* (12); *друг, случай* (11); *дом* (10); *не тот, такой* (9); *муж* (7); *берег, вариант, третий* (5); *автобус, другая, путь, разный, свой, следующий* (4); *вид, город, лучше, мой, мужчина, не нужен, нет, новый, номер, образ, парень, партнер, плохой, разговор, совсем, стол, тот* (3); *вкус, вопрос, второй, выбор, карандаш, месяц, мне не нужен, незнакомый, но не этот, объект, отец, первый, поворот, поезд, предмет, преподаватель, рассказ, стороной, фильм, хороший, шарф, экзамен* (2).

РАС – ОС (обратный словарь):

Другой – выступает реакцией на стимулы: *остальной* (19); *тот* (17); *любой* (11); *разный* (7); *какой, такой* (6); *никакой, совсем* (3); *бок, всякий, иностранный, он, особый, становится* (2).

Иной – выступает реакцией на стимулы: **другой** (16); **некто, никакой** (2).

Чужой – **свой** (50); **другой** (30); **родной** (13); **муж** (10); **дядя** (9); **голос, иностранный** (8); **ребенок, ребяенок** (6); **ваш, дядька, тот** (5); **некто, странный** (4); **берег, инопланетянин, карман, незнакомый, прохожий** (3); **билет, брат, буржуазный, внешний, горб, двор, кров, кто-то, общий, он, приятель, район, совсем, стране, сын, успех, чай** (2).

Чуждый – выступает реакцией на стимулы: **буржуазный** (4), по одной реакции на стимулы: **бюрократ, враждебный, иностранный, незнакомый, нужный, образ жизни** (1).

Анализ данных ПС и ОС показал, что за словами *другой, иной, чужой, чуждый* лежит определенный набор эмоциональных оценок, который мы отразили в табл. 3.

Таблица №3

Выборка эмоционально окрашенных стимулов и реакций из РАС

	Другой	Иной	Чужой	Чуждый
РАС ПС	<i>чужой</i> (30); <i>плохой</i> (3); <i>хороший</i> (2); <i>боль, вор, герой,</i> <i>неприятель,</i> <i>дорогой,</i> <i>отражение</i> (1)	<i>неправиль-</i> <i>ный</i> (1)	<i>страшный</i> (2); <i>ворон,</i> <i>опасность, плохой,</i> <i>предатель, пришлый,</i> <i>пугающий, черный</i> (1)	нет
РАС ОС	буржуазный (1)	неправиль- ный (1)	странный (4); инопланетянин (3); буржуазный (2); враждебный, высокомерный, неизвестный, необыкновенный, непохожий, преступник, пришелец, спесивый, чванливый (1)	буржуазный (4), бюрократ, враждебный (1)

Самым оценочно-нейтральным оказалось слово-стимул **иной**, которое не вызвало никаких эмоциональных реакций, кроме *неправильный*. В сопоставлении *другой* – *чужой* наиболее яркие негативные реакции вызвало слово-стимул **чужой**: *страшный* (2), *пугающий* (1); слово-стимул **другой** вызывало положительные реакции: *хороший* (2), *дорогой* (1). Слово-стимул **чуждый** отличается от остальных слов тем, что реакциями на него послужили слова, несущие идеологическую и враждебную коннотацию, и которые вряд ли можно отнести к частотным (напр.: *инопланетянин* (3); *буржуазный* (2); *враждебный, высокомерный* (1). Интересным наблюдением стало то, что, согласно прямому словарю, в отличие от остальных слов-стимулов, стимул **другой** вызвал наибольшее количество реакций, которые могли бы быть отнесены к практической жизнедеятельности человека (*мир* (16); *дом* (10); *берег* (5); *город, стол* (3); *вкус, поезд* (2)) и его окружению (*муж* (7); *мужчина, парень, партнер* (3); *отец* (2)); стимул **чужой** вызвал в основном предметные реакции (мы связываем это

с семей 'принадлежащий другим'), например: *дом, муж* (5); *предмет, язык, фильм* (2) и др.; стимул **иной** имел в основном местоименные реакции: *другой* (16); *некто, никакой* (2); *всякий, никто, такой* (1). Дальнейший анализ ассоциативных реакций на стимулы **иной, другой, чужой, чуждый** требует более широкого и глубокого подхода, предполагающего параллельное (а не последовательное, как предложили мы) сопоставление данных этимологических, толковых и ассоциативных словарей.

Следующим шагом в изучении синонимического ряда *другой – иной – чужой – чуждый* стало обращение к Национальному панхроническому корпусу русского языка. Основной целью стало определение частотности употребления данных слов по годам, установление пиков их появления в исторических текстах с 1100 г. по 2021 г. и анализ частотности их современного использования.

Таблица №4

Частотность появления единиц *другой, иной, чужой, чуждый* по данным Национального панхронического корпуса русского языка

Год	Другой	Иной	Чужой	Чуждый
1100	≈ 43	≈ 2282	≈ 394	≈ 19
Год наиболее высокой встречаемости в текстах	1782 год ≈ 3 567	1441 год ≈ 3315	1100 год ≈ 394	1721 год ≈ 133
2021	1734	328	195	23

Анализ частотности употребления единиц *другой – иной – чужой – чуждый* согласно Национальному панхроническому корпусу русского языка показал, что слово *иной* постепенно уходит в разряд устаревших, частота его использования в 2021 году по сравнению с 1100 годом упала в несколько раз; наиболее частотным словом среди рассматриваемых синонимов оказалось слово *другой* – 1734 употребления, наименее частотным оказалось слово *чуждый*, причем это прослеживается в течение всего сравниваемого периода (1100 по 2021 гг.). Более детальному анализу мы подвергли три текста, содержащих слово *чуждый*, которые были созданы «на пике» его использования (1721 г.):

1. Митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722);
2. Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725);
3. [Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721).

Все три текста имеют религиозный смысл. В этих текстах слово *чуждый* в основном используется в свете православной веры («чуждое естество превратишься», «и чуждые богомерзския, еретическия, пространным путем во ад ведущия веры похваляют» [Митрополит Стефан (Яворский) 1700–1722; цит. по: Национальный... http]), в противопоставлении к отечеству, своей стране («по чуждым странам волочитися» [Посошков 1718–1725; цит. по Национальный... http]); в контексте противопоставления своему роду, клану, семье («а еще кто соблудит с чуждею женою, то уже не тело едино, но и душу осквернит» [Посошков 1718–1725; цит. по: Национальный... http]); в контексте противопоставления свое – чужое имущество («и еще богат не будеши и жить будеши в последней нищете, обаче и тогда за чуждое не прикасайся, но чем тебя Бог благословил» [Посошков 1718–1725; цит. по Национальный... http]); «на пример, что делать, когда кто, похитив чуждее имение, хошет» [Петр I 1721; цит. по: Национальный... http]). При этом слово *чуждый* имеет негативную коннотацию.

Если вновь вернуться к рассмотренным нами толковым словарям, разработанным относительно недавно (например, словарь Т.Ф. Ефремовой 1973 года), по сравнению с текстами, датированными 1700–1725 гг., становится очевидным, что в значении слова *чуждый* значительно поменялся семантический состав. В частности, в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова... http] мы уже не находим таких семантических значений, как 'иноземный' (в современном русском языке будет скорее *чужая*, но не *чуждая страна*) или *чуждый* в значении 'не угодный Богу'. В указанном словаре семы 1) 'не связанный родственными отношениями, неродной, чужой'; и 2) 'принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой, чужой' имеют помету «устаревшее». Зато появляются семы с пометой «переносное»: 1) 'не обладающий чем-л., такой, которому нельзя приписать что-л.'; 2) 'такой, с которым нет подлинной близости, далекий по духу, взглядам, интересам; чужой'; 3) 'отчужденный, отрешенный; чуждый'. Таким образом, оказывается, что в современном словаре русского языка в значении слова *чуждый* современными (не устаревшими) остаются только семы с переносным значением.

Последним этапом практического изучения концептуальных представлений о чуждости в русской языковой картине мира через призму градуального противопоставления ДРУГОЙ – ИНОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ стало изучение фразеологизмов, имеющих в своем составе данные единицы. Были проанализированы фразеологические словари под ред. А.И. Молоткова, В.Н. Телия, А.Н. Тихонова. Фразеологизмы, пословицы или поговорки с компонентом *чуждый* в данных словарях и другой справочной литературе не были найдены, поэтому мы обратились к фразеологизмам, содержащим компоненты *иной*, *другой* и *чужой*.

Фразеологизмы с взаимозаменяемыми словами *другой* / *иной*:

1) *другая (иная) музыка* – совсем не то; нечто особое; 2) *другое (иное) дело* – совсем не то, что было (обычно как выражение одобрения по поводу чего-либо); 3) *другой (иной) коленкор* – совсем не то, что было (обычно как выражение одобрения по поводу чего-либо);

Фразеологизмы со словом *другой*:

1) *другая сторона медали* – противоположн., всегда отриц., теневая сторона чего-либо; 2) *одна нога здесь, другая там* – быстро, молниеносно (при требовании, приказании); 3) *смотреть другими глазами* – относиться к чему-либо по-другому; 4) *из другого теста* – не схожий с другим обычно по образу жизни, характеру, взглядам; 5) *другой раз* – простореч. иногда, порой; 6) *из другой оперы* – то, что не относится к делу; к теме разговора.

Фразеологизмы со словом *чужой*:

1) *жить чужим умом* – придерживаться чужих взглядов, не быть самостоятельным в действиях и поступках; 2) *чужими руками* – несамостоятельно, используя труд, усилия других; 3) *чужими руками жар загребать* – пользоваться результатами труда других в своих интересах; 4) *с чужих слов* – на основании разговоров, рассказов других, а не собственных знаний; 5) *петь с чужого голоса* – не иметь своего мнения, быть несамостоятельным в суждениях; 6) *с чужого плеча* – ношенный другим и не подходящий по размеру; 7) *есть чужой хлеб / жить за чужой счет* – жить на средства других; 8) *в чужом пиру похмелье* – неприятность из-за вины другого.

Анализ приведенных выше фразеологизмов показывает, что слово *иной* постепенно исчезает из русского словарного состава, его заменяет слово *другой*. Слово *другой*

имеет либо скрытую нейтральную, либо отрицательную коннотацию, у слова *чужой* нейтральная оценка отсутствует, а отрицательная усиливается по сравнению с фразеологизмами, имеющими слово *другой* в своем составе. Отсутствие фразеологизмов со словом *чуждый* говорит о том, что это слово не участвует в метафорическом моделировании языковой картины мира.

Выводы

Как показало проведенное исследование, слово *чуждость* не представлено в ряде толковых словарей и полностью отсутствует во фразеологическом фонде русского языка. Таким образом, оно едва ли может в полной мере оязыковлять концептуальные представления о чуждости, и для того, чтобы оценить отражение представлений о чуждости в русской языковой картине мира, необходимо задействовать в исследованиях весь синонимический ряд: *другой – иной – чужой – чуждый*.

Анализ этимологических, толковых и ассоциативных словарей показал, что, несмотря на кажущуюся логичность выстраивания синонимического ряда *другой – иной – чужой – чуждый*, слово *чуждый* несколько выпадает из него благодаря тому, что, во-первых, в определенной мере дублирует слово *чужой*, сохраняя при этом независимую сему 'не обладающий чем-либо таким, что можно приписать кому-либо', во-вторых, несет дополнительные смыслы, проявляющиеся в ассоциативной реакции *чуждый* на такие стимулы, как **буржуазный, бюрократ, враждебный, иностранный, незнакомый**; в-третьих, согласно данным национального панхронического корпуса русского языка, оно постепенно вытесняется из русского языка другими словами из синонимического ряда *другой – иной – чужой*.

© Суворова Е.В., 2024

Литература

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 337 с.

Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: «Советское радио», 1978. 184 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики. Лекционный курс. М: Гнозис, 2012. 333 с.

Красных В.В. Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры *жидкость*) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 70–81.

Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. Учебное пособие. М.: Смысл, 2019. 511 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 томах / под редакцией Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 27.02.2024).

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. / Отв. редактор Н.В. Уфимцева. М., 1996. С. 7–22.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Mead G.H. (1934) *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. URL: <http://tankona.free.fr/mead1934.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

Этимологические словари

Крылов Г.А. Этимологический словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 27.02.2024).

Семёнов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 27.02.2024).

Фасмер М. Этимологический словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 27.02.2024).

Толковые словари

Даль В.И. Толковый словарь. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 27.02.2024).

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 27.02.2024).

Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 27.02.2024).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 27.02.2024) Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 27.02.2024).

Фразеологические словари

Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия; Российская академия наук. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2010.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Тихонов А. Н. Москва: Флинта, 2008.

Фразеологический словарь русского языка / Составители Л.А. Войнова и др.; Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994.

Источники

Национальный панхронический корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CrkBEmQKYhJgChUKA2xleBIOCgzRh9GD0LbQtNGL0LkKCgoEZm9ybR ICCgAKDAoFZ3JhbW0SAwoBQQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlB51tb2QSCgoIc2VtfH NlBxgkCwoFZmxhZ3MSAgoAiMKIQofCgdjcmVhdGVkMhQKBwi5DRABGAESBwi5 DRAMGB8YAiolCggIABAKGDIgCiAAKJ6lubnfVZ4JMgpyYw5kb21fZG9jQAV4ADIC SBM6AQEwAQ==> (дата обращения: 27.02.2024).

Сведения об авторе:

Суворова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина»

Контактная информация:

119991, г. Москва, проспект Ленинский, дом 65, корпус 1

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5821-3952>

email: suvorlen@yandex.ru

Для цитирования:

Суворова Е.В. Концептуальные представления о чуждости, отраженные в русской языковой картине мира, сквозь призму градуального противопоставления «ДРУГОЙ – ИНОЙ – ЧУЖОЙ – ЧУЖДЫЙ» // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 138–151. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-138-151

UDC 81'23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-138-151

Research article

THE STUDY OF CONCEPTUAL CONTENT OF ALIENNESS
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
THROUGH THE GRADUAL OPPOSITION
“OTHER –DIFFERENT – FOREIGN – ALIEN”

Elena V. Suvorova

National University of Oil and Gas “Gubkin University”,
Moscow, Russia

Abstract

The picture of the world fixed in the consciousness of the Russian people carries a number of distinctive idiosyncretistic features that allow penetrating into the essence of the Russian culture and worldview. Alienness is one of the concepts in the conceptual field on which the Russian cultural identification system «Friend or Foe» is based on. To reveal the conceptual content of Alienness, the article analyses the synonymic row *other – different – foreign – alien*. The analysis of the row is carried out using a certain algorithm: data from etymological, explanatory, associative and phraseological dictionaries, as well as the national panchronic corpus of the Russian language are alternately studied. The results are as follows. At the stage of the etymological analysis, it has become obvious that despite the apparent logic of the row *other – different – foreign – alien*, the word *alien* is somewhat distant from the other words, their modern definitions being compared. Further, according to the most contemporary (among the studied) explanatory dictionaries (published in 1973), the word *alienness* does not have any direct meanings (only figurative ones). There are no phraseological units containing the word *alien*, and one can rarely come across the word (only in 23 cases) when analyzing the contemporary cross-section of the national panchronic corpus of the Russian language (2021). According to the associative dictionary, the reactions to the stimulus-word *alien* differ from the reactions to the other words-stimuli in the synonymic row. These reactions carry only ideological and hostile connotations, which makes it difficult to build the given above row. The paper concludes that the concept Alienness carries the idea of something foreign, which is rejected by the Russian culture, and serves as a marker of something that cannot be accepted by the Russian people.

Keywords: other, different, foreign, alien, concept, linguistic picture of the world

© Suvorova E.V., 2024

Bionotes:

Elena V. Suvorova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Moscow, Russian Federation

Contact information:

65/1, Leninskiy Prosp., Moscow, 119991

email: suvorlen@yandex.ru

For citation:

Suvorova E.V. The study of conceptual content of alienness in the Russian linguistic picture of the world through the gradual opposition “OTHER – DIFFERENT – FOREIGN – ALIEN” // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 138–151. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-138-151 (In Russian)

Тверской государственный университет

Факультет иностранных языков и международной коммуникации

проводит

1–2 ноября 2024 года

Международную научно-практическую конференцию

«СЛОВО И ТЕКСТ: ПОИСКИ СМЫСЛА»,
посвящённую памяти заслуженных деятелей науки РФ
А.А. Залевской и Г.И. Богина

Адрес проведения конференции: **170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33**

Начало работы конференции – 1 ноября 2024 года.

Завершение работы конференции – 2 ноября 2024 года.

Рабочие языки конференции – русский, английский.

К участию приглашаются ученые, преподаватели вузов и аспиранты.

Формат участия: очный, заочный.

Организационный взнос не предусмотрен.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

- Психолингвистические исследования слова и текста
- Психолингвистические проблемы овладения и пользования языком
- Взаимодействие языков и культур: психолингвистический подход
- Дискурсивный вектор в лингвистических исследованиях
- Текст в культуре: проблемы понимания
- Проблемы функциональной неграмотности
- Перевод и межкультурная коммуникация
- Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков
- Проблема вопрошания в герменевтике
- Интерпретация как методологический принцип в разных видах деятельности
- Формирование герменевтических готовностей
- Герменевтические основания филологического образования
- Герменевтические ситуации понимания и непонимания в образовании
- Организация индивидуальной и коллективной мыследеятельности в герменевтических ситуациях

Программа конференции размещается не позднее 25 октября 2024 года на сайте факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ в новостной ленте и на Интернет-странице конференции в разделе «Наука → Конференции».

Материалы конференции будут опубликованы в электронном виде в очередных сборниках «Слово и текст: поиски смысла» (выпуск № 23) и

«Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты» (выпуск № 50) с поэтапным размещением в РИНЦ.

Стоимость публикации – 150 рублей за страницу (расходы на редактирование и подготовку макета издания).

КЛЮЧЕВЫЕ ДАТЫ

Заявка на участие в конференции – до **22 сентября 2024 года**.

Материалы (статьи) для публикации – до **5 ноября 2024 года**.

РЕГИСТРАЦИЯ И ПОДАЧА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Регистрация на участие в конференции по ссылке:

<https://forms.yandex.ru/cloud/65d506f7068ff0490104f775/>

Электронный адрес для связи с оргкомитетом и отправки материалов для публикации: rgf-conference@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПУБЛИКАЦИИ

Объём текста: 5 полных страниц.

Поля: 2 см со всех сторон, ориентация книжная.

Основной текст – шрифт Times New Roman, кегль 14 пт., интервал одинарный, выравнивание по ширине, абзацный отступ 1,25. Список литературы, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках – TimesNewRoman, кегль 12 пт.

Ссылки на литературу в тексте статьи – в квадратных скобках на номер в списке: [3: 25], перечисление источников: [2; 4; 6–8], при повторе: [цит. раб.: 15].

Список литературы – в виде НУМЕРОВАННОГО списка в алфавитном порядке сначала на русском языке, затем на иностранных языках с указанием издательства и количества страниц.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекгией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекгией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.ppressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2024
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2024
© Авторы, 2024

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2024
© Lomonosov State University, 2024
© Moscow International Academy, 2024
© Authors, 2024

Подписано в печать 26.03.2024. Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л.9,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru